

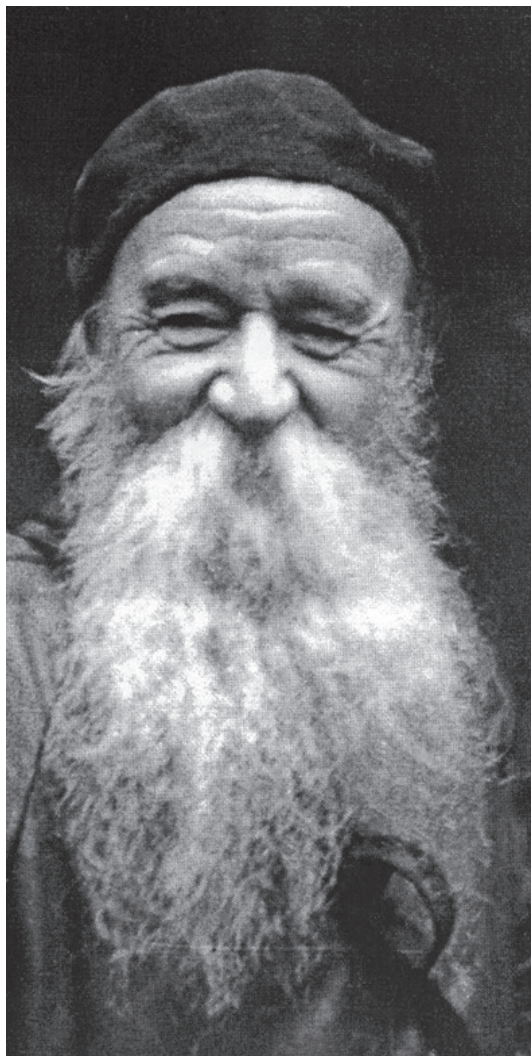
**Потому что я их
люблю ...**

**ППС
и
ВООП**

Москва 2008

Потому что я их люблю (ППС и ВООП)

Посвящается Петру Петровичу Смолину

УДК 78
ББК 85-731

Потому что я их люблю (ППС и ВООП) М., 2008, 288 с.

Воспоминания Лены Гулыги (Часть 1) и других ВООПовцев (Часть 2) о Петре Петровиче Смолине — руководителе кружка ВООП и его воспитанниках. Их серьезные, а порой и незатейливые рассказы о великом учителе, его учениках, об их счастливых годах в кружке и о том уже давно прошедшем времени. В Части 3 собраны статьи о Петре Петровиче, опубликованные в разных периодических изданиях и предоставленные для публикации Государственным Дарвиновским музеем и Биологическим отделом Научной Библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова.

Редакторы: Лена Гулыга, А.А. Аверьянов, В.Б. Князев, О.А. Леонтьева, Б.Н. Фомин.

Фотографии к главам 1, 2 предоставлены А.А. Аверьяновым, М.Е. Черняховским, В.Б. Князевым.

Фотографии на обложке: А.А. Аверьянов.

Фотография на 1 странице: М.В. Глазов.

Дизайн обложки и верстка: Б.Н. Фомин.

ISBN 978-5-85941-269-3

© Лена Гулыга, автор Части 1

© Н. А. Аверьянова, рисунки

© А. Аверьянов, Л. Потапова, В. Долгачева, В. Князев, О. Леонтьева, Е. Николаев, Ю. Пузаченко, М. Черняховский, О. Шохина, Т. Баженов — авторы статей Части 2

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Часть 1. Воспоминания Лены Гулыги	7
Жизнь Петра Петровича	8
ППС — поэт	14
ППС говорит	25
Наша ВООПовская юность	27
Встреча тридцать лет спустя	43
Ученики Петра Петровича	49
Часть 2. Воспоминания ВООПовцев	58
Наш кружок (Андрей Аверьянов)	59
Воспоминания Смородинки (Лариса Буданова)	69
Любимый ВООП (Вера Долгачева)	73
Годы в ВООПе (Володя Князев)	77
ВООП — моя судьба (Оля Леонтьева)	86
Воспоминания о ВООПе и не только о нем! (Евгений Николаев)	96
«Жизнь моя, иль ты приснилась мне» ППС, среда и я (Юра Пузаченко)	106
Воспоминания (Миша Черняховский)	131
С ВООПом я познакомилась летом 1954 года (Ольга Шохина)	155
Сага о ВООПе в картинках (Тимофей Баженов)	158
Приложение. Наши песни	164
Часть 3. Материалы прессы	170
Дедушка юннатов (А. Тараданкин)	171
Главный хранитель (Т. Громова)	174
Жаворонки поют в музее (А. Филатов)	176
Природа и дети (К. Кожевникова)	180
Лесной волшебник (А. Калецкий)	189
Хранитель музея (С. Макаров)	192
От кружка до олимпиады (А. Михайлов)	197
Главный хранитель (Г. Режабек, В. Опалин)	204
Послушай траву-мураву (А. Батурина)	211

Волшебник с доброй улыбкой (Б. Баринов)	213
О том как чижа не узнали (А. Крон)	217
П.П. Смолин (А. Калецкий)	225
Добрый волшебник (В. Строков)	227
Человек начинается с детства (О. Никольская)	229
Памяти наставника (К. Авилова)	231
Юбилей юннатского движения (А. В. Яблоков)	234
Его главный талант (воспоминания учеников ППСа: С. Кламова, В. Муцетони, А. Максимова, Н. Кулюкиной, В Шишкина, В. Добрыниной, А. Аверьянова)	235
Из воспоминаний об отце (П.П. Смолин сын)	246
Отцы и дети (Д. Житенев)	252
КЮБЗ – среднее поколение (Д. Гудков)	253
Исследовательский подход в природе и жизни (Н. Харитонов)	259
Кружку юных натуралистов ВООП –50! (К. Авилова) ...	263
Петр Петрович Смолин (биографический очерк)	268

Предисловие

Время летит несказанно быстро. Вот уже проходит 111 год со дня рождения нашего учителя Петра Петровича Смолина — руководителя юннатского кружка ВООП.

Восемь лет назад вышла книга воспоминаний ВООПовцев, посвященная 50-летию кружка. Книга, которую вы держите в руках, планировалась к изданию давно. Но в силу ряда обстоятельств стало возможным опубликовать ее только теперь. Ушли из жизни некоторые ВООПовцы. Светлая им память. Другие повзрослели — постарели. Но продолжает гореть негасимый огонь памяти о Петре Петровиче Смолине, его деле и питомцах.

Инициатором этой книги и автором стала Лена Гулыга, у которой последние месяцы жил Петр Петрович. Позже по ее просьбе к созданию книги воспоминаний подключились и другие ВООПовцы. Было также решено включить в эту книгу статьи о Петре Петровиче Смолине из разных периодических изданий, опубликованных при его жизни и после смерти. Копии статей были предоставлены нам архивом Государственного Дарвиновского Музея (фонд Петра Петровича Смолина, опись №1) и Биологическим отделом Научной Библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова. Выражаем благодарность зав. сектором архивных фондов И.П. Калачевой и сотруднице Научной Библиотеки МГУ Л.Л. Данилкиной, подготовивших и передавших нам эти материалы.

В процессе редактирования книги была значительно сокращена часть с ВООПовскими песнями. Чтобы не нарушать авторских прав, было решено оставить только те песни, слова к которым были сочинены членами кружка разных лет.

На конечном этапе редакторам помогли Т.А. Леонтьева и Н.Ю. Глазова. Всем добровольным редакторам выражаем огромную благодарность.

Одновременно с книгой создавался диск с фотографиями ВООПа разных лет, собранный, мастерски обрабо-

танный и скомпонованный Андреем Аверьяновым. Было решено, однако не прикладывать его к книге, а делать копии по конкретным заявкам желающих.

Спасибо всем, кто принял участие в написании воспоминаний о Петре Петровиче, ВООПе и ВООПовцах, нашел время и желание выбрать фотографии для диска. Особая благодарность Василию Юрьевичу Путиловскому, который спонсировал издание этой книги.

Сделать замечания и предложения, а также заказать книгу или диск можно по адресу leontolga@mail.ru

Ольга Леонтьева

Часть 1

Воспоминания Лены Гулыги

Лена Гулыга

Член Союза российских писателей

Жизнь Петра Петровича

Петр Петрович Смолин (ППС — как его называли мы, ученики) родился 5-го января 1897 года в городе Кургане, что на Урале. Его дед был крепостным, но откупился на волю и стал золотоискателем. Отец ППСа был «Rantier», как выражался Петр Петрович с французским прононсом. У них было «дело» на Урале. Там прошли детство и юность Петра Петровича. Отец Петра Петровича слыл меценатом — покровителем искусств. Мать бросила отца. Петя и младший брат Саша остались без мамы.

Из воспоминаний детства самым ярким было: ярко освещенные окна двухэтажного особняка, и оттуда гремит венгерка, оркестр и топот танцующих.

Петю с детства поражал живой мир вокруг него. Так, по рассказу его сына, он отморозил нос, засмотревшись на снегиря. Петя читал в домашней библиотеке Брема, срисовывал оттуда картинки, знал по Брему всех птиц.

Его двоюродная сестра вспоминает, что, когда гуляли в лесу, Петя все отставал, искал что-то в траве. Возьмешь его за руку, а у него в одном кулачке кузнечик, а в другом — жук, и всех их он несет домой.

Учиться Петр Петрович начал в Екатеринбургском реальном училище. У него уже тогда было очень много птиц. Их держали в клетках, а одну комнату превратили в вольер.

Вся жизнь Петра Петровича прошла под знаком двух страстей: охрана природы и передача этих заветов молодому поколению. И отсюда его безразличие к собственной карьере, к устройству быта, к материальной стороне жизни.

Петр Петрович прожил большую жизнь. Каковы же основные её вехи?

С 1914 по 1916 год Петр Петрович учился на Естественном отделении физико-математического факультета МГУ. Но началась война. С 1916 по 1918 год Петр Петрович служил прапорщиком в действующей армии на Румынском фронте. И даже в окопе он наблюдал природу: следил за разноцветными саламандрами в ближайшей луже.

После революции ППС был избран председателем полкового комитета.

В 1918 году сотрудник Наркомпроса Смолин участвовал в подготовке Декрета советской власти о сохранении научных ценностей для народа. Он передал музею Дарвина редчайшие коллекции частного собрания миллионера Хомякова (собрание насекомых и птиц) и его библиотеку, в том числе и драгоценную для биологов книгу о бабоч-

ках. В ней на контуры бабочек были нанесены чешуйки настоящих, пойманных в Европе и дальних странах, чешуекрылых. Бабочки выглядели как живые. Было впечатление, что они сейчас взмахнут крыльями и вылетят из книги.

В это же время Смолин изучал и экзотических птиц.

Петр Петрович участвовал в создании первого в нашей стране Астраханского заповедника.

С 1918 по 1924 год Петр Петрович работал в Московском зоопарке сотрудником научной части. При зоопарке всегда был кружок для детей сотрудников и персонала. Дети помогали ухаживать за животными — кормили их, опекали. Одна девочка дружила с орангутангом, обезьянней девочкой, другая занималась муфлонами, а третья не боялась войти в вольеру к слону и пожать кончик хобота. Назывался этот кружок КЮБЗ (Клуб юных биологов зоопарка). Так сотрудники зоопарка готовили своих детей к будущему.

В 1924 году Петр Петрович ушел из зоопарка на Центральную биостанцию юных натуралистов им. Тимирязева в Сокольниках, где работал сначала преподавателем, а потом заведующим. На базе Тимирязевской биостанции была создана опытная школа-колония для беспризорников, которую неоднократно посещала Н. К. Крупская.

Несколько ребятишек перекочевало из КЮБЗа на Тимирязевскую биостанцию вместе с Петром Петровичем, так они любили своего учителя.

Друзья ППСа и беспризорники организовали кружок БЮН — Биостанция юных натуралистов. В 1924 году состоялся 1-ый Всесоюзный съезд юных натуралистов.

С 1930 по 1935 год Петр Петрович был директором и научным руководителем Северной зоологической станции Всесоюзного института акклиматизации в Архангельске. Там изучали промысловых животных (лисиц и песцов) и пушно-меховой промысел. Вместе со скульптором Ватагиным ППС участвовал в экспедиции на пароходе «Русанов».

С 1935 по 1939 год Смолин работал в Государственном заповеднике в Крыму заместителем директора по научной части.

В 1939 году Смолин пришел в Дарвинский Музей в Москве. Там он работал лектором, экскурсоводом, научным сотрудником и одновременно трудился в городском Доме юного натуралиста.

В 1941 году Петр Петрович ушел в ополчение, а потом в действующую армию. Однажды ему удалось вывести из окружения 40 человек, так как он хорошо знал Подмосковье.

В 1943-1946 гг. Смолин — комвзвода, преподаватель на курсах собаководства и почтовых голубей.

Собаки становились разминёрами и санитарями, а голуби успешно перелетали через передовую с донесениями на лапках.

В 1946-1948 гг. Петр Петрович работал заведующим зоологическим сектором в Московском пушно-меховом Институте. Оттуда наша песня:

*«Все мы — друзья-биологи,
Мы — гаврики пушного института».*

1948-1975 гг. ППС — главный хранитель Дарвинского музея.

В годы сталинизма Петра Петровича посадили в тюрьму, как и многих других людей в то время, но через год его выпустили «за отсутствием состава преступления». Про Сталина он говорил: «Если человек пришел, это еще не значит, что он не может уйти».

Петр Петрович — один из основателей юннатского движения в нашей стране, дедушка юннатов.

С 1924 года, с первых дней создания Всероссийского общества охраны природы (ВООП), он был активнейшим его членом, а с 1950 года — один из руководителей юношеской секции Центрального Совета. ППС и Б. В. Всесвятский учредили «День птиц» в школах нашей страны.

С конца 1950 по 1975 год Петр Петрович создал и вел

свой кружок юных натуралистов при ВООПе. Занятия проходили в Дарвинском музее.

До конца жизни ППС работал в Дарвинском музее в качестве научного работника, а затем — главного хранителя.

В 1965 году ему было присвоено звание Почетного члена ВООПа, а в 1968 году — Заслуженного работника культуры.

Умер Петр Петрович 29 сентября 1975 года.

Мне довелось быть рядом с ним в последние месяцы его жизни.

Когда я пришла к нему впервые в больницу, он встретил меня вопросом: «Леночка! Воробьята уже вылетели из гнезда?». А потом сказал: «Я в положении тонущего, которому говорят, не «дай руку», а «возьми руку».

Он до последнего дня оставался испытателем природы. Смотрел из окна на птиц и говорил, что он определяет их по высоте полета.

Он умер в нашем с мамой доме.

Над нашим домом проходит воздушная трасса самолетов на Быково. Так вот, Петр Петрович держал в руках ежика и наблюдал, реагирует ли тот на шум авиационного мотора, боится или привык. И пришел к заключению, что привык, не реагирует.

Изучал, в какие часы суток чаще всего идет дождь.

Во всем, даже в самых мелочах быта Петр Петрович был «новатором». Так у него была «своя техника размещения чая» в стакане. Даже моя бабушка, принципиально не желавшая ничего нового, переняла эту «технику» и восприняла её, как «завет Ильича». Она все говаривала: «Размещиваю, как учил Петр Петрович».

Из конфетных фантиков ППС делал яркие цветные закладки для книг. ППС любил птиц, он предлагал делать им вольеры в детских садах, чтобы пташкам был присмотр и охрана, как детям. А заодно, чтобы дети изучали птиц. Еще он говорил, что каждая девочка до того, как станет матерью, должна вырастить и воспитать собаку.

У Петра Петровича не было научных степеней и даже корочки о высшем образовании. «Одним — степени, другим — знания», — говорил он.

Жену свою, Нину Наркисовну, Петр Петрович «обаял» танцами.

Мне хочется думать, что ППС не умер, что он с нами, здесь. Я хочу привести стихи, написанные мной в юношеские ВООПовские годы, о Петре Петровиче.

ПАМЯТИ П.П. СМОЛИНА

Когда он умер,
Душа его слилась
С ручьем и с лесом,
Улетела с птицами,
Которых он так любил.
Это он
Веткой тронул меня за плечо,
Это он
В звоне синицы приветил меня.
Это он
Детские глазки
Мать и мачехи на пригорке,
Первые пчелки.

ПЕТРУ ПЕТРОВИЧУ СМОЛИНУ

Вы сказали этой птице песню
И, прищурясь, слушали её.
К Вам сходили лоси и олени,
позабыв рождение своё.
Ваши мхи и корни, Ваши травы
Спутаны в улыбке Ваших глаз,
И у леса нет для Вас отказа,
Нет души, погашенной для Вас.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТИ

Если город взял за ворот
И забил Вас каблуком,
Поезжайте на просторы
Вместе с нашим стариком.

Где-то алая, стальная
Вьётся полоса реки,
Где боярышник, орехи
И грибы-боровики.

Где промокнешь и продрогнешь,
Но послушаешь дрозда.
В воскресенье и в субботу
Атакуем поезда.

Контролеры, билетёры,
Дачный люд и местный люд,
Как завидят нашу свору
Дружным хором к маме шлют.

Ну и пусть. Нам горя мало,
Был бы путь, рюкзак и лес.
Солнце дольше бы сияло.
Был бы с нами ППС.

ППС — поэт

Я хочу сказать о ППСе как о поэте. Он был поэтом в своих рассказах о животных и птицах, прибегал к шуточному очеловечиванию их. Вспомним, хотя бы, как он говорил с детьми о семействах кошачьих и псовых («Муркина семья, Жучкина семья»), или его рассказы о бобрах, о воробьиных драках («в конце драки осталась одна воробья с пером какого-то поклонника в клюве»), о десяти растениях — «зеленых чужеземцах». Но это очеловечивание не превращало его рассказы в сказку, не шло в ущерб науки. Мягкий поэтический юмор снимал буквальность

аналогий между поведением человека и животного. Петр Петрович и сам писал стихи. Есть книжечка, которая называется «Птицы в загадках», автор П.П. Смолин. В ней яркие цветные рисунки птиц и стихи ППСа о них, придуманные для юннатов.

Не могу не похвалиться, что ППС подарил мне такую книжечку с надписью: «Дорогой, сердечно уважаемой Лене на добрую память о кружке, авторе книжки и о вместе прожитых хороших временах».

Когда ППС прибыл к нам на жительство, он вспомнил такие свои строки:

В саду, где пели зяблики,
Сегодня — посмотри!
Как розовые яблоки
Алеют снегири.

Тогда я попросила Петра Петровича сочинить мне стихи в альбом. И он придумал:

Для альбома, для альбома
Напишу я, сидя дома,
Если дома — всё знакомо...

Ниже я привожу полное собрание загадок ППСа о птицах.

Загадки в стихах,
В загадках — птицы,
Загадки эти
Для Вас,
Дорогие дети!

1

Алый низ и черный хвост,
Воробья побольше рост,
Толстый клюв раздался вширь,
Важен внешностью ... (СНЕГИРЬ).

2

Тащит в дупла лип упорно
Желуди, орехи, зерна,
Как заправский кладовщик,
Бойкий поползень ... («ЯМЩИК»).

3

Звучной флейтой слух пленяет,
Но к себе не подпускает —
Недоверчива, сторожка
Иволга — ... («ЛЕСНАЯ КОШКА»).

4

Глуховатый, неустанный
Слышен чей-то голос странный.
Средь полей, лесов и вод
Шлет в пространство зов ... (УДОД)

5

На репье он очень ловко
Треплет цепкие головки,
Сыплет семечки на пол,
Птичка бойкая ... (ЩЕГОЛ).

6

Звонко свистнет тут и там,
Мышкой лазит по стволам.
Тонкий свист достигнет уха,
Значит, где-то здесь ... (ПИЩУХА).

7

Весь размером он с орех,
Птиц почти что меньше всех.
Комаров и мух противник —
Бойкий рыженький ... (КРАПИВНИК).

8

Скромен, мал, одет без лоска;
Золотистая полоска
Блещет светом уголька
На головке ... (КОРОЛЬКА).

9

Все стрекочет и вертится,
Ей на месте не сидится,
Длиннохвоста, белобока
Вороватая ... (СОРОКА).

10

Черных птиц летают тучи,
Заселив обрывы, кручи.
Колонист приморских стран,
Рыбий враг ... (БОЛЬШОЙ БАКЛАН).

11

Спереди, с боков и сзади
Зеркало озерной глади,
Крупных птиц маячат пары —
... (ЧЕРНОЗОБЫЕ ГАГАРЫ).

12

В заводи, где глушь и тишь,
Сложен горкою камыш,
А в гнезде плавучем сухо,
Здесь свила гнездо ... (ЛЫСУХА)

13

На песочке у реки
Словно снежные комки.
Что за птицы, угадай-ка?
Догадаться просто ... (ЧАЙКИ).

14

Виден хищник на присаде.
Он в коричневом наряде.
Не руби ответ с плеча
В нем узнаешь ... (САРЫЧА).

15

Лес. Полянка засветилась.
Птица крупная спустилась.
Ищет соты на обед
Робковатый ... (ОСОЕД).

16

Хрипло птенчики кричат.
Клювы их в гнезде торчат.
Скрыла их густая крона,
Проживает здесь ... (ВОРОНА).

17

Синих крылышек красу
Разглядеть нельзя в лесу.
По сучкам порхает бойко
С резким, хриплым криком ... (СОЙКА).

18

Воздух режут без усилия
Как серпы кривые крылья
Промелькнет — не разглядишь.
Так летает только ... (СТРИЖ).

19

По утрам и вечерами
Песню звонкую свистами
Четко, громко, словно тост,
Произносит ... (ПЕВЧИЙ ДРОЗД).

20

Быстрой стрелкою летает,
Белой спинкою сверкает.
Гнезда — глиняный горшок.
Так гнездиться ... (ВОРОНОК).

21

Ночью в рощах и лесах
Уханье наводит страх.
Страшен дикий крик и силен.
Так кричит огромный ... (ФИЛИН).

22

Как стемнеет, улетает
И открытым ртом хватает
Над землей и над водой
Насекомых ... (КОЗОДОЙ)

23

Светит месяц в небе чистом.
В парке липовом тенисто.
Там, где чуть шуршит листва,
Стонет ... (СЕРАЯ СОВА).

24

На стволе березы вдруг
Появился мелкий сук.
Нет, вот это не сучок.
Что же это за торчок?
Так торчат забавно ушки
Желтоглазой ... (СОВКИ-СПЛЮШКИ).

25

Ранней к нам весной летит,
Нежной флейтою свистит
Желто-серенькая птичка.
Это ... (ПЕНОЧКА-ВЕСНИЧКА).

26

Ест, висит на тонких ветках.
Часто дети держат в клетках.
Глянь-ка, коли разглядишь,
Изжелта-зеленый ... (ЧИЖ).

27

Шумной черною толпой
В городах живут зимой.
Зиму их прокормят свалки.
Эти птицы — наши ... (ГАЛКИ).

28

Тает снег, летят грачи.
Всем глаза спят лучи.
Что звенит, как будто склянка?
Песенку поет ... (ОВСЯНКА).

29

Он стремительный в полете,
Ловит уток на охоте.
И над речкой утром рано
Слышно ... (СОКОЛА-САПСАНА).

30

Посмотрите-ка вы сами
Лапы с острыми когтями,
Цвет спины — как серый ватник
... (ЯСТРЕБОК-ПЕРЕПЕЛЯТНИК).

31

В чаще, где сосна и ель,
Свист, серебряная трель.
Начинает спозаранку
Рыжегрудая ... (ЗАРЯНКА).

32

Кто схватил легко и ловко
Пробежавшую полевку?
Ловит нашего врага
Рыжий ... (СОКОЛ-ПУСТЕЛЬГА).

33

Забавна эта песенка,
И звук ее похож
Как будто кто-то ножичком
Царапает о нож.
(РЕЧНОЙ СВЕРЧОК)

34

Слышен дальний, грустный зов,
Повторенье двух слогов.
Лес березовый. Опушка.
На сучке сидит ... (КУКУШКА).

35

Вот сосны огромной ствол
От коры очищен, гол.
Потрудилась здесь сполна
В красной шапочке ... (ЖЕЛНА).

36

На столбы дорог садится,
Дружной стаею гнездится.
И на юге каждый хлопчик
Знает, что полезен ... (КОБЧИК).

37

Пролетает вдоль реки
И садится на сучки,
Испугавшись шума лодок
Сизокрылый ... (ЗИМОРОДОК).

38

Далеко и долго-долго
Катит воды к морю Волга.
Там линяет утка ... (КРЯКВА),
И гнездиться цапля ... (КВАКВА).

39

В клюве бьется лягушонок,
Зазевавшийся спросонок,
И стекают струйкой капли
С клюва стройной ... (СЕРОЙ ЦАПЛИ).

40

Вдоль сучка всегда садится,
В дуплах скромненько гнездится,
Из дупла шипит как змейка,
Всех пугает ... (ВЕРТИШЕЙКА).

41

Подбирает он проворно
Крошки хлеба или зерна
И гнездится на карнизе
Наш любимец ... (ГОЛУБЬ СИЗЫЙ).

42

Быстрой стрелкою летает,
Мошек в воздухе хватает,
Хвостик вилкой как рогатка.
Это ... (ЛАСТОЧКА-КАСАТКА).

43

Нету клетки — загородка.
Мощный клюв, не то бородка.
Он плечист, могуч, проворен
Сильный, стройный черный ... (ВОРОН).

44

В поймах рек и вокруг столицы
Ловит много мелких птиц он,
Быстрый, словно ветерок,
Сокол-молния ... (ЧЕГЛОК).

45

Вкруг ствола большой сосны
Шишки по снегу видны.
Здесь на кузнице затратил
Много сил проворный ... (ДЯТЕЛ).

46

Крик «Кувит!» нарушил тишь.
Снес в гнездо сычатам мышь
И летит к добыче новой
В летний вечер ... (СЫЧ ДОМОВЫЙ).

47

У обрыва, там, где склон,
Быстрокрылых птичек сонм.
Норы снизу до верхушки
... (ДАСТОЧКИ-БЕРЕГОВУШКИ).

48

Лобик беленький блестит,
Хвостик рыженький дрожит.
Кто же это? Вот загвоздка!
Это птица ... (ГОРИХВОСКА).

49

С ледоходом прилетает,
Черным хвостиком мотает.
Черный с белым хвостик узкий
У изящной ... (ТРЯСОГУЗКИ).

50

В поле есть, где прокормиться,
Только негде загнестись.
Огороду, полю врач
Глянцеватый черный ... (ГРАЧ).

51

Над деревьями летает,
Хвост, как веер распускает.
Рыжий хвост — он виден лучше,
Чем фигурка стройной ... (КУКШИ).

52

Не страшны ему метели,
Гнезда вьет зимой на ели.
Крик его отрывист, прост.
Кривоносый, красный ... (КЛЕСТ).

53

В хвойных чащах, в кроне кедра
Завтрак сытный, вкусный, щедрый.
Шишки треплет очень ловко
Вся жемчужная ... (КЕДРОВКА).

54

Ночь. С конька высокой крыши
Чей-то тихий голос слышен.
Птицы все кругом молчат,
Раздается крик ... (СЫЧАТ).

55

Некогда зерном питаться,
В норке надобно спасаться
Мышке. Солнце заслоня,
Силуэт скользнул ... (ЛУНЯ).

Лишь скрипит, а не поет,
 В полудуплах гнезда вьет.
 Все движенья очень ловки
 Скромной ... (СЕРОЙ МУХОЛОВКИ).

ППС говорит

Сохранились некоторые записи речей Петра Петровича. Я приведу их.

29.01.72. Хотисино

... Было время, когда у наших кружковцев идеалом были разорванные штаны и затем значит, прожженная на кострах куртка. И они свободно ночевали в лесу у костров. Теперь это не пойдет. Но все-таки нужно, чтобы ребята, молодежь, умели переносить трудности. Это одно из самых важных свойств для молодежи.

И вот эти самые трудности, то что они чувствовали голод, что им иногда было холодно, — это пошло, главным образом, им на пользу. Потому что у них этим путем вырабатывалась стойкость. И в этом отношении зимнее время, оно дает много и биологических преимуществ. Ну, скажем, жизнь животных по следам можно проследить только зимой. Летом вы увидите зверей только в очень небольшом количестве и отдельные отрывки их жизни. А вот когда снег, идя по снегу, вы можете распутать эту самую запись звериных лап на снегу.

И это полезно и в других отношениях. Недаром, товарищи, один из лучших отрядов нашей молодежи называется Красные Следопыты. Так вот, так сказать, наши биологические следопыты. Они смыкаются с Красными Следопытами и позволяют молодежи расшифровывать ту жизнь, которая идет вокруг них.

Так что в этой нашей практике была не только узкая биологическая цель, но много было того, что помогало из людей делать Людей. (*Аплодисменты*).

29.01.1972. Дарвинский музей. Заключительное слово на конференции кружковцев.

Так вот, товарищи! От очень многих московских кружков наш коллектив отличается тем, что он стремится держать связь с природой. Московская молодежь, даже и такая, которая интересуется вопросами природы и живых существ, она страдает таким очень сильным уклоном в книжку. Книжка, конечно, дело хорошее, но ... книжка — это все-таки не подлинная природа. А как раз вот эти разделы в младших классах природоведения и биологии, в старших классах и в средних (мы работаем больше со средними классами), они должны в первую очередь научить видеть.

Был у нас такой знаменитый путешественник Арсеньев. И был у него замечательный спутник Дерсу Узала. Так вот Дерсу Узала принадлежат замечательные слова: «Глаза есть, а посмотри, нету». Вот у москвичей глаза есть, а насчет «посмотри» дело обстоит слабовато. То же самое и с нашей молодежью. У них тоже глаза есть, а «посмотри» нету.

Вот за эту практику у нашей молодежи, у наших питомцев была тренировка на «посмотри». И это самое «посмотри» оно, конечно, важно не только для того, чтобы зверюшек и птичек рассматривать. Надо уметь и в жизни смотреть и соображать, что к чему. Вот как раз в этом отношении наша вот эта поездка, она имеет не только биологическое значение, а более широкое — педагогическое. Мы вот и учили наших питомцев именно видеть то, что делается вокруг них. Ну, затем, условия были жестковатые. Но практика показывает, а практика у меня порядочная — мы своим кружком вступаем в 22-й год работы кружка. И вот за 20 —то лет многое удалось повидать. И один из очень существенных выводов заключается вот в чём: чем труднее молодежи живется, тем больше из них толку выходит; и чем благополучнее живет кто-то из наших ребят, тем меньше из него получается толку.

Кадров я наготовил.

И еще одно: Я всегда был бескорыстен.

05.01.72. Почему они меня любят. Хотисино

Вот, наш кружок вышел из кружка зоопарка. И вот, когда я руководил кружком зоопарка, у меня была встреча с одной знаменитой сотрудницей зоопарка, которая была великая мастерица на всякие интриги. Ну, около нее тоже были ребята. И вот она с такой большой злобой мне сказала: «Почему они Вас так любят?». А я ей очень просто ответил: «Потому что я их люблю!». (*Аплодисменты*).

Всю жизнь он изучал природу, а на смертном одре страшным шепотом признался, что он — агностик (сторонник идеалистического философского учения, отрицающего познаваемость объективного мира и объективного значения истины, *прим. ред.*).

Наша ВООПовская юность

Каждую неделю наш ППС увозил нас в лес, и я помню убегающую лесную дорогу, лесное болото с гигантскими хвощами и причудливыми корягами, камыш, который ботаники называют рогозом. Он колышется на ветру, а из него вылетают утки.

Я помню сырые звериные тропы, следы лосей и зубров у водопоя, пучеглазых лягушек на листьях цветущих лилий, кочки, опутанные клюквой. Это было в Приокско-Террасном заповеднике.

Наша дорога то карабкалась в гору, то сбегала в поле. С одного её края подсолнухи кивали головками, а с другого — на ветру дрожала кукуруза. Попадались по дороге и деревни с палисадниками, ломящимися то от сирени, то от яблок. Жители из окон, из-за заборов, с лавочек долго глядели нам вслед, гуси взволнованно покидали лужу, а жеребенок, валявшийся на траве, издевательски ржал. Нам, вообще, все удивлялись, кого ни встретишь: неподвижные рыбаки у моста через реку, бабы копающие осенью картошку, лыжники зимой.

Впереди нас шел ППС в ватнике, шапке-ушанке, в га-

лифе и дырявых сапогах, за спиной — пустой рюкзак, в бороде — иней. А за ним орава озябших ребятишек. В лесу ППС казался лесным гномом, старичком-лесовичком.

Работал Петр Петрович главным хранителем Дарвинского музея. По понедельникам там собирались его «питомцы».

Там ППС в своей берлоге,
Своей пещере.
Вокруг, как боги,
Расселись звери ...

— это были чучела и скульптуры Ватагина из камня, гипса, глины: мамонты, слоны, бизоны, носороги. Вот чучело медведя на задних лапах, вот орангутанги скалят чудовищные морды, а вот скульптура — гигантский ископаемый ленивец поднял свою пудовую лапу.

В Дарвиновском музее длинный ряд шкафов. Эти шкафы, словно сундуки сказок. Чего только мы не видели, когда ППС приоткрывал их дверцы: и необычные экземпляры пушных зверей и птиц — белые лисы и волки, глухарь гермафродит с внешностью глухарки, белая ворона, орел альбинос. Мы видели колибри, лирохвостов, райских птиц райской расцветки, а в ящиках — огромных тропических бабочек всех цветов радуги, всех переливов воображения.

По вторникам к нам приходили гости — научные работники, биологи, географы, путешественники и рассказывали о своей работе: о путешествии в долину гейзеров, о разных породах собак, о змеях. Докладчик А.В. Рюмин, принес в деревянных чемоданчиках и показал нам гюрзу, кобру, гадюку, эфу. Я даже стихи сочинила:

Из дупла,
Как из жерла,
Вдруг гадюка поползла
Серой лентой вдоль ствола.
Как заметит кулика
Выгнет голову — магнит,

Плюнет жало — больно зла.

Кто не злобен, тот не сыт.

Зимой мы готовились к Олимпиаде для школьников, которую проводил биофак МГУ. Подготовка к ней происходила в МОПИ (Московском областном педагогическом институте). Там ППС показывал нам гербарии, ветки, тушки птиц. Гербарии раскладывались на столах, ребята ходили между столами. Кто-нибудь один называл, другие поправляли, спрашивали друг друга.

ППС показывал нам ботанический атлас: откроет картинку, поднимет над головой, лукаво спросит:

— Что это?

Сперва один, потом другие нестройным хором ответят:

— Горец почечуйный.

Вокруг ящиков с чучелами птиц — целая толпа.

«Брать тушку надо не за хвост и не за клювик, — говорит ППС, — а вот так». Из груды чучел выбрал орла, бережно взял, показывает всем. И вот тушки в руках у ребят. Если мальчишки расшумятся, ППС говорил: «Товарищи камчадалы, ведь есть еще кулуары». На Олимпиаде ВООП был бессменным лидером, а за ним уже КЮБЗ и кружок Дворца пионеров.

По воскресеньям — выезды на природу. Встреча в метро, на станции «Парк Культуры», на лавочках. Сегодня все тут: и Миша «Кролик», и Костя «Банан», и Вадим «Кокос», и Миша «Клещ», и Сережа «Мэнд» и Алесь Гуревич, и Таня Вдовина, и Ася Авилова. Прибыл ППС, пожимает всем собравшимся руки.

И вот мы в вагоне электрички. ППС сидит между поджарым дачником и дебелой мешочницей. Он ест мороженое. ВООПовцы, заняв полвагона, орут песни. Песни у нас были свои, специфические.

Несколько человек «стоят на стреме» в тамбуре. Едем-то без билетов. Тревога — ревизоры! ВООП снимается с места и гуськом пробирается к выходу. Один ППС невозмутимо разворачивает газету «За рулем». Протягивает с хитровой улыбкой свой билет. Остановка, ВООП

спасается бегством в другой вагон. И вот пригородный вокзал. ППС пьет квас у бочки. Квасница бросает на него умильные взоры. Мы идем по мирным улицам Мытищ или Серпухова, по шпалам, вдоль товарных вагонов, пробираемся на остановку автобуса. Таков путь в лес.

А в лесу мы делимся на ботаников и зоологов. Ботаники с ножами за поясом, с гербарными папками и ботанизирками (ботанизирка — цилиндрический баульчик для сбора растений) на плече вместе с Петром Петровичем на ходу определяют растения. Ему протягивают их целый ворох. ППС говорит названия. Вера Фирсанова записывает, Нина Сухорукова закладывает в гербарий. Костя Кривошапов лезет в болото рвать цветущую наумбургию. А Миша «Кролик» откапывает ножом кочанчики молодила.

«Есть же такая штука на свете», — говорит он, глядя их. «Клещ» обматывает вокруг шеи длиннющий плаун.

«А вот, ребятки, — говорит ППС, — очень удивительное растение — бересклет бородавчатый. Видите, ветки у него зеленые с темными бородавками, а плодики похожи на ёлочные игрушки».

Рядом с бересклетом дуб, пораженный галлами. Издали листья его напоминают виноградные гроздья.

«Здесь, — рассказывает ППС, — живет дубовая орехотворка. Раньше из этих орешков приготавливали чернила».

ППС берёт дубовый листочек с чернильными орешками, разрезает его и показывает всем в дупу внутренность галла и личинку насекомого. Сон-траву — голубые лесные тюльпаны — мы не рвем — они занесены в Красную книгу. «Кокос» нашел Петров крест — растение, похожее на желтую свечу. А вот, лилово-синий букашник, на нём качаются бабочки и шмели. Мы определяли все цветы и травы, и мхи, и лишайники, и деревья — летом по листве, а зимой по веткам.

«Дубы бывают «зимние» и «летние», — говорит Петр Петрович. «Летние» дубы сбрасывают листья осенью, а «зимние» остаются с ними зимовать».

Кроме ботаники мы занимались ещё орнитологией — наукой о птицах. Самое интересное для орнитолога время — весна. Весенний лес, весенний ППС. Он в рубашке-ковбойке, лысина блестит на солнце, в бороде застряли соломинки. За спиной всё тот же полупустой рюкзак, в нем только зонтик. Петр Петрович внезапно замер с поднятой рукой. Это, значит, слушаем птицу. Володя Шишкин называет ее, Андрей Аверьянов записывает. Оба настраивают бинокли. Кто это? Кукушка, иволга, сова? Может, большой пестрый дятел долбит дерево или клест лузит шишки, или это овсянка. А может, мухоловка-пеструшка вылетела из дуплянки, где у неё гнездо с птенцами. А может, это снегирь или сойка. Нет, это, конечно, поющий дрозд. ППС подражает его песне словами:

Кум, кум, к кому?
Чай пить. С сахаром!

«Весной, — говорит Петр Петрович, — птицы поют, а летом — кузнечики». Стрекот кузнечиков ППС называл «музыкой леса».

Также весной мы наблюдали, в какой очередности, какого числа расцветают травы и деревья: когда зацвела вишня, черемуха, сирень. Кончается весна цветением шиповника. Это называется вести фенологические наблюдения. Ведь ни одна весна не проходит одинаково.

Однажды биофаку нужны были чайчьи яйца, а под Москвой, на Киёве-озере есть чайчий базар. Мы поехали туда. Всполошились чайки, громко крича, поднялись над озером. ППС остался на берегу. Он смотрел в бинокль, как капитан. А мы по пояс в воде искали в тростнике чайчьи гнезда и кладки.

Были на ВООПе и свои энтомологи — ребята, интересующиеся насекомыми. Андрюша Семенов, или «Семеныч», как мы его звали, Андрей Богданов, или «Богдашка». «Богдашка» был здоровый, дородный, как слон, а возился с всякими букашками, которых он сажал в футляр от зубной щетки.

Я тоже наблюдала целое лето за муравьями, исследовала муравьиные дороги, куда они ведут: к соседним муравейничкам-колониям, к близлежащим деревьям — охотничьим угольям муравьев, к стройплощадке. Целыми часами я рассматривала, как муравьи тащат по своим дорогам кто соломинку на стройку, кто гусеницу на обед. Видела я на муравейнике и желну, черного дятла с красной шапочкой. Он любит клевать муравьиные яички.

Я наблюдала также переход муравьиной матки в маленький муравейник. Матка была окружена толпой муравьев, которые переваливали ее большое тело через дорожные препятствия.

Когда я уезжала в эту мою «муравьиную командировку», Петр Петрович подарил мне новую планшетку для записей и книгу «Пока не умерла природа». Я восприняла эти дары, как напутствие в будущую жизнь.

Часов в двенадцать дня, когда пригреет солнышко, наступает период самой большой активности муравейника. В этот час «Семеныч» фотографировал выход полков, Сережка Остроумов, «Остроумыч», замерял высоту и диаметр муравейника, ППС показывал нам в лупу жизнь муравейника, а муравьи нещадно поливали нас своей кислотой, кусались.

С тех пор у меня остались стихи о муравьях и разных других насекомых.

МУРАВЬИ

I

Мы народец — крошки
Расторопны ножки,
Злые наши глазки —
Подходи с опаской.
Мы народец ловкий,
Строим со сноровкой.
Наши жвалы с ядом,
Нет числа отрядам.
Мы народец грозный -
Беги, пока не поздно!

II

Жук — олень
Сел на пенё
И сидит себе
Весь день.
А навстречу муравей
Гонит стадо тлей.

Клоп-солдатик
Без ружья,
Но в мундире красном,
А для пущей красы
У него торчат усы
Длинные ужасно.
Птица! Помни — это яд!
И клевать опасно.

III

Божья коровка
Ползет по листку,
Как через бездну
Ползет по мостку.
Черные веснушки,
Вся не больше мушки.

Божья коровка,
Черная головка,
Черная фуражка,
Красная рубашка,
Славная букашка!
Ах, коровка божья,
До чего пригожая!

БАБОЧКА ТРАУРНИЦА

Бабочка Траурница,
Черненькое платьице,
Траур с белою каймой,
Словно горе у самой.

БАБОЧКА ВИННЫЙ БРАЖНИК

По ночам бессонный стражник
На террасе — Винный Бражник.
Копошится он в углу,
Бьется, бьется по стеклу.

БАБОЧКА МЕРТВАЯ ГОЛОВА

На абажуре, колышась едва,
Мертвым сном спит Мертвая Голова.
А на спине ее кости и череп,
С виду страшнее хищного зверя.

***

Есть у леса корни, птицы
И лужайки с муравой,
Зайцы, лоси и лисицы,
Мох, орехи и грибницы
Под опрелую листвою.

А мне дальше, дальше, дальше,
Дальше, дальше, дальше, к ним:
К храбрым маленьким, проворным,
Суетливым, рыжим, злым.

В жвалах крепче сжав добычу,
Лезут, лезут через лес,
Прячут тыщу, тыщу, тыщу
Неразгаданных чудес.

На полянке, у опушки,
Под трухлявою сосной,
Замок высится гигантский,
Вал в подножье насыпной.
Это крепость и столица,
Это город их лесной.
Кто возводит стены эти
Из песка, листвы, в глуши?

Самый мелкий люд на свете:
Это братцы — муравьи.

Травка — вейник.
В травке — муравейник.

Гусениц, божьих коровок, стрекоз Петр Петрович рассматривал в лупу. Лягушат тоже. А мы собирали лягушачью икру — разводить лягушат в домашних условиях. Мы несли ППСу все, что нам удавалось поймать: и ящериц, и ореховую соню, и летучую мышь. И со всеми он был, как с родными.

В Приокско-Террасном заповеднике, куда мы часто ездили, кольцевали летучих мышей. Для этого им устраивали дуплянки, чтобы они там гнездились. Кольцевал мышей Геннадий Николаевич Лихачев, друг ППСа, а мы ВООПовцы ему помогали: таскали лестницу за ним по лесу, забирались на дерево, где дуплянка. Бывало, снимешь с дуплянки крышку, а из нее, как басурманы, начинают расползаться и разлетаться летучие мыши. У меня и стихи про это есть:

Мыши летучие,
Нет жутче,
Нет чутче.
Ищем по чащам,
Рыщем по пущам,
Найдем — окольцуем,
С чёртом венчаем.

У Геннадия Николаевича был фокстерьерчик сучка Скво. Скво — на языке каких-то индейцев означает «женщина». О них я тоже написала стихи.

ГеНуэЛу
(Геннадию Николаевичу Лихачеву)

Кто там так шагает строго,
Заложив за спину руки,
Развевая рукавами,
В бороде запутав мысли,
Носом в землю упершись,
Развевая парусами,

Кинув якорь в дебри дум,
Позабыв рога на лбу?
Чей белеет там берет?
Дранный джемпер, белый ворот.
Это старый наш учитель,
Нашей чащи старый ворон,
Наш учитель, старый черт.
А за ним, за ним, за ним
Сквошка — милый подхалим,
Шалунишка, забияка,
Ужас соек и кротов,
Галок, белок и дроздов,
Очень славная собака,
Изо всех земных скотов.

Видали мы и белок. Одна белка прыгала кругами вокруг нас и бросала вниз шишки. Петр Петрович посадил нас на поваленное дерево и стал рассказывать про нее. Он показал нам беличий погрыз, сосновую шишку, раздолбленную дятлом, и шишку, вышелушенную клестом. ППС учил нас различать птиц по полету. Он показывал нам полет стрижей, хищных птиц, гусей, жаворонков.

«Как отличить по крику ворону от грача? — говорил Петр Петрович. — Ворона кричит «Карр», а грач: «Крра». Как отличить серую ольху от чёрной? Надо рассмотреть её плодики. У серой ольхи плодик сидит прямо на сучке, а у черной — на черешке. Серая — «С», сучок», черная — «Ч», черешок. При отлёте, журавли летят клином, а гуси «веревочкой». ППС также заметил, что грачи перестали улетать на зиму, и питаются по помойкам (грач городской) и железным дорогам (грач сельскохозяйственный). Чем отличается полевой воробей от домового? У домового — щечки белые, а у полевого — с тёмным пятном. ППС декламировал нам свои стихи: «С давних пор домовый воробей с человеком селится рядом ...».

Зимой мы, как следопыты изучали следы: вот след лося, он проваливался в сугробах, вот кружит заячий след.

Вот юркнул след полевой мыши. Вот белка перебежала от дерева к дереву.

Однажды мы решили над ППСом подшутить — сунули в снег пятерню и спрашиваем:

— Петр Петрович, кто это?

Он поглядел, поглядел и с улыбкой сказал:

— А это — Катенька!

В Приокско-Террасном заповеднике живут бобры. ППС показывал нам бобровую хатку, плотину, столовую, спуск к реке, где бобры сталкивают стволы в воду. Мы помогали бобрам в строительстве — подтаскивали деревья, сваленные прошлой ночью, поближе к спуску.

— А вот, как бобр распиливает свои бревнышки, — ППС отломал от плотины ветку, заостренную с одного конца, и показал её нам.

— Бобр любит молодые осинки, — сказал он.

Потом мы перешли бобровую запруду по сваленному дереву, и было слышно, как журчит вода на плотине. ППС сел на пень. Вокруг него в живописных позах сидят и лежат ребята. Петр Петрович рассказывает историю одинокого бобра:

— Дело в том, ребятки, что бобры, если прослезятся при встрече, то составят пару, а если нет, то расстанутся.

Историю одинокого бобра я описала в поэме. Вот она:

ПОЭМА О БОБРАХ

Эту грустную историю
Рассказал один старик,
Что к тоске, как к старой песне,
Старой шапке попривык.

Два бобра случайно встретились,
Где шумит ручей лесной,
Молодые, злые, гордые,
Ослепленные весной.

И расстались, не жалея,
Как когда-то мы с тобой,

По речным дорогам быстрым
Каждый плыл своей судьбой.

II

Нам не встретиться,
И не верится,
Годы вертятся,
Ай да мельница,
Карусель.

Что мне вынется?
Что мне выпадет?
Верь, не верь.

Всем поровну,
Тех в сторону,
Тех ко дну,
Всех гну.

III

Сучья в снегу скрипят,
Нет теплых бобрят,
Над головой — звезда,
Блеск льда,
Холода,
Пустота.

Глаза — бусины
Удивляются грустно,
Веки дрогнули устало,
Запоздало.

IV

Как осины наломлю?
В спину ломит ветер лют.
Как плотину подыму,
Векова вдова в дому.
Уж побилась горемыкою,
Наплакалась,
Намыкалась.

V

И опять на перекате
Балалаечник — ручей
Тихо камешками брякал,
Снова встретились — ты чей?
И ни слова — постояли,
В воду только две слезы
Гулко капнули, упали,
Как последние следы
Свежей утренней росы.

VI

Днем
В хатке хорошо вдвоем
И зарыться глубоко
В тёплый мех, удобный бок,
В поздний час страды ночной
Вместе покатить бревно,
Вместе плыть в воде студеной,
Слушать говор чащи сонной.

И вдруг дождь пошел. Все забились под дерево. Мальчишки натягивают рубашки на голову. ППС достал из рюкзака зонтик, раскрыл, посмеивается.

И вот мы — промокшие, грязные, голодные, усталые тащимся по необъятному полю. Сапоги увязают в глине. Вдали, на опушке леса домик под красной крышей. Мираж, сновидение, мечта? Дом приближается с невероятной быстротой, потому что последние метры мы бежим к нему по полю, по кочкам. Над дверьми выжжена надпись: «Zubr». Это наша ВООПовская база «Отель Зубр». Все стены изрисованы нами и КЮБЗистами. Мы всегда находились с ними в дружеской перепалке и соперничестве. На стенах написано: «Кюбза — драная коза», «Кюбзята — хорошие ребята», «ВООП — выследить, отловить, ободрать, продать». Гостиницу берем сходу — кто в дверь, кто в окно.

Внутри гостиницы «Зубр» логово биологов. Сапоги, носки подсыхают у печки. Рюкзаки свалены в углу, на столах остатки еды, на окнах морилки (сосуд с эфиром или хлороформом для усыпления насекомых), ботанизирки, гербарные папки и сетки. А в этом бидоне — гадюка, а в тряпках скворчонок. Сушатся большие сачки для ловли земноводных, бабочки распяты на расправилках. На полу, на сене валяются ВООПовцы, курят, подбрасывают ножички, играют в карты.

На крылечке ботаники закладывают гербарий — цветы расправляют на вате и перекалывают газетными листами.

На стене «Зубра» была надпись: «Помни о стекле и вермишели». Она напоминала сразу две ВООПовские истории.

1. О стекле. Занятия ВООПа проходили часто в Зоомузее МГУ. Мы сидели рядами на стулья между стеклянных витрин с чучелами животных.

Однажды набежало очень много народу, все устремились за стульями, и Костю Новозёрского так толкнули, что он налетел на витрину, разбил её и сел между чучелами каких-то рыб.

2. О вермишели. Как-то раз в «Зубр» набилось очень много юннатов. Произошла борьба, за лучшие места, и в ходе нее кидались большими картонными пачками вермишели.

Под окнами гостиницы разжигают костер, тащат хворост из лесу, воду с родника, пропитание из рюкзаков. По близости, в поле копают картошку, ломают початки кукурузы, набивают карманы горохом, словно воробьи налетели на посевы или хомячки грызут колосья, словно лисица утащила гуся или кошка дрозда.

* * *

Осенью у нас на ВООПе проходила Зеленая Олимпиада в лесу в нескольких километрах от станции Крюково Северной железной дороги. Все делились на команды, и эти команды соревновались между собой: какая команда

составит более полный отчет о живых объектах, найденных в лесу во время экскурсии, кто быстрее принесет хворосту из лесу и разожжёт костер, кто лучше знает растения и животных в окружающем лесу.

Были и личные первенства: кто быстрее разрубит дерево, кто лучше стреляет из ружья (девочки — в неподвижную мишень — консервную банку на ветвях дерева, ребята в движущуюся мишень — подкинутую кепку), кто выше влезет на дерево (девчонкам разрешалось несколько попыток).

Потом устраивались показательные выступления команд. 1-я команда: регби на коленках, 2-я команда: пантомима «Охота». Мила Хляп была «белкой», сидела на дереве, Банан — «Охотником», Таня Лыткина — «ружьём». Банан нес её ногами вперед, как двустволку, и целился в Милу. 3-я команда: избивание Кавалера, члена жюри.

И, наконец, раздача призов: членам команды-победительницы раздавали расписные деревянные ложки, победителям в личном первенстве — книги про птиц с красивыми картинками.

После соревнований играли в слона, в царя горы, в чехарду, в регби. На ВООПе была традиция в качестве посвящения новых членов в кружковцы или за провинность сечь ребят ивовыми прутьями, ремнями или чем попало.

Вечером костер. Кролик — костровой с длинным шестом. В свете пламени он кажется не то краснокожим жрецом, не то распорядителем оргии в преисподней. Искры взвиваются в небо, и ППС сидит с нами у костра. Блики пляшут на его лице. Мы поем наши песни.

Ночевали мы в шалаше, который заранее строили, или на голой земле у костра, несмотря на октябрь.

* * *

Зимой на ВООПе устраивалась конференция четырех поколений. Доклады шли по старшинству. Сначала пятиклассник Алеша рассказывал, как он наблюдал за синицей, потом Таня Лыткина (8-й класс) говорила о ле-

тучих мышах, Вадим Виноградов, по прозвищу «Кокос» (9-й класс) докладывал о питании лосей, Мила Хляп (1-й курс МГУ) о Заполярье, Андрей Аверьянов (3-й курс МГУ) о флоре прибрежной полосы моря. А затем выступали аспиранты, кандидаты наук, доктор биологических наук, а потом член-корреспондент АН СССР А. Н. Яблоков, декан биологического факультета МОПИ .... Кузякин. Все это бывшие ученики ППСа. Начинали они в ВООПе. А также писатель Игорь Акимушкин, Николай Дроздов и Василий Песков, ведущие телепередачи «В мире животных».

* * *

Все мы не раз бывали у ППСа дома. Он жил в небольшой комнате в коммуналке, около метро «Парк культуры». После смерти жены ППС сам вел хозяйство: на столе бутылка из-под пива, недопитый стакан чая, в вазе — несколько сухарей и кусочков сахара, на тарелке — засохшие и остывшие пельмени. Питался Петр Петрович пельменями, жареной в кулинарии рыбой и чаем. Чай кипятил по-особому: чайник для кипятка на огне, на нем чайник для заварки и крышка от большого чайника сбоку приставлена. Целый чайный агрегат.

В комнате по стенам ряды книг, рога, гигантские ракушки, чучела, часы с кукушкой. Здесь Петр Петрович писал свои статьи для «Юного натуралиста», журналов «Охота», «Природа», «Турист». Как сейчас вижу его: вот он заводит руки за голову, откидывается на спинку дивана, улыбается — это минута отдыха.

Так жили мы на ВООПе, и прекрасное это было житье.

* * *

Мне пришлось быть у постели Петра Петровича в его последнюю ночь. Последние слова его были:

— Олени уходят в горы. Я видел голубого зимородка на речке Таденке.

Этими словами я и закончу мой рассказ.

Встреча тридцать лет спустя

Когда я была уже бабушкой, вдовой и пенсионеркой, и мне казалось, что у меня совсем нет ни друзей, ни знакомых, вдруг, под Новый Год, раздается телефонный звонок — в трубке приятный бас:

— Лена Гулыга?

— Лена Гулыга.

— А я — Володя Шишкин.

— Здравствуй, Володя!!!

— А мы собираемся.

— Когда?

— В субботу, в четыре часа, у Маши Сотской — Семеновой.

— Хорошо, буду всенепременно. А где она живет?

— Винницкая улица, дом 95, квартира 16.

— Телефон?

— 441-00-15.

— Как ехать? До Университета?

— Нет, до метро «Теплый стан» или «Ясенево», а там — на любом троллейбусе.

— Хорошо, буду, ждите.

* * *

К этой встрече я изрядно подготовилась: сделала укладку волос, надела серьги, навела косметику, побрызгалась духами, сняла очки, надела красивое платье. Снова стала почти молодой и почти красивой.

Не забыла и о пище духовной: нашла два-три стишка из тетрадей молодости приличные случаю — мы собирались праздновать день рождения нашего ППСа, забываемого старшего друга, ушедшего от нас в 1975 году, перелистала томик лирики А.С. Пушкина и распечатала тост на посошок, соединив три строфы из разных посвящений Лицею:

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,

И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой
Тогда душой беспечные невежды
Мы жили все и легче, и смелей.
Мы пили все за здравие надежды
И юности и всех её затей.

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет как мы перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его задравных чаш,
Меж нами речь не так игриво льётся,
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех меж песен раздаётся,
И чаще мы вздыхаем и молчим...,

Пируйте же пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часа редеет;
Кто в гробе спит, кто, дальний, сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день ВООПа
Торжествовать придется одному?...

Разумеется, я поступила, как мсье Трике, который: вместо belle Nina... Поставил belle Tatiana.

Словом «ВООП» я заменила пушкинский «Лицей», и вышло очень даже недурно (А. С. Пушкин. *«Художественная литература»*, Ленинград, 1936, стр. 378 и А.С. Пушкин. *«Евгений Онегин»*, гл. 5, строфа 17).

Для подарков старым друзьям я собрала все остатки моих изданных произведений. А Володе Шишкину, нашему гитаристу, певцу, художнику-анималисту, (анималист — художник, изображающий животных) скульптору и орнитологу, который выступил в этом году в новом для себя жанре — опубликовал свои стихи в журнале «Охота и охотничье хозяйство», я приготовила тоже свой новый жанр — диск с песней на мои слова: «Фотовальс».

Времена теперь, сами знаете, какие. Так вот пришлось позаботиться и о пище телесной. Я взяла бутылку водки, батон белого хлеба, банку квашеной капусты и кастрюльку отварной картошки. Вкусы на ВООПе были простецкие.

И пустилась я в путь (забыв перекреститься). Поначалу всё шло хорошо. Поезд сразу подошел к нашему маленькому полустанку (я живу загородом), и я поехала.

Потом меня начало по моему обыкновению «водить». А всё потому, что я не сказала мою любимую молитву, чтобы не заблудиться ни в лесу, ни в городе: «Иисус Христос — впереди, Богородица — позади, а раба божья Елена — по серединке».

Начались мои приключения. Так, приезжаю я в Москву, на другой конец города, в Ясенево, начинаю спрашивать Винницкую улицу. А мне все говорят:

Нет у нас такой улицы, у нас есть Вильнюсская улица.

Я решаю, что я — старая дура — не расслышала название, и еду на Вильнюсскую улицу: с двумя кошелками, с водкой, которую боюсь разбить, с диском, который боюсь поломать, с книжками, которые боюсь «опошлить» квашеной капустой.

Приезжаю, спрашиваю дом 95.

А у нас такого нету, — говорят мне.

«Надо позвонить, уточнить адрес», — решаю я. Но при теперешних деньгах, где найти мелочь?

Останавливаю одного за другим трех человек. Наконец, один пьяный за рубль уступает мне двухкопеечную монетку.

Ищу телефон-автомат — это при моем-то зрении, а уже вечер, меня посылают то к магазину, то к аптеке. Все автоматы в округе сломаны: у одного диска нет, у другого — трубки, третий безмолвно съедает мою единственную монетку.

К счастью натыкаюсь на почту, светлые окна.

Открываю дверь — так мол, и так, девочки, я заблудилась.

Они берут огромный талмуд, ищут, ищут, листают, наконец, находят Винницкую улицу и даже объясняют, как проехать. Совсем в другой угол Москвы.

Поплелась я дальше. И на радостях забыла на почте свою записную книжку. И обнаружила это только в метро. А уже не четыре часа, как было условлено, а полседьмого. Ладно, думаю, чёрт с ней, с книжкой, возвращаться не буду, а то к шапочному разбору приду. Захожу в детский сад и говорю заведующей:

— Я заблудилась, позвольте по телефону позвонить.

— Телефон служебный, ну, ладно, звоните.

Я набираю 441-00-15 и прошу Машу Сотскую — Семенову.

— А у нас таких нет, — отвечает трубка.

— ???

Телефон неправильный! Чё делать?

(Ну, Володька!)

Ухожу, извинившись.

Приезжаю на Винницкую.

— Где дом 95?

— Нет у нас такого дома.

— ???

Адрес неправильный! Чё делать?

А женщина, которая мне говорит, такая милая, душевная.

Вы, говорит, — позвоните, уточните адрес, вон телефон-автомат на пригорочке.

— А у меня монетки нет и записной книжки тоже.

Придется, наверно ехать обратно.

— А вам далеко отсюда?

— Да, на другой конец Москвы, загород.

— Ох, ты, Господи! А кто вам нужен?

— Маша Сотская. Теперь она Семенова.

— Это у которой два белых пуделя?

— Да, — говорю наобум, потому что у Машки с детства было всякое зверье: то щеглята, то ещё кто-нибудь.

— Ах, ну знаю, знаю. Это дом 5.

— Спасибо большое.

Нахожу дом пять, помню, что квартира 16. Звоню.

— Здесь живет Маша Сотская. Теперь она Семенова?

— Нет, она живет в 35-ой квартире.

(Ну, Володька!)

Звоню в 35-ю.

— Здесь живет Маша Сотская. Теперь она Семенова?

— Нет, позвоните в 37-ю.

В третий раз, как во всех сказках, звоню, и открывает дверь сама Маша.

Я говорю:

— Здравствуй, Маша!

А она:

— А я не Маша, я её дочка. А вот её внучка, тоже Маша. Ей уже полгода и два зуба есть.

И мне показалось, что эти тридцать лет прошли быстрее, чем я доехала из своего Краскова до Машиной квартиры.

P.S. Вечер мы провели замечательно. Вспоминали наши ВООПовские дни, пели, как могли, раскачиваясь в такт. Машин зять, обняв свою молодую жену, Володя Этин, обняв Костю Кривошапова, по прозвищу «Банан», «Банан» — Вадима Виноградова, партийная кличка «Кокос», «Кокос» — «Кролика», Мишу Никитина, «Кролик» — «Мэнда», Сережу Менделевича, «Мэнд» — «Борича», Борю Фомина, «Борич» — «Аверьяныча», Андрюшу Аверьянова, «Аверьяныч» — «Семеныча», Андрея Семенова, «Семеныч» — всех баб.

«Семеныч» — это наш певец женского тела. Он режет по дереву пленительные ню. Этих обнаженных женщин нельзя назвать порнографией: позы прекрасны, пластичны, поэтичны. Особенно мне запомнилась женщина верхом на гигантской лягушке и резная надпись: «А сё баба на жабе».

Мы колотили в такт под пение по столу так, что прыгали чашки с блюдами и звенели ложечки. Их пришлось убрать от беды подальше.

Еще ели пироги, пили вино за Петра Петровича, за родителей, за детей, за тех, кто в море, в «поле», то есть в экспедиции, и в земле (Валя Орешникова и Валера Решетов), обменялись телефонами, приглашали в гости всех всей семьей.

Я с большим успехом прочла свои стихи, а Дима, не знаю как его фамилия, воскликнул: «Люблю, женюсь!» — и поцеловал меня. Он подарил всем газеты со своими цветными фотографиями.

Мы договорились собрать денег и издать книгу о Петре Петровиче.

А Миша Глазов, которого мы прозвали «Мишель де Бержерак» за большой нос, думал, что прошло только 20 лет, а не все тридцать.

— Столько не живут...! — воскликнул он, когда его уличили в ошибке.

Таня, дочь Маши Сотской сказала:

— Я с детства помню встречи ВООПа. Под столом длинный ряд ног и гора шуб в передней.

Стол у нас всегда был в складчину. Мальчишки приносили, что выпить, а девчонки закуску нехитрую: хлеб, вареную картошку, грибки.

Кто-нибудь предоставлял свою «хату».

И было такое понятие: «лоханкизм», то есть, как Вассисуалий Лоханкин черпал мясо из кастрюли прямо рукой, так осуждался тот, кто «жрал», пока не приготовили на всех.

Ученики Петра Петровича

По дороге домой на меня нахлынули воспоминания.

Про Андрея Аверьянова, исправно резавшего хлеб при подготовке стола на этой вечеринке. Он сделал уникальный, самый полный песенник наших песен, и я велела беречь этот сборник как зеницу ока, может быть, когда-нибудь издадим, пусть весь мир знает, как мы были веселы и молоды.

На ВООПе, когда мы с ним познакомились в лесу, он всё допрашивал, как меня зовут, а я нарочно говорила: «Фёкла, Степанида, Анфиса, Мавра, Гликерия, Аграфена, Феона, Акулина, Фрося, Секлетя, Миропья, Описья, Фёфёла», — и т.д.

Про Вадима Виноградова, по прозвищу «Кокос» (за длинный рост). Я помню, как нас, нескольких ВООПовцев — Милу Хляп, Таню Лыткину, в замужестве Корабельникову, меня и Вадима — снимали и показывали по телевизору в передаче «Искатель». Привезли на телевидение и ППСа, посадили перед камерой и «на весь крещеный мир» показали его бороду и улыбку в бороде. После передачи, возвращаясь домой на метро, мы поднимались вверх по эскалатору, а в это время остальные ВООПовцы, которые перед этим смотрели нас по телику в Дарвинском музее, спускались вниз, тоже домой. Приветствуя друг друга, мы кричали: «Банзай, ВООП!!!»

Опосля участники передачи собрались у меня. И Вадим, когда плясал цыганочку с выходом и прихлопом, сказал: «Ноги у меня длинные, как у лося». Он и занимался лосями.

Как-то на выезде я заставила Вадима Виноградова сто раз говорить: «Je vous aime», что по-французски означает: «Я вас люблю», и он послушно повторял, хотя, может быть и не понимал значения фразы.

С Сереей Менделевичем, по прозвищу «Мэнд» я ездила впервые в ПТЗ (Приокско-Террасный заповедник). Третьим был Кролик. Спали на полу в какой-то сторожке. Мы спали, не раздеваясь, чтобы было теплей. Сергея поразили мои успехи в «языкознании», как он выразился. Я училась во французской школе и еще немного знала по-немецки и по-английски. Я спела им «Маржолену», известную французскую песенку.

Коля Козлов спас меня однажды в Крюково на Зеленой олимпиаде. Я заблудилась ночью в лесу и стала кричать. Мне ответил чей-то голос, и я пошла на него, продолжая всю дорогу перекликаться. Наконец, на поляне

увидела ... Колю Козлова, и мы вместе добрались до нашего стойбища.

Как-то раз, мы услышали, как токует глухарь. Но вдруг прогремел выстрел! Браконьеры! Мы все, побежали ловить браконьера. Коля Козлов бежал первым, за ним спешили остальные, а некоторые бежали просто за компанию. Но браконьера мы не нашли.

Коля Козлов однажды приготовил на костре какую-то жратву из бобовых консервов. Я спросила: «А как это называется?» А он: «Пиратская!»

Ещё о Банане (Косте Кривошапове). Банан любит книги, накупил их на последние деньги очень много. Он черненький, в очках, с доброй, застенчивой улыбкой.

Я очень благодарна моим настоящим друзьям — Семенычу с Ниной и Банану — за то, что они помогли нам переехать на новую квартиру и персонально Банану, за то, что он взял у нас одну кошку (черную Лизку), холил и лечил ее.

Одной из самых популярных личностей в те времена на ВООПе был Кролик (Миша Никитин). Он хорошо фотографировал, занимался графикой. Он увлекался ботаникой в отличие от других мальчишек, интересовавшихся зоологией или орнитологией. Кролик любил ботанику как художник. Миша заинтересовался народными промыслами, открыл в Подмоскowie деревню Коровино, где жили кустари-гончары, и написал о них книгу, иллюстрировав ее своими фотографиями и рисунками.

Был у нас такой обычай: новых членов кружка на выезде сечь. Мишу Никитина секли дохлым кроликом. Отсюда и прозвище Кролик. Но, как известно, маски прирастают к лицу. Миша был маленький, упитанный и гладкий, похож на кролика или на эскимосского мальчика с картины Рокуэла Кента. В нём жила романтика леса, дальней дороги, дикой жизни. Как-то мы шли по высокой жёлтой траве. «Вот бы сюда пару английских седел и иноходца», — воскликнул он.

Еще его можно было бы сравнить с несравненным

Карлсоном. Он пел песню: «Этот парень был мальчишкой из далекого Кентукки ...».

Когда я отправилась на мой первый в жизни ВООПовский выезд, бабушка сделала мне много бутербродиков с сыром и колбасой, аккуратненько завернула каждый бутербродик в бумажную салфеточку, я сложила все в клетчатую сумку и отправилась в путь.

Первым мне повстречался Андрюша Семенов, и ему я доверила нести мою сумочку. Больше я её не видела.

Зато Семеныч, Аверьяныч и Кролик хорошо ее запомнили. Еще к ним затесалась Ася Авилова.

— Эх! Американская упаковка! — воскликнул Кролик.

— Эх, и закусочка! — воскликнул Аверьяныч.

В Приокско-Террасном заповеднике был раньше лесник Гена, привечавший ВООПовцев и пускавший их к себе жить. В этой лесной избушке была русская печка с лежанкой, окошко в изморози и с заснеженными елками за стеклом, ружье, рога, овчинный тулуп, лыжи, в общем, всё для романтики. Кролик жарил в печке на сковородке мясо лося, а, если нужны были дрова, брал топор и выскакивал во двор. Там лежала огромная ель, вся в снегу. Она была повалена буреломом. Я помню, как Мишка без шапки и пальто вскочил на ствол этой громадной ели и рубил ветки, с которых снег сыпался прямо ему на макушку. А он стряхнет снег с короткой мальчишеской стрижки, усмехнется нам и опять рубит. Мне подумалось, что это была Ель Королева Ужей из литовской сказки.

Потом сели обедать. Ели из одной чашки деревянными ложками. Я помню, светлую головку Маши Сотской, Менделевича, покойного Валеру Решетова. А за окном на кормушку прилетали снегири и синицы.

— У — у, какая прилетела! — сказала Ася Авилова, указывая ложкой на синичку-лазоревку.

Еще помню, бегут Кролик и лесник Гена на лыжах без палок и перекликаются.

— Гена: Эх, что-то ноги стали зябнуть!

— Кролик: А не пора ли нам дерябнуть?

- Гена: Эх, что-то стало нам тоскливо!
- Кролик: А не пора ли выпить пива?
- Гена: Что-то ветер дует в спину!
- Кролик: А не пора ли к магазину?
- Ещё Кролик рассказывал про свою охоту:
- Убил хорька. Лежит, сучает.

После песен у костра укладывались спать, кто как. Я была очень удивлена, когда Кролик подошел ко мне и сказал:

Тут рядом сеновал на чердаке. Пойдем туда спать. Со мной пошла еще Лена Мезина, а с Кроликом Мэнд.

Кролик с Мэндом долго подсаживали меня, чтобы я по палке влезла на сеновал. Пели песни в темноте, потом, Мэнд пожал мне руку и захрапел. Я тоже уснула.

Менделевич — директор математической школы. На ВООПе он подружился с Олесей Гуревич. У Олеси были чёрные косы по плечам, а губы, как у женщин из Гонолулу, и черные блестящие, как «мокрая смородина» глаза.

Маша Сотская. Её тоже знали все, все, все. Ведь она была старостой нашего кружка, звездой ВООПа. Её фотография висела у Петра Петровича дома. Маша была блондинка, настоящая Изольда Белокурая, и у нее была красная шапочка. У Маши был пёс Чок, сибирская лайка, черный с белыми пятнышками на концах лап, ушей и хвоста. У Маши всегда жили животные. Чок часто сопровождал Машу на выездах. Маша больше интересовалась зоологией, но ботанику тоже хорошо знала.

Королевой ботаники была другая девочка — Нина Сухорукова. Впоследствии она окончила биофак МГУ, вышла замуж по любви и родила близнецов: мальчика и девочку. Для девочки нашли, не знаю где, имя: Звенислава, Звеня. Потом эта семья уехала в пустынный заповедник и там провела часть жизни.

Однажды Маша Сотская, Таня Вдовина, Андрюша Семенов и Чок отправились на прогулку и сделали настоящее открытие — нашли в зарослях гнездо птички ремеза. Раньше считалось, что ремез в Московской области не

гнездится. Но Маша извлекла на свет Божий из зарослей гнёздышко в форме рукавички и этой находкой приумножила славу ВООПа.

Ещё одно светлое воспоминание, как мы ездили в Звенигород вешать скворечники: Маша, Олеся Гуревич, Ася Авилова, Лиза Лапутина, Варя и другие.

Ранняя весна, «весна света» по Пришвину, мартовское солнце, на снегу тени деревьев, шершавые стволы, между которыми мы бродили с лестницей, а потом влезали наверх и привязывали скворечники.

Я взгромоздилась на лестницу, обняла березу, лоснившуюся от березового сока, и закрутила у неё «на спине» проволоку. Не знаю, кто прилетел в мой домик.

А Олеся Гуревич ездила на санях с лошадкой и раздавала всем дуплянки и скворечники.

Вспоминаю еще Илюху Лермана. Он хорошо рисовал и играл на флейте.

Валера Симонов, художник-анималист, член МОСХа, известный своим афоризмом:

— Постель — не повод для знакомства.

Валя Орешникова, уже покойная, с которой мы однажды на выезде тащили на пару девчонку, повредившую ногу.

Володя Этин — единственный из ВООПовцев «новый русский». Он организовал кооператив «Пчёлка» (мёдом торговал). Он был старше нас, и я помню, как на одном из вторников он нам рассказывал о долине гейзеров и всем показывал застывшую лаву. А познакомились мы с ним на Зеленой Олимпиаде, когда я наотрез отказалась лезть на дерево и за это не получила приз. Призы раздавал Этин, он обругал меня, но, видать, я ему понравилась. Он хотел даже пристроить меня в экспедицию к Яблокову. Таким образом:

— Этин: Лена Гулыга — такая девушка.

— Яблоков: А вдруг нам при этой девушке всем захочется пукнуть. И не взял меня.

Еще была Лена Мезина, собиравшая на Кавказе рассказы очевидцев об «Алмасты» (снежном человеке), но по

мудрому замечанию «Арсенича» (Володи Арсеньева), они все там начинали видеть «Алмасты» после полудня.

Лена была удивительно пластична, пластика на грани фантастики, я называла ее «Чаровницей». Мы с ней в марте ходили босиком по снегу. Ребята постарше переносили нас через ручей, но мы прежде протягивали им наши «трофеи»: лягушачью икру, плаун, мхи, березовую чагу. Чуть позже Лена приютила галчонка, выпавшего из гнезда, носила его в кармане, в тряпочке, и кормила катышками хлеба.

А еще у нас был Женя Николаев. Он очень любил иностранные языки «изучать». Изучит грамматику и думает, дело в шляпе. В пору моего с ним знакомства он изучал язык суахили — самый распространённый диалект в чёрной Африке, но толком Женя не знал ни одного. Мы его прозвали: «Как это по-русски?»

Потом он пошёл в Академию наук и сказал:

— Изучайте меня — я знаю сорок языков.

Как-то раз в Приокско-Террасном заповеднике мы с Таней Лыткиной были одни в лесу. На Тане была красная юбка. Мы сели на полянке. Вдруг из чащи выбегает зубр, разъяренный, как нам показалось, красным цветом юбки, и несется на нас с бешеной скоростью. Я кричу:

— Танька! Скидай юбку, к чертям!

Она так и сделала. Зубр успокоился и свернул влево.

Однажды мы видели Рождественскую звезду. Никто тогда, конечно, в Бога не верил, и мы не знали, что тогда была Рождественская ночь. Просто мы встали рано, часов в пять, и пошли по воду. Небо было прозрачно-сумеречное, беззвездное. Лишь на востоке горела одна зеленоватая звезда. Это была она.

Как-то раз ППС потерял свой бинокль. Мы собрали деньги, кто, сколько может, и подарили ему новый бинокль. У меня тоже был бинокль. Да какой! На нем было нацарапано: «Другу Коле. 1943 г.».

Однажды мы с Лизой Лапутиной, которая посещала ВООП с четвертого класса, возвращались с биостанции.

Ехали в автобусе. Мы были в брюках и куртках, она с ботанировкой, я — с биноклем. И чёрт нас дёрнул запеть в этом автобусе. Мы пели «Лёньку Короля» Окуджавы и ВООПовские песни. Одна тётка — нарядная и намазанная — решила, что мы «б... подзаборные» и выгнала нас с Лизкой из автобуса, и бинокль мой швырнула так, что он чуть не разбился. Пришлось нам шагать пешкодралом до железнодорожной станции.

Две наши девчонки: Мила Хляп и Таня Вдовина в школьные каникулы отправились кататься на лыжах в Лапландский заповедник. Они хотели посмотреть на северных оленей и птичку Оляпку, которая зимой купается в водопадах и ловит там насекомых. После этих первопроходцев в студенческие каникулы туда отправилась Ася Авилова.

ППС называл эти вылазки «рейсом подснежников», но имел в виду не цветы, а трупы, занесенные снегом, которые находили только весной.

Алла Авилова (не путать с Асей Авилловой) поехала на Индигирку посмотреть на розовых чаек. Потом мы с ней вместе учились на филологическом факультете МГУ, были вместе в фольклорной экспедиции в Архангельской области. Позже она вышла замуж за голландца и уехала в Голландию, там написала роман «Откровение огня», изданный и у нас в 1998 году.

На ВООПе был один офицер-фронтовик. Он привёз из Германии целый вагон киноплёнок. Чего там только не было! Все серии «Тарзана» и учебные фильмы по биологии, фильмы про берега рек, побережья морей, рифы, эстуарии, где река впадает в море, и встречаются речная и морская природа.

Показывал нам эти фильмы киномеханик Рудик (Рудольф) — сын Котса, учителя Петра Петровича. Этот Рудик Котс в своё время воспитывался вместе с детенышем шимпанзе. Папаша и мамаша Котсы наблюдали, как растёт и развивается человеческий ребёнок и детёныш обезьяны. Сохранился не то рисунок, не то фотография — мама

Котс кормит из бутылочки малыша обезьяны, сидящего у неё на коленях.

Мы не любили туристов за то, что они не берегли природу, относились к ней хищнически, потребительски.

Кролик и Мэнд первыми стали проверять на вокзалах документы на рубку или покупку елок под Новый Год. Тогда почти ни у кого их не было, все были браконьерами, а наших удальцов могли и поколотить.

Когда в тайге стали вырубать кедры, Ася Авилова сказала с трибуны: «Давайте напишем в газету протест. Подумайте, пока вы здесь сидите, рубят кедры».

В ЦПКиО им. Горького летом проводили «День леса». Посетители толпились у столов, где их консультировали, как лучше сделать букет, где какие цветы растут, а Петр Петрович рассказывал о грибах, полезных и вредных, иллюстрируя свой рассказ таблицами из книг, а мы вертелись вокруг него, бегали кататься на колесе обозрения и к другим аттракционам.

ППС верил в существование снежного человека. Он называл их «наши подопечные», а своих учеников — «мои питомцы».

ППС получал письма от своих учеников — вот детские каракули: «Лось в 1964 г. зимой в Измайловском парке ел кусты, не обращая внимания на любопытных, метрах в десяти. Юрьева». И рисунок лося. Вот письмо солдата: «Здравствуйте, уважаемый Петр Петрович! Весна в Горьком тоже очень ранняя... Прилетело уже много птиц: озёрные чайки, трясогузки, каменки, зяблики, дрозды-рябинники, дупеля, вальдшнепы и другие. С солдатским приветом Коля Харитонов».

Но самым знаменитым и известным стал ВООПовец Алик Мень — проповедник Александр Мень, изменивший характер и судьбу сотен людей, и сам трагически погибший. Его ударили сзади топором по голове.

Все ругательства наши были: Карамба, Санта Мария, Японский городской!

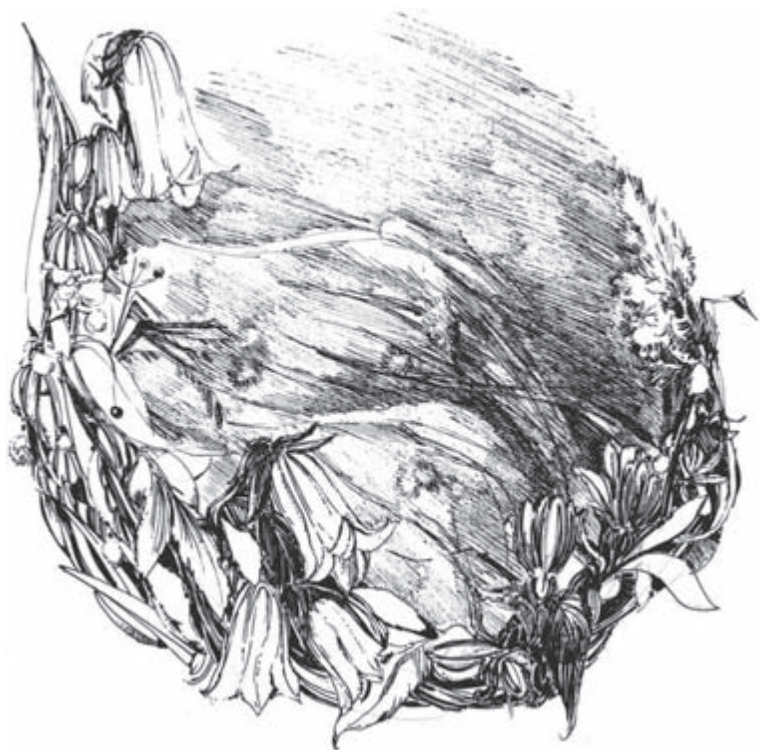
И «голубой» заразы у нас на ВООПе не было.

ППС учил нас бесплатно и бескорыстно, и на своем юбилее (70 лет) он сказал:
— Я был бескорыстен.

Часть 2

Воспоминания ВООПовцев

Наш кружок

Андрей Аверьянов

Я попал на кружок Петра Петровича в 1961 году, когда учился в 7-м классе. Участвовал в школьной биологической олимпиаде. Познакомила меня с ним наша учительница биологии Людмила Михайловна. Петр Петрович объяснил, где происходят еженедельные занятия кружка. Потом привычным жестом вырвал листок из блокнота и нарисовал карандашом схему, как доехать. Метро «Бауманская», остановка трамвая «Бригадирский переулочек», старый дом в Ново-Кирочном переулке. Дом принадлежал Московскому Областному Педагогическому институту (МОПИ). В том же году институт переехал в новое здание на улице Радио. Насколько помню, расписание занятий не менялось с 1961 по 1965 год, когда я начал готовиться к экзаменам и на кружке стал бывать реже. Цель занятий была в обучении нас биологии. Была и ближайшая задача, которая определяла расписание и тематику. Подготовка к школьной биологической Олимпиаде, которая проводилась, как и теперь, весной на биофаке МГУ. Расписание недели было следующим: понедельник — организационное собрание, вторник — общее собрание и лекция, среда — занятие по зоологии, суббота — занятие

по ботанике, воскресенье — выезд за город. Вот сколько времени Смолин проводил с кружком.

Собрания в понедельник в 19.00 проходили в Дарвинском музее. В те времена пыльные чучела, картины и прочие экспонаты буквально загромождали высокий полутемный зал. Для нас, мальчишек, такая обстановка представлялась таинственной и только разжигала тягу к «тайнам живого». Петр Петрович придумал сложную иерархию кружковцев. Тот, кто приходил один или несколько раз, именовался не более чем «гостем». Зачастивший гость членом кружка все равно не становился, а сдавал экзамен на «стажера», потом на «кандидата». И только спустя какое-то время, после самостоятельного доклада о своих наблюдениях в природе, по рекомендации Смолина, общим голосованием «кандидата» переводили в «члены кружка». Стать кружковцем в этом смысле было большой честью. Таким образом, основной состав кружка сохранял стабильность. Был еще актив, он выполнял некоторую организаторскую работу. Мне, как человеку не склонному к таковой, кажется странным, сколько времени занимали эти понедельничные собрания. Ведь почти всё решал и организовывал все равно сам ППС. Частые изменения состава актива мало отражались на жизни кружка. Возможно, Петр Петрович пытался сделать кружок более независимым от себя. В общем, каждому в отдельности Смолин прививал самостоятельность. Ребята выросли, выходили в жизнь; кружок же оставался и держался он по-прежнему на ППСе. Однако не надо думать, что Смолин пытался воспитать себе замену, но не смог. Когда болезнь заставила его все реже посещать занятия, а потом и вовсе оставаться дома, жизнь кружка не прекратилась. Несколько старых кружковцев взяли занятия на себя, проводят их и по сей день. Кружок живет, хотя и не так хорошо, как прежде.

Охватывая не одну сотню человек, кружок не имел устава. Вновь поступающему не вменялось в обязанность ничего, был бы интерес к биологии. Членских взносов

тоже не было. Хороший пример организациям, которые напоминают о себе только этим.

Вторник (19.00 в МОПИ) был, пожалуй, самым приятным днем. Общее собрание кружка и лекция на общебиологическую тему. Докладчик, как правило, приглашался со стороны, если и кружковец, то из старшего поколения. В лекции чаще всего рассказывалось о какой-либо экспедиции, иногда описывался некоторый район, в котором данный биолог регулярно работал. Трудно вспомнить всех докладчиков и содержание их выступлений. Евгений Панов — птицы Приморского края и их поведение. Художник-анималист Н.Н. Кондаков — выполнение рисунков морских беспозвоночных на Каспии. Фотограф-анималист Н.Н. Немнонов — съемки в природе и в зоопарках. Кинорежиссер Данила Берман — фильмы и слайды о птицах. Океанолог М.Е. Виноградов — рейс «Витязя» в Тихий океан. С.К. Клумов — киты и другие крупные морские животные. Зоолог А.П. Кузякин — гнезда птиц, биология летучих мышей. Антрополог Решетов — новейшие данные о происхождении человека. А. Яблоков и В. Этин — морфология (морфология — «анатомия» животных и растений) и поведение дельфинов и тюленей. Писатель-натуралист — Георгий Скребицкий — сезонные явления в природе. Надолго запомнились лекции А.В. Рюмина о пустынных пресмыкающихся. Докладчик неторопливо говорил, а рядом на столе колыхались две крупные кобры. Приносил Рюмин и гюрзу, эфу, стрелу-змею и прочих гадов. Как-то Александр Владимирович показывал нам ядовитые зубы гюрзы. Аккуратно обхватил змею двумя руками, но сдерживать сопротивление крупного животного было нелегко. Тогда он попросил подержать кого-нибудь еще. Через несколько секунд вокруг образовалась толпа, и на бедной гюрзе не осталось свободного места.

На вторниках можно было услышать не только биологические лекции. Тот же Рюмин известен открытием древних рисунков в Каповой пещере, которые затем демонстрировал нам на снимках. Скульптор Герасимов

рассказывал о восстановлении лица по черепу: Шиллера, Ивана Грозного, таджикского поэта Рудаки и других исторических личностей, а также о своих менее знаменитых работах по судебной медицине. Узнавали мы и о доколумбовых открытиях. Время от времени докладчика не находилось, и образовавшуюся брешь заполнял сам Петр Петрович.

Среда — занятие по зоологии, чаще в Зоомузее МГУ. Благодаря договоренности Смолина, ВООП ходил в музей бесплатно. Мы изучали животных не только в залах, но и на хорах — в фондах музея. Вспоминая резвую молодость, не знаю, доверил бы сейчас сам безалаберной ребятне уникальные коллекции тушек птиц и млекопитающих. Запомнилась пеночка, пойманная, судя по этикетке, еще экспедицией Пржевальского. Только сейчас можно оценить, каких трудов стоило Петру Петровичу поддерживать порядок. Зоологические занятия велись также в МОПИ, Дарвинском музее, Музее Землеведения МГУ. Если судить по конспектам, все было очень скучно: систематическое положение животного, отличительные признаки, распространение, немного об этологии (этология — наука о поведении животных). Но в устах ППСа все было чертовски интересно. Иначе, стали бы мы ходить? Петр Петрович знал множество таких признаков растений и животных, которые не фигурировали в определителях, но легко запоминались и позволяли узнавать данный вид быстро и надежно.

Ботанические занятия проходили в МОПИ. Смолин не очень любил гербарии, предпочитая больше хороший рисунок. Кроме учебных таблиц института, использовал книги.

Кстати о книгах. Петр Петрович, за исключением, может, самого последнего времени, был стеснен материально. Несколько лет подряд не имел пальто, ходил по Москве, как и на выездах, в ватнике. Многим он в нем и запомнился. Питался тоже очень скудно, но вот книги ... Примерно через одно занятие, а иногда на нескольких

подряд, Смолин демонстрировал одну или несколько книжных новинок. Кратко характеризовал, уточнял, чем именно хороша, иногда иронизировал по поводу ляпсусов. Покупалось все новое из научно-популярной литературы по общей биологии и более специальные книги по систематике, зоогеографии и орнитологии. Таким образом, ППС, ко всему прочему, был нашим «книжным обозрением». Он никогда не пытался ограничивать нас своими лекциями, всегда советовал, что по данному вопросу можно прочитать.

Накопив к 60-ти годам изрядный багаж знаний, Смолин продолжал его наращивать. Неудивительно, что в комнате, кроме книг, оставалось мало места. Но самое главное, Петр Петрович свои книжки читал и прекрасно ориентировался, где что лежит. При этом подшучивал над одним кружковцем, который без разбору покупал все новое по генетике и эволюционной теории. На всю жизнь запомню свое последнее посещение ППСа летом 1975 года. Я собирался в экспедицию в низовья Оби. Хотел разузнать о северных растениях, тем более, что Петр Петрович побывал примерно в тех же местах. Но почти на любой вопрос Смолин указывал на книжный корешок: «Ищи здесь». Мне это показалось странным, не в читальню же я пришел. Теперь понимаю, чувствовал он, что недолго оставаться ему рассказчиком.

Каждое воскресенье было занято выездом за город, Собирались в 9.00 на станции метро «Парк Культуры — кольцевая», возвращались домой в 5-7 часов вечера. Маршруты — в Мытищинский лесопарк, Люберецкие поля орошения, берега Москвы-реки у Мячкова, Усова, Барвихи, Домодедова. На каждом выезде обязательно составлялся список встреченных птиц и цветущих растений. Это было чем-то вроде игры, особенно азартной, когда никак не могли дотянуть до круглой цифры. Тут уж смотрели вокруг во все глаза. Но всё было честно, выдумка не допускалась. Новые находки ППС проверял сам. Если на занятиях преобладала морфология и систематика, то

на выездах, безусловно, главенствовала этология, она же интересовала большинство кружковцев.

Очень жалею, что не записывал подробно маршруты наших выездов. Как историк, водящий экскурсантов по достопримечательностям, ППС выбирал места, чем-либо уникальные в биологическом отношении. Правда, уникальность эта была не так заметна, как у памятников культуры. Несколько лет назад я попытался пройти по одному из наших маршрутов. Местность изрядно застроили, и, в общем, ничего интересного я не нашел. Вряд ли природа сильно изменилась. Просто Петр Петрович раскрывал нам мир настолько увлекательный и прекрасный, что не всегда доходило, что перед нами, к примеру, всего лишь заросший сорняками городской пустырь.

В моих словах, наверное, изрядная доля тоски по молодости, когда жизнь представляется прекрасной и безо всяких ППСов. Но молодость тут всё же не главное. Вместе с нами, ребяташками, за Петром Петровичем ходили, точно также раскрывши рты, десятки людей среднего возраста и старше. Я имею в виду туристов, которых по телевидению приглашали присоединиться по пятницам к организованным группам. Водил такие группы и ППС. Мы не любили туристов. Иногда их набиралось больше сотни, и такая толпа со старцем во главе являла странную картину. К Смолину тогда было трудно подступиться чисто физически. И он умудрялся завораживать это сборище, говоря о всякой невзрачной живности. Трудно ему было своим слабым высоким голосом почти кричать, да еще на открытом месте, где хватало и посторонних шумов.

С весны по осень, когда занятия прекращались, выезды устраивали еще в среду и субботу. Сбор в 18.00 на традиционном месте, возвращение с наступлением темноты. Кажется, ну что можно за это время успеть? Сейчас, кажется, а тогда недоумения не возникало. Разумеется, ездили поближе, как правило, не выбирались за пределы Москвы. Места выездов — поля орошения у станции Перерва, где собиралось много водных птиц, станция

Ромашково — скопление ранневесенних растений, озеро Киёво — колония речных чаек, парки Москвы — имени Горького, Измайловский, Филевский. По, праздникам 1 мая и 7 ноября традиционными были выезды в Приокско-Тerrasный заповедник.

Необходимость охраны природы ныне очевидна, пожалуй, всем. Но боюсь, что «охрана окружающей среды» для многих мода, к тому же заграничная. Для браконьеров же — лишнее напоминание: хватай, пока есть. ППС на выездах лишь кратко напоминал, чтобы привели в порядок место после себя. И всё же вклад Смолина в дело охраны природы очень велик. В его изложении мир живых существ был так захватывающе прекрасен, что необходимость бережного к нему отношения являлась сама собой. Причем без сюсюканья или ярких вывесок с претензией на современность. Призывы к охране среды вряд ли достигают цели. В самом деле, как можно привлечь к охране собак и кошек, человека, который никогда их не держал и вовсе не любит? Неудивительно, что кружковцы, поступившие на биофак МГУ, сразу же становились членами Дружины по охране природы.

На лето большинство ВООПовцев устраивались работать в заповедники и экспедиции: на Белое и Черное моря, на Кавказ, в Сибирь и даже на Дальний Восток. Многие что-то делали, отдыхая вместе с родителями. Как правило, направлял ребят сам Петр Петрович через своих более взрослых питомцев. Места работы: заповедники — Приокско-Тerrasный, Окский, Кандалакшский, Дарвиновский, Ильменский, Астраханский, Аскания-Нова, Крымский; лесопарки — Мытищинский и Тимирязевский; Подушкинский лесхоз; биостанции — Звенигородская, Крюковская, Беломорская, Севастопольская.

И хотя на кружке не было устава, ППС выражал напутствия отъезжающим буквально заповедями. И был строг. Во-первых, учил он, никогда не врете. Если наблюдали, скажем, за гнездом и уснули, признайтесь честно, ничего не сочиняйте. Во-вторых, сдавайте руководителю отчет, а

первичные черновые записи сохраняйте. Пригодятся. И, в-третьих, ведите себя так, чтобы открывать дорогу, а не закрывать, тем, кто захочет приехать на следующее лето. Чтобы ВООП знали и рады были принять. Разумеется, в экспедиции мы рвались. Но важно отметить, что материальный стимул играл здесь, наверное, последнюю роль, а то и совсем отсутствовал. Многие ездили и работали «за так», и никого это не смущало. Отчасти причина в том, что большинство кружковцев пребывало в допаспортном возрасте, и не могли быть зачислены на работу. Но главное — вся обстановка на ВООПе была совершенно несовместима с деляческим практицизмом.

Весной проводилась конференция, где часть ребят отчитывалась о самостоятельных работах, преимущественно, летних. Выступало несколько поколений, начиная с младшего, и кончая совсем уж взрослыми людьми. Доклады подробно обсуждались. Так ППС учил нас выступать, хотя потребность эта появлялась и сама. Нам неясны были восторги родителей по поводу конференций. Вроде, ничего особенного. Высокий уровень работ кружковцев стал для меня ясен позднее, когда довелось увидеть некоторые дипломныеopusы молодых людей, закончивших (ни много, ни мало) Московский Университет.

Кружок Смолина был общебиологическим, но на нем преобладали полевые направления, в основном, любимая Петром Петровичем орнитология. Физиология (физиология — наука о химических и физических «механизмах» жизнедеятельности организмов): биофизика, биохимия и другие лабораторные направления были представлены слабо. Нельзя, однако, сказать, что их совсем не было. Я, например, именно на ВООПе получил первые представления о строении молекулы белка и механизме фотосинтеза. При нынешнем расцвете молекулярной биологии тематика кружка некоторым может показаться архаичной. Однако бурное развитие экологии (экология — наука о взаимоотношении организма со средой) в последние годы говорит само за себя. Но даже, если не учитывать

этот момент, одна из самых важных вещей, которые дал нам ППС — биологическое мышление. Этому трудно научиться в зрелом возрасте, и нам очень повезло, что попали на ВООП еще школьниками. Биохимические и прочие заумные методы, какими бы «индустриальными» они не выглядели, в конечном счете служат для решения биологических задач. И использование современных методов будет удачным, только если ясно понимать эти задачи. Примером тому может служить, казалось бы, бесконечно далекая от тематики кружка, молекулярная биология. Вспомните, что Джеймс Уотсон и Фрэнсис Крик ухватились за свою ДНК только, будучи убеждены, что именно в ней заключено решение важной биологической проблемы — проблемы наследственности.

А тема эта была вовсе не чуждой и кружку. Много времени потратил Петр Петрович, вдалбливая в нас законы генетики. Разумеется, классической. В те годы генетик было две. Занятное это было время до 1964 года. В «Науке и Жизни» появлялись захватывающие статьи о нуклеиновых кислотах. А на страницах читаемого и почитаемого нами «Юного натуралиста» под гром оркестров шелестел густой кукурузный лес, вытеснив почти всё остальное. На уроках биологии мы записывали под диктовку афоризмы Трофима Денисовича Лысенко о взаимоотношении организма со средой. Со стен школьного кабинета на нас смотрели Мичурин и Дарвин. Согласно подписям под портретами, первый был «великий», «основоположник» и тому подобное, а второй — просто «английский биолог». Невеселое было время. И взрослому трудно было разобраться, где правда, не говоря уже о нас, школьниках, коснувшихся великих проблем биологической науки.

А на занятиях кружка всё стояло на своих местах, как и в наступившем ныне будущем. ППС учил нас классической менделевской генетике. О чем почти не было речи ни в школах, ни в вузах.

Тем же он занимался и в начале 50-х годов, когда это было просто небезопасно. И тогда он давал нам направ-

ление, вселял уверенность, что оно верно, учил мужеству. ППС говорил: «Нынешние биологи занимаются «веществом», а мы — «существом».

Моих сверстников можно отнести к среднему поколению кружка. Будучи средними, мы знали, что у нас было множество предшественников, а после нас — тоже есть и будет ещё много питомцев Петра Петровича. Но вот Смолина не стало, процесс этот прекратился. Оглядываясь вокруг, можно сказать: не так уж нас много, его воспитанников. Немного — в историческом смысле. Мы-то знали, с каким великим человеком общаемся. Но как рассказать о нем потомкам? Личные впечатления о том, какой он был хороший? Немного и малоубедительно. Научные труды Смолина? Но он почти ничего не оставил. Безусловно, всякий вузовский учебник, многократно переиздающийся, много говорит о заслугах его автора. Литературная деятельность во многом более выгодна, чем устная педагогическая, и Петр Петрович мог бы прекрасно писать. Но он работал только с живыми людьми, на это уходило всё его время и силы, а о том, чтобы по-настоящему писать, он мечтал лишь изредка.

Итак, коварный вопрос: что же осталось после ППСа? А остались мы. Слава педагога измеряется достижениями его учеников. Иначе он останется в положении человека, метавшего бисер перед свиньями. На кружковцах лежит ответственность. Петра Петровича нет, но, какой будет память о нем, зависит от нас.

Воспоминания Смородинки

Лариса Буданова (Потапова)

Интерес к изучению живой природы пробудила во мне учительница биологии 446 школы (где я проучилась 8 классов) Елизавета Алексеевна. Она же привезла нас в Приокско-Тerrasный заповедник зимой 1964 года, где я впервые увидела ППСа. Его экскурсия привела меня в дикий восторг. Он показал нам не только следы зверей и птиц на снегу, их помет и погрызы, но и самих животных. Оказалось, что не только белки и мыши питаются семенами шишек, но также клесты и дятлы. Там же я научилась по форме крон и веточкам различать виды деревьев и кустарников. И, конечно же, огромное впечатление на меня произвели зубры и бобры — с их грандиозной плотиной и хаткой.

ПТЗ для кружковцев стал основной базой научных исследований и отдыха. Мы ежегодно посещали его на майские праздники, и даже иногда встречали там Новый год вокруг елки, росшей около Зубра.

Став членами кружка, мы получили некоторую самостоятельность. ППС позволял нам ночевать в лесу у костра рядом с заповедником, на реке Таденка. Однажды, когда

мы ночевали там на майские праздники, ночью ударили заморозки. Наутро мы обнаружили корочку льда на полиэтилене, которым укрылись вечером от дождя. А начало мая следующего года оказалось теплым и солнечным, и мы с удовольствием искупались в Оке.

В заповеднике было много живности. Однажды Сергей Климанов увидел на берегу речки лисицу и решил ее поймать. Он долго гонялся за лисицей, но плутовка, конечно, была проворнее его и оставила Сергея ни с чем.

С нами происходили не только веселые истории, но и забавные. Как-то пришлось спастись от стада кабанов, которые бежали в нашем направлении. Вмиг мы забрались на деревья, а кабаны промчались с топотом мимо, как будто и не заметили нас.

Однажды в 9 классе 710 школы я пригласила свою одноклассницу Таню Ильину (Прокудину) на выезд в ПТЗ. У нее не было спальника, и поэтому она привезла одеяло с белоснежным пододеяльником. Когда начали устраиваться на ночлег, Таня вытащила этот предмет роскоши и расстелила на полу. Конечно, непозволительная в походных условиях белизна и чистота возмутили некоторых ВООповцев. Банан (Костя Кривошапов), как выразитель народного возмущения, тут же прошел по пододеяльнику грязными ногами, а потом еще полюбовался результатом содеянного. Татьяна стойко перенесла обиду: «Пододеяльник отстирать легче, чем одеяло» — сказала она.

Летние школьные каникулы мы обычно проводили в пионерском лагере. Но вот после 7-го класса, в 1965 году, мне разрешили поехать в Окский заповедник, откуда пришла заявка на четырех кружковцев. Клещ (Миша Мещанкин) и Клим (Юра Климов) уехали раньше, а мы с Оксаной Гузенко должны были подъехать позже.

Каково же было наше удивление, когда Святослав Георгиевич Приклонский сообщил нам, что в заповеднике уже работают четверо ВООповцев. На наше счастье нас не отправили обратно, а поселили в «Брыкином бору», где мы занимались кольцеванием куликов.

Выполнив работу, мы попросили Приклонского отправить нас на кордон «Старое», где работали наши ребята (Мещанкин Миша, Кочетов Саша и Зимин Боря). Юру Климова к тому времени, перед нашим приездом, родители забрали в Москву, так как он упал с дерева и сломал ногу. Ребята очень обрадовались нашему приезду. Некоторое время до этого они жили впроголодь, питаясь только ягодами и грибами. У нас на кружке не было принято выпрашивать деньги у родителей, мы пытались быть во всем самостоятельными.

Добираться до кордона «Старое» надо было по реке. Когда наша лодка причалила к берегу, мы увидели двух чумазеньких мальчиков, встречавших нас. Это были Саша Кочетов и Боря Зимин. Они преподнесли нам две миски с ягодами — земляникой и черникой. Это было очень приятно. Но и мы не остались в долгу: приготовили обед из привезенных продуктов. На кордоне не было магазина, и нам со временем пришлось тоже перейти на подножный корм.

Наша работа заключалась в наблюдении за питанием птенцов канюка. Гнездо находилось довольно высоко на дереве. Там сидели два птенца с кожаными колпачками на клювах. Колпачки не позволяли им проглатывать добычу, принесенную заботливыми родителями. Мы забирали добычу, взвешивали, определяли грызунов, ящериц и лягушек, а потом отдавали птенцам. На дерево забирались босиком. Однажды «Клещ» пытался отобрать пищу у одного птенца, в это время второй птенец, переступавший беспокойно с лапы на лапу, наступил Мише на голую ногу и впился когтями. Клещ заорал как резаный и скатился кубарем с дерева.

Как-то я заблудилась в заповеднике. Долго плутала и, наконец, вышла на тропинку. Вокруг стояла мертвая тишина. Я прошла немного по тропинке, и вдруг такой шум-гам, что я испугалась до смерти. Оказалось, что прямо из-под моих ног вылетел огромный глухарь, наделав столько шума.

Многие ВООПовцы работали в Окском заповеднике и даже сочиняли стишки:

*Ерус озеро большое
Там лягушки квакают;
А на озере юнаты
Тех лягушек шмякают.
(Витюша Стопалов)*

Благодаря рекомендации ППСа, мне удалось поработать в школьные каникулы в Тебердинском и Хоперском заповедниках, а также в экспедиции на Волге.

С огромным удовольствием вспоминаю наши выезды в Крюково, где ежегодно проводилась и проводится до сих пор Зеленая Олимпиада. Здесь помимо исследования флоры и фауны мы проходили «школу выживания». Учились ориентироваться в лесу, рубить дрова, разводить костер и готовить на нем, строить шалаш и лазать по деревьям. Завершалась олимпиада играми (регби, «кобыла», «бой мустангов») и песнями у костра.

Нельзя не вспомнить городские биологические олимпиады в МГУ, где ВООПовцы из года в год получали большую часть премий, а наш кружок всегда занимал первое место среди других кружков по количеству призов. И все это благодаря энциклопедическим знаниям ППСа — великого учителя, сумевшего донести их до нас. На занятиях в Зоологическом и Дарвиновском музеях мы изучали теорию, практические же знания мы получали в МОПИ, где занимались на тушках птиц, а на выездах в природу мы изучали голоса птиц, цветущие растения и следы жизнедеятельности животных. Обстановка на кружке была доброжелательная: старшие помогали младшим, учили по тушкам и голосам птиц, организовывали выезды в заповедники и экспедиции.

*Пускай пролетают года
У ребят отрастет борода (в три ряда),
Но хоть разъехались мы,
Но хоть разъехались мы,
Друг друга помнить мы будем всегда!*

Любимый ВООП

Вера Долгачева (Кобякова)

Воспоминания пишу впервые. Мыслей в голове крутится много, но не знаю даже, с чего начать. Как попала в ВООП, к ППСу? В детстве жили мы на Садовой, в подвале, перед окнами был малюсенький палисадничек, где мы с дедом поливали несколько подсолнухов, чубушник, да зеленую травку. Солнца было мало, так как весь двор был заложен колодами дров. Дома тоже было темно, из комнатных растений росла одна аспидистра, которая у меня существует до сих пор. Во дворе перед низкими окнами другого дома тоже был палисадник, но побольше, где мы детьми играли в «секретики» и школу, так как двое девчат из нашего двора уже ходили в первый класс. Почему-то мне всегда хотелось быть в игре учительницей ботаники. Но кроме вишни, которую мы искусственно опыляли пыльцой ее же цветов и поливали, другого ничего не делали. Однажды на нашей вишне появились 2 или 3 вишенки. Восторгу не было границ. Мы их оберегали, но палисадник был не наш, и вскоре их кто-то сорвал. А потом я стала школьницей. Училась хорошо, хотелось скорее перейти в пятый класс, в котором начнется ботаника.

Когда это, наконец, случилось, мы с нашей биологичкой Надеждой Ивановной Кошечкиной не раз ходили в ботанический сад на Грохольском, где помогали очищать луковицы гладиолусов перед посадкой и делали всякую другую не очень интересную работу. С 5 класса я записалась в юннатский кружок при городском Доме пионеров, что был на ул. Стопани. Одновременно со мной там занимались Валя Орешникова, Марина Васильева, Марина Окушко, Марианна Успенская, с которыми мы впоследствии перешли в ВООП. Наша руководительница кружка Муза Аристарховна Ногина часто устраивала выезды в природу, и однажды мы поехали вместе с ППСом и его кружковцами. Это было где-то в начале 1958-го или 1959-го года, в Ромашково. Уже в электричке, где, разумеется, все ехали без билетов, мы познакомились с ППСом. Мы были счастливы. Нас поразила его эрудиция, он все знал, мог ответить на любой вопрос, был очень добрым и часто улыбался. С ним было легко и просто. За время экскурсии мы познакомились со многими кружковцами, которые делились с нами впечатлениями о походах и интересных занятиях. Потом случилось так, что в доме пионеров нашу руководительницу стала заменять другая, более молодая. Мы, не раздумывая, все перешли в ВООП, несколько не жалея. Пять дней в неделю ходила на кружок и не уставала. Свобода на выездах, простор, душевный коллектив, пение песен, коллективный перекус, а в центре всех мероприятий — добродушный, умный учитель — все это было счастьем. На первых порах я влюбилась в птиц, о которых очень много и интересно рассказывал Петр Петрович. На занятиях удивлялась знаниям старших кружковцев, и мы все старались на них походить. Через некоторое время Валя Орешникова вошла в ядро кружка. То, что я туда не входила, не мешало мне быть на всех заседаниях, занятиях и на выездах, быть в курсе всех дел. Дискриминации не чувствовалось.

Запомнились ежегодные школьные городские олимпиады, на которых мы соревновались с основными тог-

дашними соперниками — КЮБЗ-овцами. Грамоты хранятся до сих пор дома. Перед олимпиадами у нас была страшная запарка: занятия в Дарвиновском, в МОИПе (Московском областном педагогическом институте им. Крупской), на хорах в Зоомузее, на кафедре высших растений в МГУ, чтение литературы и т.д. Откуда хватало столько сил? Зажигал в нас энергию ППС и, вероятно, желание оправдать его доверие. В этот период шла борьба между кружковцами: кто — кого? Но эта борьба была не злая, на выживание, а скорее, спортивная.

Выезды в Приокско-Террасный заповедник оставили неизгладимые впечатления. Все было здорово: и дорога от усадьбы к «Зубру», общий обедо-ужин, игра в «кобылу», «бой мустангов», ночные песни при свече, дорога в деревню Республика, особенно в разлив на 9 — 10 мая, ночевка в стогу сена и многое-многое другое. Впоследствии, когда училась в институте, приходила иногда на кружок пообщаться со своими и послушать ППСа. Я выросла без отца, поэтому ППС стал мне главным наставником в жизни. Он часто журил меня за мою иногда рассеянность и непоследовательность. В последний незабываемый выезд с Петром Петровичем я была на очередном юбилее кружка в Крюково.

На всю жизнь запомнились мне работа по учету мухоловок-пеструшек и кольцеванию птенцов в лесах около биостанции МГУ. Это было в начале 60-х годов. Со мной были Люда Агапонова, Валера Решетов и Лена Рогова. Там было много интересных растений, и я снова решила заняться ботаникой. На следующее лето посчастливилось жить в «Зубре» на юге Приокско-Террасного заповедника. Работа заключалась в составлении списка высших растений и сборе гербария. Со мной в Зубре была Маша Сотская, которая занималась учетом птиц. Питались мы нормально, однажды даже пекли блины на печи, которая топилась «по-черному». К нам часто приходил Малашенко, по ночам пели песни при свече. Романтика..., было очень душевно. Ночью он водил нас на бобровую плоти-

ну, там и ночевали, но бобров так и не увидели. Но все равно, было прекрасно. Ходили в гости на север заповедника, где работали Валя Орешникова, Марина Васильева, Андрей Аверьянов и еще кто-то. Справляли ночью день рождения, купались, ну, и, конечно, пели песни. В общем, в кружке я получила то, о чем всю жизнь мечтала.

Сейчас я — кандидат биологических наук, доцент, преподаю ботанику, экологию, растениеводство на кафедре естественных дисциплин и методики их преподавания в начальной школе МПГУ. Но до сих пор душа зовет на простор, за пределы города, в лес Лосиног острова, на огромный пойменный дуг Оки, на мытищинские болота, в Приокско-Террасный заповедник. Работаю со студентами факультета начальных классов и надеюсь, что хоть чуточку ППСа могу передать студентам, а они — младшим школьникам. Сезонные экскурсии по ботанике стараюсь проводить по любимым местам Подмосковья и теперь уже Москвы, где не раз бывали с ППСом.

Годы в ВООПе

Володя Князев

О ВООПе я узнал от моего одноклассника Миши Грибова, замечательного орнитолога, аквариумиста, просто хорошего товарища. Мое появление в кружке совпало с выездом в Приокско-Террасный заповедник, так что с Петром Петровичем я познакомился в вагоне электрички 30 апреля 1956 года. С первого взгляда мне понравился этот человек: необыкновенно добрая улыбка, интеллигентность, несмотря на его поношенную телогрейку, выдавшие виды кирзовые сапоги и такую же кепку. После формальных вопросов (школа, класс, есть ли в семье биологи, домашний телефон) все мои ответы были внесены на картонный железнодорожный билет. Я понял, что это — картотека, так как рядом лежала целая пачка таких же исписанных билетов, перетянутых резинкой. На главный вопрос: «Чем хочешь заниматься в кружке?», я ответил: «Бобрами».

В Серпухов электричка прибыла поздно вечером, так

что до заповедника добирались пешком. Шли тропинкой через поля, освободившиеся от снега после долгой зимы. Я с удовольствием вдыхал весенние запахи, с интересом рассматривал ярко горящие звезды на небе и все, что можно было разглядеть в темноте. За разговорами незаметно подошли к заповеднику. В те времена главный вход украшала высокая прямоугольная деревянная арка, поверху которой белой краской красиво было выведено: «Приокско — Террасный государственный заповедник». Сразу за аркой шла главная улица центральной базы заповедника. В то время она была застроена только с правой стороны, сейчас — и слева. На ночь мы расположились в маленьком бревенчатом сарае с единственным окошком. После долгой дороги и коллективного ужина спали крепко, подстелив под себя верхнюю одежду, и положив под головы рюкзаки. Только утром я рассмотрел, что наш сарай — бывший хлев.

Наступивший теплый солнечный день я и сейчас вспоминаю как день собственных открытий. Посещение зубрового питомника, знакомство с его директором М.А. Заблоцким, посвятившим всю свою жизнь изучению экологии зубра и восстановлению его численности, оставили незабываемое впечатление. Он же вел Всесоюзную родословную зубров.

Еще раз поразил меня Петр Петрович в лесу. Я до сих пор уверен, что нет такой птицы средней полосы, которую бы он не узнал по голосу, и такого растения, о котором он не мог бы не только сообщить название, но и прочитать целую лекцию. Все, что говорил нам ППС, быстро запоминалось. Так накапливались наши знания.

Спугнутой птицей пролетел день, переполненный впечатлениями, только вечером мы вернулись в свой хлев, но и здесь нас ожидало удивительное явление. Кто-то из кружковцев обнаружил за хлевом кусочек прогретой земли не более квадратного метра, на котором сидело около сотни бабочек-адмиралов. У всех были раскручены хоботки, ими они ощупывали землю. Наши взоры обратились

к ППСу. Ответ был прост: «На этом месте раньше был навоз. Питательные вещества из него пропитали землю. Теперь бабочки извлекают их для себя, ведь цветущих растений еще мало».

Но главное было еще впереди. Петр Петрович познакомил меня с научным сотрудником заповедника Геннадием Николаевичем Лихачевым, чей дом стоял напротив хлева. Убранство его жилища было заурядное, но две прогнущиеся полки с огромной коллекцией керамических фигурок животных и множество старинных фотографий в резных рамках привлекали внимание. На фотографиях были пейзажи и портреты незнакомых людей, родственников хозяина дома.

У Геннадия Николаевича было три дяди — адмиралы. Один из них, Петр Петрович Андреев, командовал императорской яхтой «Полярная звезда» и в разное время был командующим Балтийским и Черноморским флотами.

Отец Геннадия Николаевича, Николай Петрович, по образованию историк, собирал и реставрировал старинные иконы, монеты и бумажные денежные знаки. В собственном доме в Москве он открыл музей палеографии — науки, изучающей видоизменяемость написания букв по эпохам и странам. Специалисты этой науки занимаются древними рукописями. В 1925 году Николай Петрович избирался академиком.

Мама Геннадия Николаевича, до замужества Карпова, происходила из богатой купеческой семьи Саввы Тимофеевича Морозова. Она получила прекрасное домашнее образование, увлекалась историей, была ученицей историка В.О. Ключевского. Она жила вместе с сыном, всегда аккуратно стриженная, с запахом духов. За чашкой чая (кстати, Геннадий Николаевич собрал и большую коллекцию чайных этикеток) она рассказала, как на придворном балу в Петербурге танцевала полонез с Николаем II.

В то время Геннадий Николаевич занимался птицами-дуплогнездниками. За двадцать лет работы в заповеднике он создал большую гнездовую колонию, изучил

колебания численности птиц, гнездование разных видов, межвидовые отношения, наладил кольцевание. Большую помощь ему оказывали кружковцы Петра Петровича, которые с утра до вечера проверяли дуплянки, переходя от одной к другой с лестницей в руках.

Позже, занимаясь в заповеднике бобровыми поселениями, я много раз виделся с Геннадием Николаевичем. Наши встречи всегда были теплыми и дружескими. Последняя встреча состоялась в сентябре 1972 года, а в ноябре он скончался в возрасте 73 лет. По завещанию он похоронен на кладбище в Приокско-Тerrasном заповеднике, а коллекция изображений животных передана в Зоологический музей. В этой коллекции много фигурок, сделанных художником — анималистом Валерием Васильевичем Симоновым, воспитанником Петра Петровича.

Помимо выездов в природу, в кружке существовали лабораторные занятия. По вторникам собирались в Московском областном педагогическом институте им. Н.К. Крупской (МОПИ), а по пятницам — в Дарвиновском музее, где занятия вел сам Петр Петрович. Он хорошо знал экспозицию и фонды, ибо работал там главным хранителем. В МОПИ часто вел практические занятия профессор, ученик ППСа, Александр Петрович Кузякин, благо институт располагал большой коллекцией птичьих тушек. Занятия с тушками дополняли экскурсии за город — в природе не всегда удавалось хорошо рассмотреть ту или иную птицу, запомнить ее оперение, сравнить индивидуальную окраску с окраской других птиц того же вида. Все это можно было сделать на зимних занятиях. Кроме того, в коллекции были виды из дальних регионов страны, которых в средней полосе нет. После таких занятий облик птицы запоминался навсегда.

У Александра Петровича в институте хранилась и собственная коллекция птичьих тушек, не помещавшаяся дома из-за тесноты. Эта коллекция тоже использовалась на занятиях. Профессор завещал ее Зоологическому музею, где она неделимо хранится до сих пор.

На заседания кружка приглашались интересные люди — исследователи Арктики и Антарктиды, люди, вернувшиеся из разных экспедиций, работники заповедников и другие ученые. Запомнилось выступление на кружке Михаила Михайловича Герасимова, первого автора методики реконструкции лица человека по его черепу. При переполненной аудитории он рассказал о работе над восстановлением облика царя Ивана Грозного и Ярослава Мудрого, отвечал на многочисленные вопросы.

Петр Петрович часто привлекал кружковцев к различным учетным работам. Помню зимний учет врановых. На вопрос «предков» «Куда собираешься?», ответ был точный: «Ворон считать!». Мне достался участок между Манежем и Александровским садом, а задача в том и состояла, чтобы пересчитать всех прилетавших туда ворон. Другие учетчики были расставлены по многим местам Москвы, куда слетались птицы на ночлег. Потом все данные собирались у ППСа, передавались заказчику и там обрабатывались.

Что вороны — птицы сообразительные, я знал и раньше, но оказалось, что они еще и храбрые. Много лет спустя я работал на ВДНХ в павильоне «Охота и охотничье хозяйство». Весной было поручено снять все вороньи гнезда с деревьев. Мы использовали телескопическую вышку, установленную на автомашине. Вороны не трусили, они нападали, и я даже чуть не лишился глаза.

На территории электроучастка ВДНХ попало одно гнездо, сплетенное из обрезков мягкой проволоки. Снять его с дерева удалось не сразу, т.к. торчавшие концы проволоки переплелись с ветками. Вот отличный пример приспособляемости ворон к антропогенным условиям! Гнездо я отнес в Зоологический музей.

Запомнился учет чаек на озере Киёво. Методика учета гнезд, предложенная Петром Петровичем, была до удивления проста. Каждый из нас дома из плотной бумаги нарезал небольшие квадраты и приносил на озеро. Их пересчитывали. Учетчики отправлялись на трясину и

в каждое гнездо кидали по квадрату. Оставшиеся квадраты пересчитывали вновь, и по разнице их до и после учета определяли число гнезд. Помню, что ППС был недоволен результатом, так как гнезд по сравнению с прошлым учетом стало меньше. Причиной он считал перешеек, связывавший трясину с берегом, доступный для людей, собак и кошек. В то время озеро не было заповедным.

Случалось, что на выездах мы получали не только знания, но и уроки выживания.

В 1957 году на ноябрьские праздники состоялся большой выезд во главе с Аркадием Малошенко под Волоколамск, в район станции Чисмена. Доехали благополучно, переночевали у какой-то бабушки, утром вышли в лес. Я и Анатолий Куликов не заметили, как отстали от группы, а когда спохватились, ни крики, ни выстрелы наши уже никто не слышал. Местность незнакомая, погода пасмурная, своих потеряли. Начало смеркаться, и ночевка в незнакомом лесу стала неизбежной. Натаскали дров на всю ночь, но тут обнаружилось, что ни у меня, ни у Анатолия нет спичек. Перекусили всухомятку и, прижавшись друг к другу спинами, задремали неглубоким сном. Не знаю, долго ли я дремал, но проснулся оттого, что приснилось, как добыть огонь. Сон я сделал явью: разрядил патрон, а на порох положил кусок ваты, который выдернул из телогрейки, вновь затолкал пыжи и выстрелил этим патроном в сушняк. Из ствола вылетела горящая вата. Остаток ночи мы провели в тепле, а утром был суп, поджаренный на веточках-шампурах черный хлеб и горячий крепкий чай. Показалось солнце, мы сориентировались и нашли дорогу на станцию. К вечеру были в Москве. До этого случая я не читал и не слышал о таком способе добывания огня.

Весь июнь 1957 года я проработал в Приокско-Террасном заповеднике по бобрам. Судьба свела меня с Александром Менем. Жили мы все в том же хлеву, но спали уже не на полу, а на нарах. Алик был кружковцем старшего поколения. Говорят, что его даже исключали из кружка за что-то. По окончании средней школы он поступил учить-

ся в Пушно-меховой институт, но институт расформировали во времена хрущевского гонения на заповедники. Будущим охотоведам предложили факультет охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института. Во время учебы Мень всерьез заинтересовался религией, причем не только православной. За это он был наказан: вместо диплома об окончании института получил лишь справку о прослушанном за пять лет курсе «Охотоведения». Алик возвратился в Москву, переехал в заповедник и там готовился к вступительным экзаменам в Загорскую духовную семинарию.

Удивляло, как много книг он одновременно читал, и какие это были книги! Старинные, многие в кожаных переплетах с золотыми обрезами. Некоторые были на греческом и латинском языках. Алик читал их свободно. Помню, как я открыл одну, это была «Индийская философия». На вопрос: «Зачем тебе это?» Алик ответил: «Чтобы знать». Он хорошо знал древнюю историю, и если что-либо рассказывал, казалось, что и сам был очевидцем. Он писал стихи, прекрасно играл на гитаре. В гимне охотоведов «Я родился где-то под забором» и в песне «За Данками закатилось солнце» есть его слова. Уже тогда под большим секретом он сообщил мне, что собирается написать серию книг о Русской православной церкви и православной религии. Я поразился его смелости, помню, спросил: «Кто же издаст?» Он ответил, что печатать будут за границей. Не забывайте, что это был 1958 год, когда в каждом ВУЗе читался курс лекций по атеизму. Сейчас издан главный труд А. Менья «История религии» в семи томах, книга «В поисках пути истинной жизни» и другие.

Многие девочки кружка были явно и тайно влюблены в этого жгучего брюнета «с головою, словно грива льва» и зелеными глазами, поражавшего всех энциклопедическими знаниями.

Выезды, практические занятия, доклады, конечно, давали знаний много, но без специальной литературы

обойтись было нельзя. Поэтому мы обращались в разные библиотеки: прежде всего в юношеский читальный зал библиотеки им. Ленина, в библиотеку Московского общества испытателей природы, а также в районные и школьные. Несколько раз Петр Петрович давал мне книги из своей личной библиотеки, они были по экологии бобра и методикам учета его численности.

Конечно, мы покупали много книг. Время от времени я обходил все букинистические магазины от ул. Горького до Арбата. Тогда у кружковцев была хорошая традиция — обмен книгами на время. Много лет спустя традиция ушла, и, как символ перемен, появился машинописный листок:

*Не шарь по полкам жадным взглядом,
Здесь книги не даются на дом.
Лишь настоящий идиот
Знакомым книги раздает.*

который некоторые ставили на книжную полку дома. Большинство купленных тогда книг и сейчас стоят в моем книжном шкафу. Тогда я начал собирать домашнюю биологическую библиотеку. В 1956 году стал издаваться журнал «Охота и охотничье хозяйство», на который я поспешил подписаться. Вот уже 45 лет я не изменяю этой привычке. Когда журналов собралось много, я с удовольствием освоил переплетное дело.

Накопленные знания и навыки работы с бобрами, полученные в заповеднике, позволили мне сразу после школы вместе с Женей Николаевым по заданию Государственной охотничьей инспекции провести учет речного бобра по реке Поля в Кривандинском лесхозе Московской области. После предоставления отчета в инспекцию нам было выдано денежное вознаграждение. Это были первые заработанные мною деньги.

Скончался Петр Петрович 28 сентября 1975 года на даче своей ученицы Лены Гулыги. Лена стала детской поэтессой, членом Союза писателей России, издала девять

книг («Свисток», «Рябина, березка и вишня», «Горицвет», «Бабочки» и другие), сделала много радиопередач и радиоспектаклей. Прощались с Петром Петровичем в Зоологическом музее. Прах его похоронен на Даниловском кладбище в одной нише с прахом родного брата Дмитрия Петровича Смолина — драматурга.

Что дал мне ВООП? Прежде всего, сформировал меня как личность, сделал специалистом-биологом (пусть самой начальной категории), научил работать над собой, помог удивительно легко перенести армейские тяготы (от наматывания портянок до психологических проблем), быть в институте не на последнем счету, иметь по биологическим дисциплинам только отличные оценки. Пройдя школу юннатов, я тридцать лет проработал внештатным консультантом-биологом в журнале «Юный натуралист».

Самое главное, ВООП дал много хороших друзей. Выезды обладали одним удивительным свойством: они сразу показывали, кто есть кто. Некоторые ребята по разным причинам отсеивались, но многих такие выезды сближали. Наша дружба жива и поныне. Я и сейчас могу перечислить всех кружковцев, с кем сдружил меня ВООП: Валера Симонов, Володя Кузякин, Миша Глазов, Леня Скляр, Боря Фомин, Андрей Аверьянов, Вера Киреева, Маша Сотская, Лена Гулыга, Лена Оглоблина, Женя Никифорова и другие.

Каждый год в день рождения Петра Петровича, 5 января, мы стараемся встретиться. Тогда нашим воспоминаниям нет конца. Каждая такая встреча превращается в возвращение в юность, во встречу с любимым Учителем. До скорой встречи!

ВООП — моя судьба

Оля Леонтьева

На кружок я попала через мою сестру Татьяну. В то время я училась в 7 классе 29 английской спецшколы (что на Кропоткинской улице), а она была уже студенткой института Тонкой химической технологии им. Ломоносова вместе с Мариной Дургарян. Моя сестра рассказала своей подруге, о том, что я увлекаюсь животными, в основном собаками. Марина посоветовала обратиться к ее младшей сестре Наташе, которая занималась в биологическом кружке под руководством Петра Петровича Смолина.

Прекрасно помню этот день. Целая делегация, в состав которой входила моя мама, Таня и Наташа, подошла к Дарвиновскому музею, который находился в здании МГПИ им. Ленина. На кружок попадали через дверь во внутреннем углу, расположенном в палисаднике общем для Педагогического института и 2-го Медицинского института и МИТХТ. Мы какое-то время ждали условленного времени, а потом я одна пошла в музей. Помню, очень боялась, особенно меня поразил огромный зал со слонами, где я почувствовала себя совершенно ничтожной. За столом сидел дед с седой пышной бородой. Я предста-

вилась, сказала, что хочу заниматься в кружке. Он хитро улыбнулся и спросил, что конкретно меня интересует. Я смутилась, так как, кроме неосознанной любви ко всему живому и небольшой практики в школьном кружке, ничего конкретного у меня не было. А выше названное мне казалось незначительным. Он задал мне несколько вопросов по биологии, на которые я ответила, но, как оказалось, не правильно. Петр Петрович успокоил меня, сказав, что именно занимаясь на кружке, я смогу уничтожить пробелы в своих знаниях. И он был прав. В школе я не очень жаловала биологию. У меня бывали и тройки. Наша учительница по биологии, однажды даже вызывала мою маму, чтобы обсудить мою плохую успеваемость. В основном это было из-за плохого поведения. Я все время была занята своими мыслями и не всегда слышала, что творится кругом. Но после того, как я начала ходить на ВООП, меня окружил вихрь познаний.

Мы успевали бегать в Дарвиновский музей, в МОПИ (Педагогический ин-т им. Крупской), в Зоомузей на ул. Герцена, ездили на выезды в природу по выходным и праздникам. В школе у нас тоже был биологический кружок под руководством учителя биологии Валентины Ивановны Кудрявцевой. Оказалось, что она хорошо знала Петра Петровича и одобрила мои занятия в ВООПе. В школьном кружке занимались ребята из разных классов. Какие жаркие споры были у нас по поводу цитологии и генетики! Ни о чем другом мы не могли говорить на переменах. Не доспорив на одной перемене, с нетерпением ждали следующей, чтобы продолжить спор.

Моим первым наставником на ВООПе была Таня Лыткина. Она показала мне, как составлять гербарий, как определять растения, делать описания растительности. Вместе мы отправились в ботанический сад МГУ, что на Ленинских горах. Там Таня показала участок леса, на котором мне предстояло сделать самостоятельную работу. Я с большой готовностью принялась за дело. Как всякий первый учитель она осталась навсегда в моей памяти.

Хотя разница по возрасту между нами была небольшая, но для меня она была авторитетом.

Таня Лыткина

Летом 1967 года (после 7 класса) я была на практике по направлению Петра Петровича в Приокско-Террасном заповеднике (ПТЗ) с Мариной Жарской и Витей Стопаловым. Жили мы в Данках. Я квартировала отдельно от ребят у одной украинки. Она жила с мужем, маленькой дочкой и очень старой свекровью. Дом их стоял сразу за единственным тогда в деревне магазином (теперь этот магазин снесли). Они строили новый большой дом, а сами жили в старом маленьком. Меня поселили в новом доме. Там почти ничего ещё не было, кроме стен и крыши. Пола и того не было. Приходилось ходить по доскам, уложенным кое-как. Мне поставили раскладушку и сколотили стол. Дом выглядел огромным, солнечным, пахнущим свежим деревом. Приятно было просыпаться рано утром, когда солнечные лучи, проникая через многочисленные щели, освещали свежевystруганные доски. Хозяйка каждое утро приносила мне огромную кружку парного молока и полную миску дымящейся вареной молодой картошки. Было очень вкусно, но я не в силах была одолеть эту гору еды, и хозяйка всегда очень сокрушалась. Ей приходилось

много трудиться, ухаживать за всей семьей, но и за мной она успевала присматривать.

Ребята (Маринка и Витюша) жили на отшибе, за деревней, около озера. Это был старый пустой дом. Сами хозяева жили в другом, более новом доме, в деревне. Старый дом стоял обособленно. Марина и Витя делали там всё, что хотели. Маринка любила испытывать Витюшу на стойкость. Уж не знаю, может от большой любви. Она смешивала первое, второе и третье блюда за обедом, делала так называемый «блевантин» и заставляла Витюшу это есть. Меня от вида этой гадости просто тошнило. А Витюша не сопротивлялся и ел.

Однажды, подходя к их домику, я увидела, что из двери валит дым. Я испугалась и побежала в дом. Оказывается, Маринка специально устроила дымовуху, сделала так, чтобы печка в доме начала дымить, закрыла окна и дверь и держала Витюшу в доме до тех пор, пока, он мог терпеть. Странные развлечения.

Я думаю, что были и другие шалости. Маринка была мастерицей на такие выдумки. Как-то к вечеру приехал ее отец с другом. В это время мы были на озере, купались. Я была босиком, так как часто так ходила. Тапочки остались в их доме. Мы все вместе собрались идти через весь заповедник на юг. Я хотела забрать сандалии, но Маринка не дала мне ключи от дома и заявила, что мы выходим без промедлений. Мне очень хотелось поучаствовать в столь интересном походе, и я пошла босиком. Когда мы прошли только одну четверть пути, совсем стемнело. Темно было, хоть глаз выколи. У меня было одно преимущество перед остальными: я ногами чувствовала дорогу. Мои попутчики в обуви не замечали, как сходили с неё. Так что я вела нашу группу наощупь. Но стало совсем неприятно, когда подходили к югу заповедника, и вошли в сосновый лес. Наступать в темноте на сосновую шишку — удовольствие ниже среднего. На юге около Оки мы переночевали в стогу. Утром, когда мы с Мариной мыли посуду в реке, я случайно уронила котелок в воду, и Маринка, не раз-

думывая, скомандовала: «Прыгай». А я, не задумываясь, выполнила ее приказ, хотя потом было очень обидно, что она не подумала обо мне, о том, что там глубоко, сильное течение и холодно. Вот так! Детство жестоко.

В ПТЗ к нам на некоторое время присоединился Толя Шер для работы с летучими мышами. Мы работали у Генуэла (Геннадий Николаевич Лихачев), занимались изучением биологии летучих мышей. В лесу были развешаны большие искусственные гнездовья — сколоченные из дерева, с квадратным маленьким отверстием в верхнем углу и со съёмной крышкой. В них летучие мыши проводили день. Мы ходили по лесу с лестницей, чтобы, взобравшись на нее, отодвинуть крышку и проверить нет ли в гнездовье мышей. Если таковые обнаруживались, мы их брали, проводили всякие промеры, записывали и сажали обратно. Лестница была деревянная, тяжелая. Так вот, Толин отец привез как-то алюминиевую лестницу. Он работал где-то, не то на авиационном заводе, не то в каком-то «ящике». Алюминиевая лестница — это было круто! Наша жизнь сразу облегчилась.

Геннадий Николаевич собирал фигурки животных. У него была большая коллекция. К нему приезжала его сестра из Питера, ухаживала за ним. Она вроде и забрала потом эту коллекцию.

Осенью я подготовила отчет по результатам работы у Г.Н. Лихачева по биологии летучих мышей в ПТЗ. Своей заинтересованностью я увлекла маму, которая мне с удовольствием помогала и стала большим специалистом по этим рукокрылым. Чтобы стать действительным членом, я сделала доклад о мышах на одном из заседаний кружка.

После 8 класса я поехала в экспедицию со школьным кружком в Кандалакшский заповедник. У меня уже был некоторый багаж знаний и опыта. Поэтому мне доверили очень ответственное направление: помогать в работе аспиранта Феликса ... вместе с двумя моими ровесниками из «Б» класса. Я чувствовала себя более опытной, чем они. Мы на несколько дней уезжали на остров Лодейный и

проводили там круглосуточные наблюдения за гоголями: промеряли и метили птенцов, считали взрослых особей на озере в центре острова, следили за их перемещениями.

ВООП всегда считали сборищем хулиганов, и не всегда хорошо встречали. Как-то в ПТЗ поехали Клещ (Миша Мещанкин), Лариса Буданова (Смородинка), Юра Климов и я. Дошли от Данков по второму маршруту до Республики. А там жила ... Разоренова с «разоренышами» (так мы звали МОИПовцев). Мы зашли к ним в дом. Разоренова напоила нас чаем с плесневелым и засохшим хлебом, а потом (дело было уже позднее) и говорит: «Шли бы вы, ребятки, ночевать куда-нибудь подальше». А мы-то надеялись на чердак, так как уже темнело, и к тому же начиналась гроза. В общем, выпроводила нас, чтобы мы не портили ее детей своим дурным поведением. Мы пошли в пойму, дошли до первого стога и закопались от дождя в сено. Конечно, со стороны мы казались хулиганями. А все хулиганство состояло в нашем стремлении к независимости. Мы пытались держаться независимо и быть самостоятельными.

Порядки у нас были строгие. За малейшую провинность наказывали. За курение секли. Меня один раз высекли за то, что я приехала на выезд в красной куртке. А я так гордилась новой курткой из кожзаменителя. Меня секли, приговаривая, что нельзя на природу, в лес, ездить в ярком, надо надевать одежду защитного цвета, чтобы не бросаться в глаза и быть незаметной для всякой живности. Уроки детства остались на всю жизнь. Теперь стараюсь быть незаметной в лесу, тихо ходить, не кричать, прислушиваться ко всяким шорохам. Чтобы лучше слышать, даже не надеваю шапку с ушами. И это вошло в привычку. Ненавижу, когда в лесу орут, курят, слушают радиоприемник или затыкают уши наушниками. Это кажется совершенно противоестественным.

На ВООПе секли очень часто. Бывало за дело, а бывало и просто так, для «профилактики» или чтобы просто повозиться. Чуть что, без предупреждения хватали, раскладывали, на чем попало, и секли, чем попало.

В экзекуции участвовали все взрослые. ППС спокойно относился к этому виду воспитания младших старшими.

ПТЗ был любимым местом поездок. Иногда приезжали в Серпухов поздно вечером, когда автобусы уже не ходили, и шли в Данки пешком. Один раз шли по железнодорожным путям, чтобы сократить путь. Полезли под стоявшим грузовым поездом. Когда стала пролезать Жарская, вагон как дернет. И такая грохочущая волна прокатилась по всему поезду. Мы перепугались страшно. Но, слава богу, поезд не может быстро сорваться с места в карьер. Она успела пролезть.

После занятий в МОПИ (МОПИ - Московский областной педагогический институт) мы всегда шли пешком к метро Лермонтовская обычной нашей компанией: Юра Луценко, Олег Бурский, Лариса Буданова, Галка Соболева, Ефим Свирский, Андрей Данилов и еще несколько человек. Пели песни, дурачились и много хохотали (до колик). Вообще в детстве-юности смешливость была потрясающая. Смеялись надо всякой ерундой. Как радость, так и горе были запредельными.

В Окском заповеднике утонул Юра Луценко. Это было неопишное горе. Через несколько лет на Оби утонул Витюша Стопалов. Опять горе для всех безмерное.

Однажды мы были на 8 Марта в Максимовой сторожке (Петушки) уже другой компанией: Вера Киреева, Лариса Буданова, Галка Соболева, я, Андрей Аверьянов, Миша Глазов, Миша Никитин, Андрей Данилов, Ира Гончарова. Вечером мальчишки уединились и не пускали нас к себе. Нам же (девочкам) было очень любопытно, что они делают, и мы на них даже обиделись. Оказалось, что они сочиняли нам стихи, как подарок на 8 Марта.

Стихи написали каждой из присутствовавших там девочек на куске бересты. К бересте со стихами на веревочке был привязан берестяной кружочек со знаком Марса (♂), что обозначало, что это подарок от мальчиков (Андрея Аверьянова, Миши Глазова, Миши Никитина). Мне написали:

*Кукушкина, пружинкина
Кудряшкина, корзинкина
Лети родная, не свались
И к нам живая возвратись.*

(Максимова Сторожка. 1971 г.)

Дело в том, что у нас с Андреем Аверьяновым была постоянная шутка (не помню, с чего она началась). Он все время говорил, что я, как Баба Яга, летаю в ступе и метлой погоняю. Он просил, чтобы я не улетала или прилетала быстрее. Отсюда и стихи.

Ларисе Будановой («Сморозинке») написали следующее:

*Скоро будет вертолет,
Улетим мы к бесу.
Без сморозинки нам жить
Нету интересу.*

Галке Соболевой («Карасику»):

*Люди идут по свету,
А у них закуски нету!*

*Ты из проруби вылазь,
Рыба милая Карась.*

Вере Киреевой («Веруне») - помню не точно:

*Активистка, комсомолка
И большой знаток картин
Наша труженица пчелка
Покоряешь (возбуждаешь) ты мужчин.*

Петр Петрович любил всякие розыгрыши. И мы любили шутить друг над другом и над ним. Забегали вперед группы и рисовали пальцами на снегу следы зверей, а потом спрашивали у ППСа, кто это здесь пробежал. ППСа было трудно обмануть. Но он добродушно всегда смеялся нашим шуткам.

Или, ППС, а за ним и мы, любил предлагать молодежи попробовать горец жгучий. Он предлагал им пожевать это растение, называя растение горец банановый, или что-то в этом духе. Молодежь пробовала, потом плевалась и домой шла с высунутым языком. Зато вкус горца запоминался на всю жизнь. Очень уж щипало!

Геннадий Николаевич Лихачев жил в ПТЗ недалеко от конторы. Так как всем мы давали прозвища, то его не обошли вниманием и звали Генуэл. Мы иногда (на праздники или каникулы) приезжали туда всем кружком, иногда с ППСом. Мы обычно жили в маленьком голубом домике за конторой заповедника. Домик мы называли «Голубой Дунай». Он был очень маленький, а внутри были только огромные нары во весь дом. Как-то вечером к нам пришли местные с кольями выяснять отношения, вернее, подраться с нашими мальчишками. Так кто-то из девчонок помчался в панике к Лихачеву и закричал: «Генуэл Николаевич! Наших бьют!». Но побить наших не удалось.

ВООП — это моя судьба. Он определил мою специальность, там я нашла своего будущего мужа Мишу Глазова и много-много друзей, с которыми общаюсь, и которых

люблю и по сей день. Наши с Мишей сыновья тоже увлеклись биологией, любят природу и эту любовь передают своим детям. Так что посеянное ППСом в нас, прорастает и в наших внуках, и, будем надеяться, в последующих поколениях. Очень важно единомышленникам держаться вместе.

ППС и ВООПовский народ на выезде в природу

Воспоминания о ВООПе и не только о нем!

Евгений Николаев

Биологией я заинтересовался с раннего детства. Я посещал биологические кружки в пионерском лагере, куда меня направляли на летние каникулы, а также в школе номер 399, в которой я учился. И вот, после окончания седьмого класса, кто-то сказал мне, что в Московском университете на Биологическом факультете есть биологический кружок для школьников. Я пошел в университет, где мне объяснили, что да, кружки для школьников есть, но они распределены по кафедрам. Кроме того, в то время у студентов были каникулы, и кружки для школьников должны были начаться только с октября. В октябре 1953 года я снова пошел в университет на кафедру зоологии позвоночных, где и познакомился со студентом третьекурсником Колей Воронцовым, который тогда вместе с другим студентом, Славой (фамилию не помню) вел кру-

жок для школьников. При первой встрече я, конечно, обратился к Коле на «Вы». Но со второй встречи мы все, его кружковцы и воспитанники, перешли на «Ты». Учился я тогда в восьмом классе, да, к тому же, во вторую смену. И надо же ведь было так случиться, что в тот самый день, когда Коля со Славой вели занятия с нами в кружке, в моем классе в школе проводилось классное собрание. Но школьные учителя знали о моем пристрастии к биологии, они знали и то, что я занимаюсь в кружке при Московском университете, и поэтому меня с классного собрания всегда отпускали. Наши занятия проходили в старом здании биофака, в костном (со скелетами) зале на хорах. Но наряду с этими академическими занятиями были, вполне естественно, выезды на природу по выходным дням. Как проходил самый первый выезд, в котором я принимал участие? Моя мать почему-то решила, что университетский кружок — ЭТО ЗВУЧИТ ГОРДО, а потому заставила меня разодеться так, словно я не на выезд в природу собираюсь, но как минимум на Генеральную Ассамблею Организации Объединенных Наций. Встреча была назначена возле Ярославского вокзала. И тут выяснилось, что все кружковцы были разодеты с иголки. И только наши студенты-руководители, Коля и Слава, выглядели нормально, так, как выглядеть должен человек, собравшийся на выезд в природу. Коля оглядывал нас с иронической, но доброжелательной улыбкой, ибо знал, во что наши торжественные одеяния вскоре превратятся. Москва в те годы была меньше, чем сейчас. Последняя станция в пределах городской черты была станция СЕВЕРЯНИН. А станция ЛОСЬ, куда мы ехали, была уже за городской чертой. И как только мы спустились с платформы, то тут же попали в болото. И все старания наших родителей приобрели явный болотистый оттенок. Выезд, конечно, был очень интересным. Радостно было определять по голосам и полетам птиц, а по следам определять то, какой зверь или какая птица тут побывала. Все вернулись уставшие, но со страшной силой довольные и радостные. А бо-

лотная корректировка быстро перевоспитала наших родителей. На следующие выезды они старались нас одеть в одежду более приспособленную для выездов в природу. И в последующих выездах наша одежонка болот уже не страшилась. Наступили осенние каникулы. И мы на несколько дней поехали на Звенигородскую биологическую станцию. И во время этого выезда на природу, помимо экскурсий, Коля Воронцов провел с нами одно заранее незапланированное теоретическое занятие, посвященное основам, так называемой, формальной генетики. Ведь в то время господствовала у нас мичуринская биология, а партшефом по генетике был Трофим Денисыч Лысенко. Ну, а что означало в те годы такое трехэтажное ругательство, как МЕНДЕЛИЗМ-МОРГАНИЗМ-ВЕЙСМАНИЗМ, сейчас каждый биолог знает.

Но вот кончился очередной учебный год, как у школьников, так и у студентов. В дальнейшем Коля Воронцов официально к нам, своим воспитанникам, отношения уже больше никакого не имел. Но встречи с Колей Воронцовым, далеко не всегда регулярные, случались. Он живо интересовался нашими дальнейшими судьбами. У всех нас, воспитанников Коли Воронцова, рано или поздно, школа оставалась позади. А после окончания школы следовали вступительные экзамены с целью продолжения биологического образования. И Коля Воронцов живо интересовался нашими успехами и нашими провалами. Он искренне радовался за тех своих воспитанников, которым удавалось успешно сдать вступительные экзамены и поступить на биологический факультет Московского университета. И столь же искренне огорчался за тех из нас, своих питомцев и воспитанников, которым не удалось набрать проходной бал, или кого просто удалось засыпать на вступительных экзаменах, кто оставался в результате за бортом и как бы не у дел.

Где-то в конце декабря 1954 года состоялась большая конференция ВООПа, на которую были приглашены также кружковцы-школьники из других биологических

кружков, которые тогда существовали в Москве. В числе почетных гостей на конференции ВООПа был также и я. Ну а 2 января 1955 года, во время школьных зимних каникул, я вместе с ВООПом поехал на несколько дней в Приокско-Террасный Заповедник. Вот так началась моя ВООПовская биография. С ВООПом я объездил все Подмосковье. А летом 1955 года от ВООПа я поехал в Окский Заповедник, находящийся в Рязанской «губернии». По рекомендации ВООПа я вместе с Рюминым в 1958 году три месяца работал в Башкирском Заповеднике на юге Урала. Мои занятия биологией сочетались с изучением различных языков. Еще в раннем детстве за счет пребывания в Одессе и Одесской «губернии», а также в Бессарабской «губернии», я «хватанул» разговорный хохляцкий диалект, а также молдавский и болгарский языки. Болгарский язык я «хватанул» в той разговорной форме, на которой говорят (гълчат по-български, то-есть каркают по-болгарски) болгары в Бессарабии, потомки тех болгар, которые бежали в Россию, спасаясь от турецкого ига. В школе 399 с пятого класса я учил немецкий язык, но преподавали его плохо. Поэтому этот язык я до сих пор терпеть не могу, хотя живу в Германии вот уже 24 года. Но главным моим научным призванием была, вне всякого сомнения, научная биологическая латинская терминология. Вот почему я с удовольствием занялся изучением латинского языка, а затем и древнегреческого. Ведь вся научная терминология, в том числе и биологическая, восходит к латинскому и латинизированному древнегреческому языку. Следовательно, нам знания этих языков сверхнеобходимы. И когда ППС вел с нами занятия, будь то в природе или на материалах фондов Дарвиновского и Зоологического музеев, то я каждый раз выкрикивал, как тот или же иной экспонат по латыни называется.

Кроме того, людям, которые стремятся посвятить себя науке, необходимо читать научную литературу на других языках. Таким образом, медленно, но верно, я перебрался к другим славянским, германским и романским языкам.

Наша научная деятельность связана также с экспедициями, когда нам приходится общаться с туземцами на их родных диалектах. Например, когда я работал в 1958 году в Башкирском заповеднике, я «хватанул» башкирский язык и старался общаться с башкирскими «туземцами» на их родном диалекте. Весной 1959 года, когда я работал в Гельминтологической Лаборатории Академии Наук (сокращенно ГЕЛАН), я отправился в экспедицию в окрестности Терень-Узяка в Кзыл-ординскую «губернию», где старался общаться с казахами на их родном казахском языке. Учеба в МГУ сначала на биофаке, а затем на геофаке на кафедре биогеографии, содействовала также не только углубленному изучению различных биологических дисциплин, но также и разговорной практике на иностранных языках, так как в МГУ училось много студентов из разных стран. Таким образом, я научился бегло говорить по-арабски и на языке суахили, распространенном в нескольких странах Восточной Африки. А студенты-эфиопы и студенты-сомалийцы были моими первыми учителями разговорного итальянского языка, начав разговорную практику по-итальянски с того, что обучили меня итальянским ругательствам. Много позже знания итальянских ругательств мне принесли большую пользу во время моих многократных посещений Италии. Из МГУ меня несколько раз исключали, затем снова принимали, чтобы в очередной раз отчислить за неуспеваемость, однако, в конце концов, выдали мне диплом, чтобы со мной больше никогда не связываться. Четыре года я проработал в отделе Биологии Всесоюзного Института Научной и Технической Информации Академии Наук (ВИНИТИ). Сначала я работал в отделе зоологии, а затем непосредственно при завотделом в соседней комнате. Отношение ко мне в институте, в общем и в целом, было хорошее, хотя были и недоразумения. Именно в ВИНИТИ я смог по настоящему успешно сочетать знание иностранных языков и знание биологии. В ВИНИТИ мне на обработку всегда давали статьи на так называемых «ред-

ких» языках. С 1 сентября 1969 года я устроился работать в ЦНИДИ. Работа с моей точки зрения была интересная, связанная с научными экспедициями. От ЦНИДИ я снова дважды побывал в Башкирии, а также в Самарской «губернии».

Осенью 1969 года на биологическом факультете МГУ проходила международная конференция, посвященная млекопитающим. Одним из докладчиков на этой конференции был доктор биологических наук Николай Николаевич Воронцов. Ну а я был в качестве гостя этой конференции. Эта очередная моя встреча с Колей Воронцовым была очень радостной и приятной. Моя дальнейшая судьба сложилась не так, как мечталось в те годы, когда я стал посещать школьный кружок, которым руководил Коля Воронцов. Я был причислен к лику социально опасных преступников.

24 сентября 1970 года я был впервые арестован. В течение долгих десяти лет я неоднократно подвергался репрессиям. Обо всем этом я написал в своей книге «ПРЕДАВШИЕ ГИППОКРАТА». Так что теперь я сам писатель, а не читатель. Я чужих книжек больше не читаю, потому что я свои книжки пишу. Незаконные репрессии, которые на меня обрушились в те годы, заставили меня стать опытным правозащитником, борцом за Права Человека. В январе 1980 года у меня на квартире в Москве чекисты навели шмон. Было изъято много Самиздата и Тамиздата, обнаружилась моя сопричастность к нескольким выпускам «ХРОНИКИ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ».

Начиная со своего первого выезда с ВООПом в январе 1955 года я регулярно вел дневниковые записи во время выездов с ВООПом, и во время моих научных экспедиций по стране. Все эти записи, начиная с 1955 года, были конфискованы чекистами, как заведомо клеветнический материал, порочающий советский общественный и государственный строй. Изъяты были также при обыске мои записи, сделанные на Камчатке, где я занимался изучением в полевых условиях ительменского языка. Изъяты были

магнитофонные записи ительменского языка, сделанные по моей просьбе ительменами старшего поколения, которое еще владело ительменским разговорным языком. И это тоже было расценено, как заведомо клеветнический материал, порочащий советский общественный и государственный строй. Мне грозила статья 70 УК РСФСР — семь лет лагерей строгого режима плюс пять лет ссылки. Но Господь миловал. 25 мая 1980 года я вылетел из Москвы в Вену, в столицу Австрии. С 30 июня 1980 года я постоянно проживаю в Мюнхене. Три года я был внештатным сотрудником радиостанции «СВОБОДА». В программах «ДОКУМЕНТЫ И ЛЮДИ» и «ПРАВА ЧЕЛОВЕКА» я рассказывал радиослушателям о политических репрессиях в совдепии: о новых арестах, обысках, о положении политзэков в тюрьмах и концлагерях. Жизнь моя сложилась так, что зоологом мне уже не быть. Но полиглотом я остался. И знание этих языков мне пригодилось в эмиграции. Во всех странах, в которых мне приходилось бывать, я говорил с туземцами на их родных диалектах. Знание языков пригодилось мне и в моей правозащитной деятельности. Я участвовал в работе III Международного Конгресса по Биопсихиатрии в Стокгольме и в работе VII Международного Конгресса по Психиатрии в Вене. У каждого делегата научного конгресса на пиджаке была «блямба». На «блямбе» было написано имя делегата и название страны, из которой делегат на конгресс приехал. Я подходил к участнику конгресса, смотрел на «блямбу», заводил с ним разговор на его родном диалекте, после чего передавал делегату конгресса список наших политзэков с просьбой бороться за их освобождение. Моя дипломная работа по окончании МГУ была посвящена научной деятельности Миклухо-Маклая. Мой научный руководитель Соловьев просил поставить мне за мою дипломную работу пятерку, но зав. кафедрой биогеографии Воронов настаивал на двойке. В результате пришли к среднему алгебраическому — к тройке.

В 1980 году я эмигрировал в Германию и с тех пор постоянно проживаю в Мюнхене. Я тут же стал сотру-

ничать с радиостанцией СВОБОДА. Летом 1983 года меня приняли в штат радиостанции СВОБОДА, где я проработал девять с половиной лет.

В 1984 году я был в окрестностях Лондона, где проходили Международные Олимпийские Игры для парализованных инвалидов (Paralympic Games). Там было много спортсменов-инвалидов из разных стран, и в том числе пять спортсменов из Республики Папуа-Новая Гвинея. Сначала я заговорил с папуасами по-английски, а затем перешел на их родной диалект. (Ведь моя дипломная работа была посвящена научной деятельности Миклухо-Маклая, который изучал папуасов!). Папуасы были сверх ошарашены! Я папуасам так понравился, что они меня даже не съели! Приходилось и за Россию заступаться в годы советской интервенции против Афганистана. В разговорах с афганскими политэмигрантами я на государственном языке Афганистана ДАРИ объяснял им разницу между понятиями «советский» и «русский». С лета 1983 года по декабрь 1992 года я был штатным сотрудником радиостанции «СВОБОДА». Сначала я работал в отделе Infocenter, затем в Русской Службе (Russian Service), и под конец в отделе Soviet (Russian) Monitoring. В то время радиостанция СВОБОДА / СВОБОДНАЯ ЕВРОПА вела радиопередачи на 15-ти языках народов совдепии и на 6-ти языках стран Восточной Европы. А радиостанция «СВОБОДНЫЙ АФГАНИСТАН» вела передачи на двух государственных языках Афганистана: дари и пушту. С коллегами из других отделов радиостанции СВОБОДА / СВОБОДНАЯ ЕВРОПА я всегда говорил на их родных диалектах, с сотрудниками немцами — по-немецки, а с высшим американским начальством — «по-аглицки». В «РУССКОЙ СЛУЖБЕ» у меня были две рубрики: «ПО СТРАНИЦАМ СТАРЫХ СОВЕТСКИХ ГАЗЕТ» и «ПО СТРАНИЦАМ СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ», которые выходили в эфир в программе «LIBERTY LIFE — СВОБОДА В ПРЯМОМ ЭФИРЕ» А кроме того я составил сборник «СОВЕТСКАЯ ПРЕССА О РАДИОСТАНЦИИ СВОБОДА / СВОБОД-

НАЯ ЕВРОПА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ГОРБАЧЕВА», за который получил личную благодарность в приказе от Президента Радиостанции мистера ПЕЛЛа (Pell). С тех пор я больше не читатель и не писатель, с тех пор я составитель! В России после эмиграции я был два раза: в 1991 и в 1993 годах. Оба раза я посетил Дарвиновский музей, который тогда еще находился в старом здании, но уже готовился к переезду на новое местожительство. Результатом поездки 1991 года была моя статья «ТАНКОВЫЙ КАРНАВАЛ НА УЛИЦАХ МОСКВЫ».

Что из себя на самом деле представляет радиостанция СВОБОДА, пусть каждый ее радиослушатель решает сам. Но то, что у радиостанции СВОБОДА не отнимешь, так это прекраснейшие архивы, доступные лишь для ее сотрудников. Эти — архивы подлинный кладезь различной информации. И по внутренним архивам радиостанции я узнавал о дальнейшей судьбе Николая Николаевича Воронцова. В архивах радиостанции СВОБОДА были рабочие и домашние телефоны многих тогдашних министров, чем я и воспользовался для того, чтобы снова встретиться с Колей Воронцовым. Находясь в 1993 году в Москве, я позвонил по его домашнему телефону и попросил к телефону Николая Николаевича Воронцова. Это я, ответил он. Коля, тебе звонит Женя Николаев. «Женя, куда ты пропал?» — спросил меня Коля Воронцов и пригласил к себе в гости на свою московскую квартиру. Это была моя последняя встреча, как всегда радостная с Колей Воронцовым, с министром Николаем Николаевичем Воронцовым. Мы беседовали несколько часов. И оказалось, что он прекрасно помнит всех своих бывших воспитанников, знает, кого и куда забросила дальнейшая судьба. Высокопоставленная должность министра нисколько его не испортила. Он остался таким же доброжелательным и доступным в общении, как и в те годы, когда он руководил кружком для школьников при кафедре зоологии позвоночных. Вечная ему память!

В связи с переездом радиостанции в Прагу я в декабре 1992 года был уволен с радиостанции по сокращению.

В период увольнения я опубликовал несколько статей о радиостанции под названиями «СО СВОБОДЫ С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ» и «МИМО РАДИО СВОБОДА Я БЕЗ ШУТОК НЕ ХОЖУ». 8 июня 2002 у меня произошел сердечный приступ, при котором я потерял сознание и был сверхсрочно отправлен на лечение в больницу. В больнице меня долго обследовали. По воскресным дням меня под расписку отпускали на Богослужения в Русскую Православную Церковь. 10 июля 2002 года мне сделали операцию на сердце. Теперь у меня на сердце пять шунтов (fünf byraesse). После пребывания в городских больницах в Мюнхене меня на четыре недели отправили в реабилитационную клинику на берегу Штаргбергского озера. Однако и после Реабилитационной клиники меня повторно в очень тяжелом состоянии направили на долечивание в больницу. В больницах мне помогало при общении с врачами знание латинского и древнегреческого языков. Ведь медицинская терминология, равно как и терминология биологическая, основана на латинском и латинизированном древнегреческом языках. И когда я что-то не понимал из медицины по-немецки, я интересовался тем, а как это будет по латыни. У меня теперь инвалидность 80 процентов, что дает мне право ездить на общественном транспорте по Мюнхену бесплатно, а также бесплатно ездить на пригородных поездах и автобусах в радиусе 50 километров от Мюнхена. И сверх того, по своему инвалидному удостоверению я развиваю свои недоразвитые садистские наклонности: сгоняю с инвалидных мест молодняк! В общем и в целом о ВООПе у меня остались хорошие и приятные воспоминания. Конечно, жизнь моя сложилась не так, как мечталось в далекой юности, так как я был причислен к лику особо социально-опасных государственных политических преступников.

«Жизнь моя, иль ты приснилась мне.....» СРЕДА, ППС И Я (1952-1962 гг.)

Юра Пузаченко

Нужно ли современным детям начала 21 века представлять жизнь своих сверстников в начале второй половины 20 века? Нужна ли нам вообще история? Семьи моего времени часто старались не помянуть всуе своих предков, чтобы не оказаться где-то не там, где хочется. О своих предках многие из нас стали что-то узнавать, только в шестидесятых годах. Значительная часть моих сверстников, как и я, не знали, что такое «отец». Вернее, он существовал в виде фотографии, совсем юный рядом со столь же юной матерью. Матери у нас были. Но они были молоды и неизбежно во многом заняты собой, учебой, работой, новым мужем и, в меньшей степени, нами. Многие из моего поколения, как и я, росли с бабушками. Бабушки по линии несуществующего отца не всегда жили дружно со своими бывшими невестками. В общем, в средней, «интеллигентной», семье юных инженеров было мало денег,

мало жилплощади, минимум забот о будущем. Оно было расписано поступательным движением по службе. И ничего другого.

Мир двенадцатилетнего подростка 50-х годов, наверное, трудно понять его нынешнему ровеснику. Мир был очень маленьким. Только радио и школа. Был также и двор. Но не для всех. В Замоскворечье дворы были весьма жесткие, и право сильного было всеподавляющим. Дворы дрались друг с другом, и зачастую довольно жестоко. В школе до четвертого-пятого класса право сильного второгодника было также абсолютным. Слабый расплачивался бутербродами и всякими мелочами и получал защиту патрона. В общем — детская дедовщина. В школе, в младших классах были свои неофициальные традиции. Важным атрибутом социального поведения была операция, называемая «облом». Облом объявлялся в первую очередь ябедникам за донос учителю или даже за подозрение о доносе или за излишнее усердие перед учительницей на уроке. Жертву около школы после уроков поджидало 10-20 одноклассников. Суть облома состояла в избиении жертвы портфелями (дермантиновая квадратная сумка 25 на 30 см с окованными углами). Обычно недолго. Достаточно было крика прохожего: «Что же вы делаете, мерзавцы!», и все разбегались. Вообще процедура довольно полезная. Она научила нас двум жестким принципам нормального человека социалистического общества: «Не стучи и не высывайся». С первым принципом можно согласиться при любых властях. Второй же — прямо тормозил развитие. Вторая важная форма социального поведения определялась понятием «стыкнемся». Под ним скрывалась честная рыцарская дуэль до первой «кровянки». Операция осуществлялась или в уборной, или в ближайшем от школы дворе. Лично я один раз был непосредственным участником такой дуэли со своим другом, соседом по парте. Он, в порыве излишней активности, вылил на мою тетрадь и на меня чернилницу. Я посчитал это личным оскорблением и ответил чем-то подоб-

ным. Наши приятели, почувствовав грядущий спектакль, яростно стравливали нас, уверяя каждого, что он неизбежно с блеском расправится с противником в честном бою. Ни мне, ни ему не было хода назад. Драка была социально необходима. Бой состоялся. Ритуал «стыкнемся» был очень строгий. Первый ограничительный принцип: «лежачего не бить», второй — «до первой кровянки». Добровольные секунданты строго следили за процессом. Дело обычно кончалось синяком под глазом и разбитым носом, а чаще — губой. Как только на физиономии одного из противников появлялось красное пятнышко, стыкующихся разнимали. Когда я пришел домой с синяком и вынужден был сознаться бабушке в содеянном, то получил от нее еще больше. Мне было сообщено, что драка есть самое мерзкое, что может быть между людьми, что мой отец никогда не дрался. Мне было зачитано его письмо из армии о том, как хорошо, что «мама не разрешала ему драться», так как в результате он решает все проблемы миром и не бьет солдат, как делают другие сержанты (сержантом он стал почти сразу, так как имел десять классов образования, что в армии тогда было редкостью). В общем, верьте, не верьте, но с тех пор, несмотря на свою вполне полнокровную жизнь, я никогда не дрался, если не считать одного исключения. Следует отметить, что моя мать, как продукт другого поколения, на этот счет имела диаметрально противоположную точку зрения и считала, что мужчина должен был постоять за себя при помощи кулаков. На основе своего опыта знаю, что есть более мощные средства. В первую очередь необходимо уметь управлять «спором», предшествующем драке, нужно уметь перевести «трагедию» в «фарс».

Неспровоцированное нападение можно исключить полным подавлением в себе всякого чувства страха, всякой неуверенности, всякой мысли о возможной угрозе. Подавив в себе все эти эмоции, а, иначе говоря, «запах страха», можно спокойно идти навстречу весьма агрессивной собаке и столь же агрессивной группе молодых, под-

выпивших людей, даже если ты идешь с девушкой. Стоит на мгновение утратить контроль и усомниться в себе, и риск конфликта резко возрастает. Получить зачатки этой технологии молодой человек может, тренируясь проходить через не очень жесткий барьер бюро пропусков, например, в главное здание Московского университета.

Учили нас, как положено в традициях Российской империи. В общем, наша школа мало отличалась от классической гимназии, и моя бабушка эффективно и последовательно помогала мне по всем предметам вплоть до седьмого-восьмого класса. Бассейны, из которых выливали и заливали воду, были ей знакомы с детства. Патриотическое воспитание сводилось к простым вещам: заучиванию стихотворений по поводу двух соколов на дубу (один сокол Ленин, второй сокол Сталин), в абсолютной убежденности, что о нас полностью заботиться государство в лице товарища Сталина. «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство» — лозунг, провозглашаемый юными октябрятами и пионерами на всех торжественных собраниях-съездах, начиная от райкома и выше, поэмами и рассказами об угнетенных китайцах и неграх и т.п. В том, что наше детство счастливое мы не сомневались ни на минуту. У меня сохранилась поэма о Сталине, которую мне, когда мне было лет восемь или десять, подарил отчим (помесь немца и украинца). Его отец, мать и брат были в ссылке в Воркуте, за то, что отец-учитель преподавал в школе на Украине в период оккупации. Этот факт тщательнейшим образом скрывался, и в анкетах он писал, что он не знает ничего о судьбе родителей. Так вот, в дарственной надписи на этой книге аккуратным, каллиграфическим почерком без тени юмора мне рекомендовалось «быть таким, как этот великий человек».

Первые два класса я учился в 584 школе, на Шаболовке, напротив Апаковского трамвайного депо, а с третьего по десятый — в седьмой школе в Казанском переулке, сзади старого здания французского посольства. Седьмая школа была знаменита тем, что в ней не было почти ни-

когда золотых медалистов. Хорошо за год одна—две серебряные медали. В старших классах учителя были серьезные, многие из которых начинали преподавать еще в гимназии. Но старшие классы — это особая жизнь. От первых четырех классов в памяти не сохранилось ничего хорошего. Все какое-то серое, и на сером фоне мелкие конфликты и маленькие трагедии. Но и их немного. Со школьных фотографий того времени смотрят на меня стриженные головки в нескладной темной одежде. Ручки сложены на парте. Видит бог, ни на одном лице нет даже подобия улыбки.

Пионерский лагерь, куда меня отправляли с шести лет, был немногим лучше. Здесь в полной мере проявляли себя: мерзкая манная каша, синюшная с комочками и с желтым мерзким куском масла посерединке, жидкий компот, вечный дождь и сырость, дурацкие военные игры с поиском неизвестного флага, который кто-то, где-то спрятал, игры в шашки и шахматы, отрядной песней типа «Варяг» или «Артиллеристы, Сталин дал приказ ....» и мелким садизмом вожатых. Правда, к счастью, не всегда можно было отправить в пионерлагерь на две смены, то есть на все лето. К тому же мое глубокое отвращение к этому делу, убедило, в конечном итоге, мою маман, что мне лучше будет с бабушкой на даче в деревне. Вот это было здорово. Где-то в 48-49 году мне повезло, и я жил с моей прабабушкой на даче в Прилуках, на Оке. Воистину благодатное место. Родина современного великого авангардиста художника Володи Немухина. Прилуки — рядом с селом Туровым при впадении реки Лопасня в Оку. Огромный великолепный, самый лучший на Оке, пляж. Абсолютно прозрачная Ока. На пляже ямы, в которых водились мелкие налимчики. В воде масса беззубок и, в том числе, огромные, с ладонь взрослого человека. Великолепные заливные луга со старицами. Огромный сосновый бор с обилием земляники. Самое же главное — полная свобода.

Деревня тех лет — практически полное отсутствие

субъектов мужского пола. Парни 16-18 лет — полноценные мужчины. Вся основная работа на женщинах. При 16-20 лошадях конюхом естественно была женщина. Мы, мелкие пацаны, гоняли лошадей в ночное, и это было здорово. Тогда я впервые сел на лошадь. Чувствовал себя на ней приятно только, когда она шла по песку. Этот субстрат предавал мягкость ее ходу и щадил мой зад. Езда рысью по жесткой дороге была мучением. Мои же деревенские ровесники держались на спинах деревенских одров великолепно. Деревенские летом не знали, что такое обувь. На меня, городского в сандалиях, смотрели с глубоким презрением. Конечно, я пытался избавиться от сандалий. Но, если они спокойно шли и бежали босиком и по сосновым шишкам, и по стерне, то для меня это было некоторой пыткой. В футбол, естественно, играли босиком. Я никогда не проявлял талантов в спорте и, как все бесталанные, вечно стоял на самом никчемном месте: в воротах. Основное же время дня мы ловили ершей с брандвахты. Высший класс была ловля голавлей на перекате, на кузнечика. У меня эта ловля не получалась. Там я научился нормально грести на лодке и даже вместо перевозчика переправлял людей через Оку. Течение в тех местах очень приличное. Володя Немухин был женат на какой-то моей сложной родне, то ли близкой знакомой семьи, и его маленькая дочка жила в своем родовом двухэтажном доме с каменным основанием под опекой моей крестной. С его приездом у меня связаны очень приятные воспоминания. Он взял на прокат лодку, а меня на нее гребцом и примерно неделю мы плавали с ним вверх по Оке к устью Лопасни на натюрморты. Он писал, а я бежал по прозрачной Лопасне и пытался поймать руками стоящих под корнями голавлей. Увидев, что я чувствую цвет смешиваемых красок, он дал мне этюдник, и я лихо написал маслом стог во время грозы, лишенный какой-либо перспективы. Хотя кусок картона с моим творчеством долго валялся у меня дома, но этот опыт художества был первым и последним.

Память хранит фрагменты прошлого. Целостную

картину воспроизвести невозможно, да и не нужно. Вот обрывки: дорога в Турово за черным хлебом (буханка — в одни руки), по пути — дикая клубника на буграх. Фильм «Чапаев» в клубе в Турово. Птенец козодоя, пойманный в бору. Я думал, что это ястреб и кормил его мелкой рыбой. Жизнь его была, конечно, очень короткой. Солнечный песчаный бугор у Оки, где по здешней традиции на Троицу дети жарили яичницу, для которой родительницы вынимали из мучного ларя заветное яйцо. Проблема была в том, что денег в деревне не было. Хлеб можно было купить, сдав в кооператив яйца, а яйца, чтобы они не портились, хранили в муке. Для муки в домах существовали большие деревянные ящики, «лари». Мука в них была обычно только на самом дне. Основной едой были молоко и картошка. Мы были практически вечно голодные, хотя не очень это понимали и собирали любой подножный корм. Самое веселое время — сенокос. Нет большего азарта, чем успеть закончить стог перед наступающей грозой, когда первый сильный порыв ветра срывает сверху еще неуплотненное сено. Сенокос и гроза — удивительная норма Московской Руси. Мы, мелкие, работали в основном на волокушах: лошадь, две веревки к хомуту и привязанная к ним палка. Палка перекидывается через копну. Вы встаете на палку, дергаете вожжи, кричите «но!», и лошадь тащит копну к стогу. Прилуки в моей памяти окрашены в желтый, солнечный цвет: пляж, сосны, высохшее сено. Ока пересекает все это сине-фиолетовой полосой.

В 1950 году я жил с бабушкой на даче в деревне Боброво, в четырех километрах от Бутово. Теперь дача моей семьи в Щербинке, рядом с Бобровым, через скоростное шоссе. Так что я смог вернуться в места моего детства. Боброво запомнилось ловлей раков рачешнями в маленькой речке. Днем я ловил корзиной пескарей и окуньков, должным образом два дня их тушил, а ночью мы с дедушкой привязывали их на рачешни и расставляли рачешни, штук десять на полкилометра ручья. Поставив последнюю, возвращались к первой и тащили. В памяти сохранилось

кольцо рачешни, а в ней одна, две, а иногда три черных головешки. Это раки. Оторвав их от сетки рачешни, бросаешь в холщевый мешок, а они там хрустят своими панцирями. Утром бабушка варит их с укропом, и они красные лежат в тазу. Наверное, ловил я раков не часто, но в памяти, в основном, осели они. В Боброво кончилась моя карьера рыбака. Дед, на самом деле, брат моей бабушки, был страстный рыбак. Как только он вернулся с войны, кажется, первое, что он сделал, это поехал на трамвае с утра на пруд Каначиковой дачи и поймал двух карасиков. Должен отметить, что родного деда, как и отца, я не знаю. Они оба пропали без вести в первые три месяца войны. У бабушки я был единственный внук, и она для меня была самый суровой учитель и родитель. Мои старые ВООПовские друзья ее помнят. Многие праздники мы отмечали в ее квартире, на Мароновском переулке. Так вот, возвращаюсь к предмету изложения. Естественно, что дед как страстный рыбак, приезжая на дачу в субботу вечером, в пять утра отправлялся на ближайший пруд, и я конечно с ним. В то время леска на удочках была из фельдекоса, нечто вроде шелка. Намокнув, она спутывалась в тугий узел, распутать который можно было только с великим терпением. Когда на Оке я ловил ершей с брандвахты, борт которой был метра полтора над водой, леска не путалась. При забросе удочки с плоского берега, она, прихватив с собой клубок водорослей, моментально превращалась в головоломку. В конечном итоге рыбалка в моей памяти — вечно запутанная леска. Самозапутывание — распутывание и отбило охоту от рыболовства.

Так или иначе, все, что есть светлого в памяти о раннем детстве связано с относительной свободой и природой. Научившись читать, я незаметно перечитал все, что у нас было о природе. В первую очередь «Мирские захребетники» Богданова. Великолепная книга о тараканах, воробьях, волках. Она — из сундука моей бабушки, чудом избежала голландской печки во время войны. Элизе Реклю, «Земля и ее народы» — том о южной Америке,

также избежавший топки. В 47-48 году начали печатать Пришвина, Бианки, Арсеньева. Мне, зная мои вкусы, покупали эти книги, а до того я брал их в Полежаевской библиотеке, что в начале Якиманки. Где-то в классе третьем или четвертом я притащил в школу, кажется, Дерсу Узала и заставил читать из нее отрывки вслух всему классу. Книжки и фильмы о войне я не воспринимал лет до четырнадцати. С фильма «Константин Заслонов» ушел с середины. А вот «Знаменитые путешественники» Л. С. Берга и, вообще, все о путешествиях я читал с наслаждением. В общем, кем-то и как-то я был генетически определен как биолог и географ.

В пятом классе мы осознали необходимость найти какое-то внешкольное дело. Переход из начальной школы в среднюю, безусловно, сопровождался изменениями психологии. Физическая сила переставала доминировать. Существенно увеличивалась роль интеллекта, самостоятельности действий и суждений. Но академическая успеваемость не должна была быть очень высокой. Быть отличником считалось несколько неприличным. Но и двоечник не мог рассчитывать на высокий социальный статус. Каких-то лидеров в этом возрасте я не помню. Скорее главенствовал принцип сохранения независимости, и для ее утверждения наиболее активные искали свое дело. Такое, например, связывалось с каким-либо кружком. Модны были шахматные и авиамодельные. Других не помню.

Наша школа, судя по ее номеру 7, была одной из старейших в Москве. Там имелся отличный биологический кабинет со специальной комнатой для живого уголка. До пятого класса мы заглядывали в кабинеты физики, химии и биологии лишь через дверную щелку. Потом началась биология. Учитель-биолог Николай Николаевич Лебедев, в обиходе Ник-Ник, весьма колоритен. Классический тип гимназического преподавателя: грива седых волос, аккуратные седые усы, широкое русское голубоглазое лицо, плавные движения рук, мягкий, хорошо поставленный голос и правильная московская речь. Не помню, как, но

почему-то ученики нашей школы от пятого до седьмого класса через него начали просачиваться в ВООП. Первые туда попали Алешка Мошкин, Мишка Толстых и Марик Кушнир (седьмой класс), Толя Рыбаков (шестой класс), я и Владик Внучков (пятый класс) и кто-то еще. В конечном итоге биологами стали только я и Мошкин. Внучков — геологом. Где остальные — не знаю. Но мне часто звонит Марик Кушнир. На фотографиях ВООПа с 52 года все эти физиономии и фигуры заметны. По крайней мере, их узнает Томка Давыдова, зрительная память которой почти безупречна. Я же узнаю далеко не всех.

Собственно, с февраля-марта 1952 года и начинается моя сознательная жизнь. С этого момента в нее навечно вошел Петр Петрович Смолин и все, что так или иначе связано с ним, а точнее мир, который он создавал. В этом мире существовало несколько взаимосвязанных субмиров. Каждый из них обладал своим ароматом и спецификой. Каждый из них разворачивался во времени, увеличиваясь и вширь, и вглубь.

Первый мир, с которого все началось — мир «вторников». Они тогда проходили в Потемкинском пединституте у метро Красносельская. Обычно мы собирались группами на антресолях и двигались пешком к институту. Поскольку дело было зимой, то в памяти сохранилась «темная улица» и поворот, в конце которого железнодорожный мост, а слева здание института. Со мной на вторники покорно ходила бабушка. Она деликатно шла позади и ожидала меня в гардеробе, ведя беседы с обслуживающим персоналом института. Мы же заседали на третьем этаже.

Стилистически наши заседания напоминали конференции с одним докладчиком. Иногда заседание вел наш строгий председатель Леня Калмыков, иногда сам ППС. Обычно он сидел, свободно откинувшись на стуле, рядом с докладчиком. А докладчиками были ведущие ученые. В памяти сохранился темпераментный, высокий, черноволосый, худой Ляпунов, аристократичный Банников, мяг-

кий молодой Флинт, не менее молодой Даревский, точнее, его поднятый палец, который укусила гюрза, а может быть и кобра, Познанин, Верещагин, Герасимов, Наумов, Благодосклон, короче — элита советской биологической науки. Единственный не биолог, а математик — Ляпунов. Именно он первый рассказал нам о модели «хищник-жертва» и как сейчас помню белый меловой круг на черной доске, означающий, как много-много позже я понял, фазовый портрет динамики численности хищника и жертвы. Стиль этого прекрасного мира был прекрасен тем, что все докладчики не делали, как нам казалось, скидки на наш возраст. Они рассказывали не часть какого-то учебника, а результаты своей работы. Причем, рассказывали так, что становилось ясно, что ничего интереснее и важнее их темы в мире не существует. Наши старшие товарищи задавали им деловые вопросы, не стесняясь и в «подковырках». Петр Петрович вступал в широкую дискуссию, проявляя широкую эрудицию по любой теме, кроме математики. На докладе Ляпунова он пофыркивал или похмыкивал, что выражало некое уважительное сомнение. Конечно, ничем подобным в родной школе и не пахло. Я не помню у докладчиков (язык не поворачивается назвать их лекторами) менторского тона. Любовь к делу, увлеченность, знания, конкретные тонкие детали, уважение к аудитории — вот общий настрой наших гостей.

Позже, став старше и анализируя эрудицию ППСа, его профессиональные знания, мы удивлялись, почему он остается младшим научным сотрудником Дарвинского музея, почти не имея печатных работ? Тогда он был жив, и еще не окружен посмертной мифологией. Мы, конечно, узнавали от его коллег, что они воспринимали его как ученого. Он не был ученым в строгом смысле этого слова. Он был, безусловно, блестящий натуралист, человек — зеркало природы. Наверное, он воспринимал природу во многом эмоционально, хотя никогда не восторгался ее красотами. Его интересовало в ней все, и он не мог заниматься каким-то ее узким сектором. В нем все це-

нили тонкую наблюдательность, биологические академические знания, суждения. Я не помню о нем негативных высказываний, не считая какой-то истории с фазанами в зоопарке, в селекции которых он все «перепутал». От кого слышал — не помню, а детали даже не пытался узнать, чувствуя в этом что-то кощунственное. То, что ППС не был «ученым», а был биологом-энциклопедистом и натуралистом, — огромная удача Российской биологической науки, обязанной ему множеством его прямых и косвенных питомцев. Как не верти, а очень многие современные биологи, в том числе весьма почтенные — или ВООПовцы или КЮБЗисты, что близко и взаимосвязано.

Второй мир — это выезды. Мой первый выезд в Лосинку в первых числах марта помню очень хорошо. Второй памятный выезд — в Мытищи был, наверное, в апреле. Примерно в то же время — выезд на озеро Киево. Здесь я решительно двинулся по сплавине и провалился в нее по пояс. Поскольку это было недалеко от берега, то меня вытащили волоком за руку. Но промок я насквозь много выше живота. Потом сушился у костра. Возможно, что именно этим обратил на себя внимание старших коллег. Но, конечно, самый памятный — выезд на майские праздники в Приокско-Террасный заповедник. Святой трепет вызвала огромная бобровая хатка на реке Таденке. Бобр для меня был зверь мифический и связывался с рассказами «Серой Совы» и Сетон Томсоном. Бобр в заповедник только в 1947 году, и в Московской области, как и вообще в России, они в те время были большой экзотикой.

Этот выезд в заповедник дает наиболее полную картину «МЫ и ППС год 1952».

Петр Петрович — сухощавый человек, невысокого роста, слегка сутулый, с суховатым лицом, с лучистыми глазами и небольшими усиками. В кепке, пальто и с полевой сумкой. На шее какой-то темный шарфик. Рюкзака или чего-либо подобного он никогда не таскал. Ходил он всегда исключительно ровным, ритмичным, довольно

мелким шагом с минимальным отрывом ног от земли. В результате шаг получался слегка скользящим. Такой шаг создает минимум шума. Очень быстро он никогда не ходил, медленно тоже. По-моему, его крейсерский ход обеспечивал стандартные пять километров в час на любое расстояние. Просто по дороге он мог идти в любой части группы и обычно вел беседы с двумя-тремя юными спутниками по общим проблемам биологии и экологии. На рабочем маршруте, со слушанием голосов птиц, наблюдениями за всем, что существует в лесу, он шел всегда впереди. Странно, но я не помню конкретных обширных объяснений каких-либо проблем. Может быть потому, что это происходило почти постоянно. Как-то незаметно я стал довольно быстро различать помет и погрызы разных животных, кто на скусе ветки оставляет хвостик коры, кто срезает все чисто, как дятел пьет березовый сок, чем поет бекас, почему рюмит зяблик, и все остальное, что положено знать юному натуралисту. Так же постепенно осваивались голоса птиц, хотя для меня, лишенного музыкального слуха, это всегда было трудно. Но точно могу сказать, что он не рассказывал о технике учета птиц, никогда не собирал классического гербария и никогда не заставлял нас писать дневники, хотя сам, кажется, тихо в уголке вечером что-то записывал. Могу точно утверждать, что он не был сторонником длинных лекций на натуре, что так любят многие преподаватели. Информация поступала к нам непрерывно и малыми порциями, как результат непрерывного сканирования окружающего мира. Самая длинная лекция в лесу, которую я помню, была связана с проблемой внутривидовой борьбы. Петр Петрович остановился около группы возобновляющихся елей на открытом месте. Это было в Балашихе. В группе одна доминирующая елка явно подавила всех остальных. Петр Петрович крикнул и сказал «Видите ли, а говорят, нет внутривидовой борьбы». «Видишь ли, Видите ли» — была стандартная форма начала его высказывания. Как сейчас слышу его слегка дребезжащий голос: «Видишь ли, Юра

..», а дальше было все разное. Другая стандартная форма: вопрос, обращенный к кому-то: «А как там обстоят дела с (ондатрой, белкой, бобром, рябчиком и т.д.)».

Петра Петровича невозможно представить вне окружения. В его портрет входят наши физиономии и фигурки. Вообще, кружок возник в 1950 году, отчленившись от КЮБЗА, и был основан бывшими кюбзистами, к которым присоединились многие другие. Я был самым маленьким, моложе большинства ВООПовцов не менее, чем на два-три года. История хранит, наверное, полные списки, но я помню человек двадцать, лица и образы которых связываются с моим первым майским выездом.

Социальный состав нашего сообщества был исключительно полным: он включал в себя «кремлевского ребенка» Фельку Дзержинского, наследников великих научных фамилий Северцова и Шемякина, детей рабочих (крестьян не было) и кучу представителей разночинной интеллигенции. Социальные различия в нашей среде абсолютно не проявлялись. Кем работали папы и мамы, подавляющему большинству было безразлично. Не было заметных отличий и в одежде. Все в драповых пальтишках, резиновых сапогах, с рюкзаками типа «мешок и две веревки», в рюкзаке байковое одеяло и сменные носки. Всю еду мы носили с собой, и все, что было, выкладывалось на общий стол без учета происхождения. Девочки создавали бутерброды, и все ели то, что могли или что доставалось. Если у тебя ничего не было, то этого, по-моему, никто не замечал. Сколько я себя помню, так было всегда. В 1952 году такая роскошь как колбаса, сыр и т.п. были малоизвестны. Основной едой были хлеб, масло, домашние котлеты, вареная картошка и крутые яйца. Чай кипятили обязательно. Лица ВООПовцев первого поколения для меня вечно молодые, только такими их и помню, хотя продолжаем встречаться, и изменились весьма. Вот они:

Ленька Калмыков — высоко задранный подбородок, прекрасная шевелюра и абсолютная решительность в действиях. Яковенко (Як) — длинный, худой и очень спокой-

ный. Томка Давыдова — белокурая красавица и сама доброта (моя соседка по Мароновскому переулку), Алка Терехина (Алча) — красавица с косой и исключительно живым характером. Димка Крылов — солидный и чернявый. Инка Ярхо (Лукьянова) — две косы и лик с глазами. Надька Купрянова — маленькая и кругленькая. Таня Гагарина — сама доброта с косичками. Борька Головкин — сама солидность и добротность. Толька Любимов — блондин с нежнейшими есенинскими чертами лица. Феликс Дзержинский — круглое, доброе лицо с внимательными добрыми глазами. Мишка Шемякин — два румянца на двух щеках. Юрка Щадилов — шарик и два уха. Димка Пупавкин (Птенец) — две широкие губы. Сашка Головкин — столь же серьезный как его брат. Данька Берман — курчавый и исключительно деятельный. Юрка Равкин — менее курчавый, на все глядящий как-то сбоку. Смутно помню лица тех времен Саши Трофимова, Вити Беспалова, Левы Гозмана.

В Данках мы спали в конторе, и это было не очень интересно. Другое дело — на юге, в деревне Республика, в Зубре. Домик 4 на 6 метров с дощатыми сенями получил название «Зубр», по-моему, в году 54-55-ом. Он стоял на великолепном месте, прямо на бугре над деревней, на границе соснового леса. Сейчас там проходит забор и пойма, созданная новыми поселенцами. Он был достаточно удален от самой деревни, и мы чувствовали себя там почти как в тайге. Было одно неудобство. В деревенском колодце вода была непригодна для питья, и за ней надо было идти с полкилометра до лужи, в которой кончается речка Паниковка. Судьба этого знаменитого дома, с которым связаны лучшие дни большинства московских биологов, выходцев из КЮБЗА и ВООПА, печальна. В 1955 году директор заповедника В.С. Южно перенес его на левый берег Таденки, напротив кордона «Рыжонкова» (название кордона соответствует описываемому времени). Там тоже было неплохо. Но сейчас на его месте построили дом для VIP с сауной, и это очень обидно. Расцениваю этот факт, как некоторое надругательство над памятью. Можно было

с полным основанием сделать этот домик мемориальным экспонатом. Как никак, с ним связаны лучшие дни и современных академиков, и великих телеведущих, и нас грешных, и вообще российской биологии.

В том старом домике, о котором идет речь, было две комнаты, печка и стол. Основным местом нашего пребывания был пол. Элитарные спальные места были на столе и у печки. А так, все плотно спали на полу, прикрывшись всеми одеялами как одним. Даже у сильно натопленной печи на полу было прохладно, так что крайние сжимали всех в плотную кучу. Чтобы было теплей, головы закрывали одеялами и грелись дыханием. ППС обычно был где-то в середине. Но, прежде чем заснуть, весь коллектив, выпив портвейна на дне кружки, исполнял песни. Репертуар был тем же, что сейчас в передаче «В нашу гавань заходили корабли», но существенно богаче за счет кюбзистских песен. Все начиналось с флебустьеров. Флебустьеры шли под кружку. Потом все остальное. Для меня на всю жизнь личным гимном стал «гимн мышеловов» на мотив гимна «Знаменитых капитанов». Слова «Истины научной нам маяк светит, все мы мышеловы — каждый знаменит» я воспринимал с полной серьезностью. Столь же значимы слова гимна КЮБЗистов: «Коль нет сапог, мы так пойдем в болото, коль нет штанов, мы в трусиках пройдем. Нам нипочем домашние заботы, плюя на все, везде всегда пройдем». И оттуда же «пройдут года, друзья сберуться снова, за рюмкой вспомнят прошлые дела. Хоть жизнь для них всегда была сурова, но дружбе КЮБЗа мы верны всегда». Так или иначе, но эти песни-клятвы безусловно имели большое воспитательное значение, проповедовали своеобразную коллективную мораль и норму поведения. Показать, что устал, хныкать от потертой ноги, ушибов, порезов, холода и голода было совершенно недопустимо. Залезть в болото или туда, где пролезть трудно, доставляло особое удовольствие самоутверждения. Но лезть необходимо было только с какой-либо, достаточно ясной целью, а не просто ради удовольствия. С другой стороны,

если человек с раннего детства поет-клянется: «Мы пьем за яростных, за непокорных, за презревших грошовый уют», — и, если у него есть даже небольшая предрасположенность к «ярости и непокорности», то он их долго, а, может быть, и никогда не научится сдерживать. Он не будет считать зазорным поднять за них бокал «золотого терпкого вина». Собственно, слова песен определяли правила поведения человека, приобщенного к обществу избранных биологией и природой. Естественный отбор в кружке, открытом для всех, шел в немалой степени именно по этим признакам. ППС тихим голосом, но очень вдохновенно участвовал в общем хоре, всем видом демонстрируя, что это хорошо и правильно. Иногда песни прерывались визгом девчонок — реакцией на мелкие шкоды, репликами по поводу способностей конкретных личностей, спором: что лучше спеть. Сплошь и рядом именно в такое время рождались клички, сохранившиеся на всю жизнь. Вообще клички — явление интересное. Их достаиваются далеко не все. У многих имена хорошо ассоциируются с человеком, у многих, как у меня, удачно сокращаются фамилии. Важно, чтобы «личное имя» ассоциировалось с человеком. Ассоциации могут быть очень сложными, в том числе, основанными на отрицании. Так, например, в КЮБЗЕ были два Эдика: Ивантер и Коренберг. Различать их было трудно. Коренберг получил собственное имя «Примус» — в смысле «Первый», а Ивантер — ИП. Не помню, как возникла вторая кличка, но она ему подходит и сейчас. Он как в детстве постоянно скрипел, так и сейчас скрипит. Димка Пупавкин получил собственное имя «Птенец», по поводу своего голоса, но это так подходило к его широким полуоткрытым губам, что другой клички не могло и быть. Он очень гордился своим партийным именем и подписывался в листе «присутствия», рисуя цыплячью лапку. На моей памяти, несколько позже, в 1955 году, Михаил Черняховский получил кличку «кавалер». Со своей подростковой стеснительностью Мишка довольно пренебрежительно относился к девушкам. Мы, кажется, на зимние

каникулы, жили в домике в Данках, около пруда (домик сохранился). Я, Петька (Петюня) Второв, Ромка (Ромчик) Злотин сидели на нарах, дом освещался свечой и печкой. Вдруг Миша проявил какой-то неожиданный галантный поступок по отношению к одной из девочек. То ли что-то подал, то ли что-то поднял, то ли хорошее место уступил. Петька подал реплику: «Ну Черняховский ... ты и кавалееер». Несоответствие понятия и лица, которому оно было присвоено, уровень удивленного потрясения в голосе Петьки были столь взаимодополняющими, что Миша так и остался Кавалером, а в особых случаях превращался в Кавалерушку. Моя фамилия и так близка к кличке, но жесткое «Пузак» стало сугубо моей визитной карточкой. Моего отца звали «Пузырек», моего старшего сына — «Пузик», а младшего — Михаила обычно зовут «Михой», уже без оглядки на родовую фамилию. Надо полагать, что в России, где имен негусто, без кличек и специальных сокращений обойтись невозможно. Следует отметить, что ППС обращался к нам только по имени, но заочно пользовался кличками, как и мы.

Еще немного о песнях, как средообразующем факторе. Мы пели не только на ночевках, но и в электричках. Условия места и времени только ужесточали репертуар. Мы трогательно исполняли «Ванинский порт», «Чередой за вагоном вагон», «Костер», «Закури, дорогой, закури», «По тундре», то есть репертуар политических заключенных и геологов. Студенческий репертуар начала века, с любимыми Петром Петровичем «Крамбамбули», где «за то монахи в рай пошли, что пили все крамбамбули», «Друзья подагрой изнурен я, немного мне осталось жить», «В гареме нежится султан...», «Старый город Москва всей Руси голова....» и т.п. Особую «поездную песню» «Чемоданчик», исполняли максимально тягуче и гнусными голосами без ограничения времени. Цель достигалась, если должная часть пассажиров, плюясь и чертыхаясь, переходила в другой вагон. Коллективное пение создавало особую свободную внутреннюю среду. Содержание этих

песен шло вразрез с официальными, и мы это, конечно, сознавали. Но, хоть это и был 1952-53 год, нас в поезде никто никогда не трогал. В худшем случае все ограничивалось ворчанием пассажиров. Нас не трогали даже контролеры, несмотря на то, что билеты имели только ППС и «новенькие». Мы были уникальной группой детей с рюкзаками. Туристов, в ту пору практически не было. По-видимому, уникальность и нестандартность ограждали нас от агрессии социальной среды. Отмечу, что ППС никогда не рекомендовал нам брать билеты, но и не запрещал их брать. Это было наше право. Точно так же он никак не управлял песенным репертуаром. Но он сидел среди нас, обычно с краю, и вел «научные беседы» с кем-нибудь из особо активных коллег. Билеты на электричку мы сплошь и рядом не брали по вполне объективной бедности. То, что мы получали от родителей, если получали, разумней было потратить на еду. Отношения с родителями были отражены в специальной песне на мотив и сюжет «Бродяги». Песня «По диким лесам Подмосковья» была заметно длиннее и заунывнее подлинника и кончалась куплетами:

*Юннат наш домой возвратился,
Навстречу родимая мать.
«Ах, здравствуй, ах здравствуй, родная!»
А та его с ходу ругать:*

*«Забот материнских не ценишь,
Трудов прибавляешь, нахал.
Рубашку в грязи перепачкал,
Последние брюки порвал».*

*Мамаше юннат не внимает,
Пожрал и скорее в кровать,
Под мамину ругань мечтая,
Как снова из дому удрать.*

*Ах, милые наши мамыши,
Поймите же деток своих,
Поменьше ругайте несчастных,
Пускайте на выезды их.*

Так или иначе, песни повышали нашу независимость от среды, делали внутренне свободными. В целом же, хоровой «социально-профессиональный фольклор» был важной составляющей любого экспедиционного и иного застолья примерно до середины 60-ых годов. В песнях иносказательно, так или иначе, говорилось о тех течениях жизни, о которых не принято было говорить в другой форме. Песни отражали грустные, веселые и юмористические стороны жизни, объединяли людей с подобными житейскими позициями. Позже магнитофон стал вытеснять коллективное пение. Появились песни Высоцкого и, частично, Окуджавы, которые нельзя петь хором. В крайнем случае, можно подпевать магнитофону или гитаристу. Собственно бардовская, индивидуальная песня-монолог, стала потихоньку теснить хоровые предшественницы. Насколько могу судить по своим студентам, ныне коллективное пение почти исчезло. Едва ли его можно восстановить. «И новые песни придумала жизнь, ребята не надо о песнях тужить». «Гренаду» мы тоже пели в 1952 г. Что — что, а память на песни у меня была до 28 лет очень хорошая. Петь самому мне противопоказано, так как голос громкий, а слуха нет совсем. Однако, в порядке эксперимента, ночью в машине меня хватило на восемь часов непрерывного пения без повторений, до самого конца поездки.

Но вернемся в избушку, на ночевку. Песенного и печного тепла, как и усталости, хватало как раз часов на пять сна. Птиц выходили слушать на рассвете, постепенно согреваясь на солнце. Лес заповедника в то время был сильно вырублен и только-только начал восстанавливаться. Коренные массивы сосняков сохранились только на юге и в двух трех кварталах на севере. Основной же возраст леса был меньше 20 лет. Много было и совсем свежих вырубок. Вдоль высоковольтки бурно токовали тетерева. Их было тогда много. Токовали по одиночке, но очень широко. В 15-20 летних сосняках встречался рябчик. Очень было много зайца-беляка, а лося — еще немного. В изобилии встречалась веретеница. Обычно при нескольких празд-

ничных днях, только первый день был общим. Далее старшие разбивались на группы по 2-4 человека и ходили туда, куда им было интересно, посещая отдаленные уголки заповедника. Столь же типичны для старших были выезды без ППСа с ночевкой или на Ивановское водохранилище, или в бывший Верхне-Клязьменский заповедник, на Радовицкие мхи, в Куровскую и много еще куда. Потом мы отчитывались о поездке, иногда официально на кружке, а чаще в личной беседе с Петром Петровичем, отвечая на его вопросы: «а как там обстоят дела с .....?».

Самое трудное, научиться в лесу видеть, что-то кроме леса. Меня научили, каким-то абсолютно естественным, но неявным способом «видеть», то есть выделять особенное из фона, связывать это особенное с его окружением, видеть не только явления, но и отношения между ними. Наверное, точнее сказать, что ППС научил учиться это делать, обозначив цель пребывания в лесу и вообще в природе: «видеть и понимать». В конечном итоге, процедура непрерывного наблюдения в природе с разделением фона и «особенного», с улавливанием правил отношений между «вещами», была доведена до автоматизма и стала естественным состоянием, даже при большой усталости. Я совершенно уверен, что основы этого процесса и многие его технические детали заложены ППСом, но осмыслить и описать набор его дидактических приемов очень трудно. Единственным общим базисом, обеспечивающим эффективность обучения, была наша свобода выбора, сознательное понимание дела и среды, в которой нам было очень комфортно.

Не могу сказать, что все мы были и стали равно хорошими натуралистами. Но те, кто связал свою жизнь с биологией и природой, безусловно, имели к этой деятельности особое, генетическое предрасположение. Ну, а тем, кто не стал биологом, навыки натуралиста не помешали.

Позже, много работая со студентами, я искал и ищу пути обучения их «натурализму», никогда не говоря им, чему я их, собственно, учу. В общем, я использовал эле-

менты технологии ППСа: фон, стоп-кадр в характерной ситуации, фильтрация сигнала из фона (очень полезна процедура обучения голосам птиц), вопросы, контролирующая наблюдательность и выполнение целевой функции «а как там обстоят дела с ....?». В общем, мне иногда удавалось достигнуть позитивных результатов, но КПД едва ли превышал 10%. У ППСа, он был раза в два выше.

Говоря о «мире выездов» и Петре Петровиче, нельзя не отметить важность для нас и естественности среды и естественности самого ППСа. В школе только учитель старших классов может позволить себе естественность, когда его внутреннее полностью соответствует внешнему и наоборот. Те же проблемы существуют и в городском социуме. Конечно, в группе одноклассников, поведение индивидуумов более естественно, однако оно сильно ограничивается внешними, стандартными правилами поведения. В микросоциуме ВООПа, центром которого был ППС, естественность каждого ограничивалась минимально. Тот, кому эта среда была дискомфортна, просто переставал ходить в кружок. ППС никогда не был грубым и не ругал никого. Духовная обстановка и уклад в кружке были иными, чем в тогдашней стране, в нем форма не подавляла содержание. В 60-х годах, в период оттепели, содержание стало постепенно выходить на первое место, но в 70-80-е годы давление формы дошло до полного абсурда. В этом нам, кружковцам, чрезвычайно повезло: мы были полностью самими собой, изменяя свои формы поведения сообразно содержанию. Конечно, как во всяком локальном социуме, в чуждой среде, содержание было весьма часто утрировано в форме. Тогда туго было с одеждой, и порванные брюки часто становились семейной трагедией. Так, например, моя бабушка, славилась высоким уровнем штопки разрывов штанов. Место дырки становилось почти незаметно. Наши полевые штаны, лыжные брюки из байки, сатиновые штаны на одной резинке, отцовские и дедовские военные галифе, телогрейки, прожженные и порванные, не поддавались корректной реконструкции.

Поэтому на них появлялись вызывающие заплата, грубо пришитые и вызывающе отличающиеся от фона. Постепенно это вполне объективное содержание перерастало в форму одежды. Позже сходная форма независимо возникла у хиппи. Туристские «штормовки» зеленого цвета, спальники и т.п. появились лишь в 55-56 году и были доступны немногим. Свой первый спальный мешок я купил на первом курсе в 1957 году.

Когда мы летом работали в заповедниках, полуголодное состояние было нормой. С одной стороны, родители не очень могли обеспечить прокорм, соответствующий приличным физическим нагрузкам, а, с другой стороны, и в магазине можно было купить только черный хлеб (если придешь во время), хлопковое масло и комбиджир. Естественно, что мы подкапывали молодую картошку на частных полях и не были против цыпленка, отошедшего от дома на роковое расстояние. В этом нас морально поддерживала хрестоматийная цитата итальянского мальчика Пепе, воспроизведенная М. Горьким: «если от много, взять немножко, то это не кража, а просто дележка». Мы постулировали, что «курица, отошедшая на 70 метров от дома, считается дикой», а раз дикая, то наша. В действительности куры, гуси и утки были крайне редкой добычей, но экспроприация излишков постепенно превратилась в своеобразную игру и демонстративную форму поведения. Надо отметить, что форма одежды и отношение к собственности развивались потом сами по себе и оторвались от своего исходного содержания.

В первом поколении не было традиции особого испытания новеньких. Она появилась во втором поколении. Его яркими представителями можно назвать Петра Второва, Бориса Виленкина, Романа Злотина, Ольгу Шохину, Мишу Черняховского, Леню Лисовенко, Колю Дроздова. Это были уже 1954-55 годы, когда отцы-основатели стали студентами и уже практически не посещали ВООП. Строго говоря, это мое поколение. Я просто пришел очень рано и застал в кружке «стариков». Ритуальные действия с но-

вичками перешли от КЮБЗы. Это показ луны: «новенькому обещали показать луну, закрывали его с головой телогрейкой, оттягивали рукав, предлагали в него смотреть и наливали в рукав кружку холодной воды. Или демонстрировали самолетик. Ставили человека на доску, завязывали глаза, два старших товарища взявшись за доску с двух сторон и приподняв на 5-10 см от пола, ритмично покачивали ее вдоль длинной оси, а третий держал испытуемого за самые кончики пальцев и медленно приседал. Испытуемому мнилось, что он уже на огромной высоте, много выше человеческого роста. Когда казалось, что держащий его за пальцы уже не способен ему помочь, все кричали «прыгай, а то тебя не удержать». Он делал мощный прыжок и с удивлением обнаруживал, что пол совсем близко. То-то было радости. Но самое удовольствие состояло в психическом воздействии на новичка через комментарии всех членов сообщества. Эти и подобные шутки проходили только один раз и человек, прошедший эти «испытания», чувствовал себя приобщенным к социуму де-факто.

Итак, именно выезды и, особенно, на престольные праздники в ноябре и мае, зимние и весенние каникулы были основой формирования детского социума, основой нашей самоорганизации. Далекое не все здесь с формальных позиций идеально. Некоторое количество выпивки было абсолютной нормой. Но если кто из нас и спился в зрелом возрасте (правда, таких не знаю), то виной тому, скорее, не наши детские шалости, а его наследственность. Когда объединяет дело, то алкоголь безопасен, как и еда. От большой дозы свеже сваренного дикого мяса тоже пьянеешь. Наше поколение не культивировало прикладные, спортивные игры. Само движение не рассматривалось как самоцель. Мы глубоко презирали появлявшихся туристов, как людей ничтожных, не имеющих достойной цели, как стадо, в котором задние смотрят в затылок передним. Мы же не любили ходить в затылок, ибо это мешает смотреть вокруг. Такое отношение к туризму, я сохранил по сей день, и для меня скучна и неприемлема любая его форма.

Хотя коллективное было существенно в нашей среде, оно абсолютно не подавляло индивидуальное. Все мы в детстве формировались, в общем, в сходных условиях, но сейчас между нами общее — это только память, и она у каждого своя. Все мы разные и в работе, и в жизни, и часто имеем разные, даже антагонистичные, системы ценностей. Строго говоря, воспитание не может изменить генетическую программу. Оно может лишь скорректировать мелкие, непринципиальные детали. Точно так же, наблюдая своих товарищей, которых я знаю сорок-пятьдесят лет, могу утверждать, что, в сущности, ни один из них не изменил свой наследственно определенный характер. К нему добавились лишь знания и опыт. ППС и созданная им система лишь содействовали выбору профессиональной ориентации, но практически не повлияли ни на какие другие параметры конкретных личностей. Собственно в этом, по-видимому, и состояла основная цель самого ППСа, его дело было образование, а не воспитание.

*В. Колюжный, Ю. Пузаченко, А. Мень, А. Пономаренко
ПТЗ, 1958*

Воспоминания

Миша Черняховский

Мне позвонил Андрей Аверьянов и поведал, что Лена Гулыга написала книгу о ВООПе. Он попросил дать несколько фотографий, а может и написать пару строк. В первую книгу о нашем кружке я фотографии не давал — жаба жадности задавила. Но к тому были и причины, много снимков, которые были ранее даны для дела на время, так и разбрелись по рукам ВООПовским. Например, очень жаль фото, где ППС в телогрейке внакидку, без большой и седой бороды стоит, опираясь рукой о высокий бобровый погрыз. Правда в вестнике ВООП за 1997 год эта фотография присутствует. Эй, отзовись тот, у кого она сейчас? Ну, а поскольку Андрей фотографии сканирует и тут же возвращает (и, вообще, человек обязательный и занудный), отказать ему я не мог.

Не писавши никогда мемуаров и не собираясь этого когда-либо делать, в порыве энтузиазма достаю альбомы и всякую фотографическую россыпь. Перебрал и ... скололся. О чем писать? Пролистал книгу о 50-лети ВООПа

и 75-летию КЮБЗа. Никакой цельной картины не складывалось, так — отдельные впечатления. По этим обрывкам и пишу. Заранее прошу простить, кого не упоминаю: при тогдашнем детско-юношеском максимализме многое проскакивало мимо.

Пришел в ВООП в 1954 году (вернее привели). Привела меня Женя Никольская. Мы учились в одной школе. Министерство образования, объединив мужские и женские школы (и судьбы) таким образом, определило и мою судьбу. В нашу мужскую школу № 127 пришли девчонки, и в 9 классе училась Женя. Я уже был начинающим зоологом, даже ходил записываться в КЮБЗ. Но там пояснили (кажется Сергей Расницын) про школьный дневник и оценки, в общем, в КЮБЗ я не попал. Судьба с ним связала только в 1958 году.

Занятия шли в Дарвинском музее (Малая Пироговская дом 1 — это здание нынешнего Педагогического Университета). Как они проходили, про то уж много писано. Ходил я, и ходил. На выезды ездил, с народом знакомился. А весной — олимпиада биологическая в МГУ. После двух туров прихожу в Дарвинский. Сбоку на банкетке под слонами сидит ППС и, протягивая мне руку, говорит, улыбаясь: «Поздравляю, первая». Я даже не сразу понял, о чем он. И только, когда в Большой Биологической аудитории Биофака на Ленгорах мне вручили грамоту за 1 место по 7-мым классам и три тома определителя птиц Портенко, я стал своим — меня заметили и приняли старшие. Однако членом кружка я стал только после экспедиции в Северный Казахстан в 1956 году под руководством В.Е. Флинта, когда сделал доклад на кружке. Помню, на том заседании выступал и хвалил мою работу Костя Панютин. А почему запомнился именно он? Костя тогда ходил в сапогах и в полувоенном френче, подпоясанном ремнем.

Теперь небольшой панегирик себе. Биологические олимпиады МГУ тех лет. Никаких поощрительных грамот не было. Были премии по классам: одна первая, две вторых и три третьих. В восьмом классе я получил 2-ую

премию. Первую никому не дали, а дали три вторых. Еще их получили Роман Злотин и Юра Очков. Мы с Романом пролетели на энтомологии, и это сподвигнуло нас ходить на занятия кружка кафедры энтомологии МГУ. В девятом классе у меня была первая премия. В десятом — вторая, срезался на ихтиологии. Грамоты и книги с подписями Н.П. Наумова, Е.П. Спангенберга бережно храню до сих пор. К сожалению, эти успехи не помогли мне поступить в МГУ, тогда их в расчет не брали.

Миша Матюнин

Особенностью моего восприятия жизни является то, что принимаю человека таким, каким он есть сейчас и почти не помню его 10, 15, 30 лет назад. Хотя, глядя на фотографию, могу рассказать о нем пару историй. Пример. Не помню, когда на кружке появился Миша Матюнин. У меня есть его фото, где мы весной в Приокском, затем Мишаня на действительной службе и т.п. Но для

меня он всегда в ковбойке, с неизменным фотоаппаратом, рюкзаком, к которому принайтован топор, с небольшой сковородкой и котелком. Кудлатая борода, очки, характер прямолинейный и неугомонный в сочетании с большой работоспособностью. Человек ВООПовских традиций.

Другой — Михаил Грибов (кличка Нарцисс). Он появился в кружке где-то в 1955-56 году. На фотографии с рыбой, он весь тут жизнерадостный и неугомонный.

Миша Грибов

Когда бы мы ни встречались, он всегда бывал в чудесном настроении. Таков уж был характер. Дежурным его вопросом часто был: «Ты знаешь, сколько у меня клеток?» И сам отвечал: «Двадцать или сорок» (и все с птицами). Ихтиолог по образованию и по профессии, он навсегда остался натуралистом. Как-то у него в старом деревянном доме, а жили они на 3 этаже, лопнул аквариум. Было там воды, эдак, литров 400. Короче, соседи снизу прибегают, а Нарцисс деловито рыб с пола подбирает и по банкам рассаживает. Что соседи ему говорили, история умалчивает.

Аркадий Малашенко. Вот он с зубилом в левой руке (правой кисти не было — последствие войны) выбивает надпись «ВООП» на огромном камне в Люберцах. Тимофей Баженов ему помогал. Есть фото, где весь ВООПовский выезд в Люберцы на этом камне уместился. Сей подвиг Аркадия с Баженовым помянут даже в КЮБЗовском фольклоре.

Аркадий Малашенко

*Таденкин (личность аллегорическая)
двигается дале.*

Надгробный камень видит он.

*На нем, забыв покой и сон,
ВООПы надпись выскребали.*

*И вот теперь под сим камнем
ВООП сияет под крестом.*

Потом кто-то из КЮБЗы около камня с надписью «ВООП» водрузил небольшой крест.

Аркадий всегда много возился с малышами, таскал их по всему Подмоскovie. Обычно на общем собрании он брал кандидата за пуговицу пальто и, покручивая ее между пальцами, спрашивал: «Ну, ты едешь на выезд?».

На что проходивший как-то Петя Второв заметил: «Так он все пуговицы открутит». А какой блиндаж на болоте в Храпуново под его чутким руководством построили Тимофей Баженов и Сергей Иванов со товарищами! Еще Аркадий был большим любителем письменности. Это его рукой на коньке нового ЗУБРА (домик на юге Приокско-Террасного заповедника) красной краской было выведено и не смывалось много лет — АРКАДИЙ ВООП ППС. На что Ленка Оглоблина сочинила ядовитый стих: «Будь то камень на дороге, иль в уборной стенка, отовсюду крупным планом АРКАДИЙ МАЛАШЕНКО».

Ленкина (Оглоблина) ядовитость распространялась и на меня. Однако на правах автора о том умолчу. А вот Вите Рагозину она посвятила такие строки:

*Ты эпитафии даже
недостойн,
Но, тем не менее,
тебе я говорю.
Ты только не бесись
и выслушай спокойно,
Что ум в твоей башке
равняется нулю.*

Вот автор этих стихов на фотографии в Астраханском заповеднике чалит лодку. Как обманчива бывает внешность....

Женя Николаев. «Гы..Гы..», — был его клич. В кружок попал где-то в 1955-ом. Сейчас он живет в Мюнхене, иногда раздаётся звонок и, хотя прошло более 40 лет, по голосу узнаю — Николаев. Светловолосый, со всегдашней улыбкой и с постоянным вопросом к окружающим: «Правда, я хороший?» Чудаковатость Жени проявлялась по-разному. Бриться он то ли забывал, то ли не любил, и на фейсе его постоянно стояла 3-4 дневная щетина. Дежурным развлечением Пети Второва тех годов было: «Да-

вайте побреем козла!» И Женю начинали ловить ...

Женя Николаев (в центре), Валера Симонов (справа)

Вот на фото Валера Симонов (Художник в ВООПовском мире) делает набросок с Жени. Николаев в пальто, на голове треух, на лице всегдашняя улыбка.

С маниакальным упорством он одолевал иностранные языки (не зря живет в Германии). Не помню, и, конечно, не могу судить, сколько он их знал, но ругался на многих. В 1968 году, когда в России был 13 Международный Энтомологический Конгресс он даже ездил переводчиком на автобусной экскурсии в Серпухов.

Женька в моем представлении был необидчив, гениально рассеян и не менее гениально спокоен. Обучение он свое начинал на Геофаке МГУ, который так и не окончил. Картина. Встречаю Женю на факультете (зачем пришел, не помню), идет по коридору. Из-под его пиджака кокетливо глядит сиреневая кальсонная рубашка. Вопрос: «Николаев, ты что так приперся, вон люди ходят?». Ответ: «А они меня не знают». Вопрос: «А вон профессор Воронов (зав. кафедрой зоогеографии) идет». Ответ: «А он меня знает».

Юра Очков (Воча). Настоящий ВООПовец 57—65 годов. След его, к сожалению, мной потерян. Уехал в Северо-Донецк, женился (все мы не без греха), стал химиком. А до того был постоянным участником диких (без ППСа) выездов. Вот он на побывке, на действительной службе, а мы его провожаем в часть.

А вот я и Куликов в снях, в Приокском, во время учета лосей. Обратите внимание на фуражку цвета хаки, а ля Фидель. Вовча подарил по такой Баженову, Куликову и мне. Она у меня хранится и по сей день. По традиции надеваю ее на каждый юбилейный выезд.

Слава Камышенков. Не помню, когда он пришел в ВООП, во всяком случае, на моих фото он фигурирует с 1967-68 года. Особо дорога одна фотография 1981 года, где Слава в фетровой шляпе и белом плаще шагает с нами по лесу.

Слава Камышенков

Вот он ВООПовский дух — в чем был, в том и поехал в Приокский. А как незабвенно он играл браконьера на Кармановских учениях Дружины Охраны Природы МГУ в 1975 году!

Костя Кривошапов (Банан). Вот, кто из более младшего поколения останется верен общему костру. Приходя на поляну, не сомневайся, Костя наверняка будет. Он один из немногих ВООПовцев, с которыми свела судьба, побывать в совместных экспедициях. Объем Костиных знаний поистине безграничен.

Он хорошо знает звездное небо. «Все очень просто, — поясняет Банан, — лежу я как-то на раскладушке в саксальнике (дело происходит в Туркмении), быстро темнеет, и делать нечего. Взял карту и давай искать созвездия».

Историй про него можно рассказывать много и разных. Как он в одних портянках на спор обошел вокруг дома. Как со своим старшим братом Геннадием ввел в недоумение комиссию по проверке работы Супутинского заповедника и пр., пр., пр. А как он увез мои штаны, и мне пришлось, напялив ковбойку на ноги, ехать из Данков в Москву! Если его порасспросить, он многое знает о ВООПе своего и младшего поколения, благо его дочка один из активных членов кружка Дарвинского музея. Его фото с полозом в руках, по-моему, очень хорошо отражает его вдумчивый и спокойный характер.

Двое бывшие неразлучные — Сергей Менделевич и Михаил Никитин.

Сергей и в юности отличался спокойным ровным характером и поведением. Недаром он сейчас директор очень элитарной

школы, которую, по-моему, сам и создал. Вот они оба в саксаульнике, в заповеднике Репетек.

Никитин (Кролик). Ему принадлежит крылатый перл, который часто затем использовался. Дело было в Туркмении, в Марыйском районе в лесхозе Аки-бай, где работала экспедиция ИЭМЭЖа (ныне ИПЭЭ им. Северцова). Придя на стоянку отряда и переночевав, я утром с сачком побрел среди

саксаулов, кандымов, джизгуна и пр. экзотики. Весна, все зелено, кое-что цветет, нежарко. Кто бывал весной в Каракумах, тот поймет. Короче. Под большим и развесистым саксаулом стоит раскладушка, на ней, укрывшись одеялом и вперив очи к небу, лежит Никитин. Время около 10 утра. Поздоровались. Я ему: «Ну, ты что лежишь?» И услышал ответ: «Мы стационарные работники!» Вот он, Медведь, зимой в Приокском, год, этак, 1964.

Евгений Гусаков (Джон). Незнаю, куда занесла его теперь жизнь, но вот тоже настоящий в моем представлении лесной человек. Когда Наташа Кулюкина (сотрудник проблемной биологической лаборатории, старший член ВООПа) попросила найти ей «мальчика» в экспедицию, я посоветовал Джона. Он тогда на Геофаке

в нашем Педе им. В. И. Ленина учился. Потом Наталья мне при встрече говорит: «Черняховский, я его боюсь!» А я ей: «Езжай, езжай, с этим не пропадешь». И, правда, отзывы были только положительные.

Юра Климов — человек непростой судьбы. Они с Джоном были друзьями. Юра, побыв на ВО-ОПе, затем исчез. Служил в армии, где стал инвалидом, затем окончил какой-то автомеханический институт и проявился снова. Володя Щербаков взял его в таксидермическую мастерскую, где Юра под его

руководством досконально освоил чучельное дело. Особенно хорошо ему удавалась мелкая работа — птицы. Потом он долгое время работал на кафедре зоологии МГПИ. Человек неумного и неустрашимого характера, постоянно принимавший участие в экспедициях кафедры в Архангельскую, Вологодскую область, на побережье Каспия в Дагестане. Клим на своем инвалидном «Запорожце» переплывал болотину (иногда с нашей помощью) и всегда добирался к юбилейному костру.

Кандауров Евгений Константинович (Жеша). Один из немногих, кто уже в зрелом возрасте (1963 год) попал в кружок. Он один из немногих, кто сразу понял и прочувствовал всю мудрость ППСа. Вот он уже в ранге старшего охотинспектора Главохоты с Николаем Щипановым у самолета, с которого учитывали сайгаков в Северном Дагестане.

Анатолий Любимов (Любимыч). Это наш ВООПовский бард. Ряд его песен поются у костра до сих пор: «Друзья нам судьба повелела ...» и «Когда сидим вокруг костра...»

Вот его посвящение Приокско-Террасному заповеднику:

*Данки, когда-то Геродот
предсказывал весьма правдиво:
«Вот здесь ВООПовский народ
пить будет водку всем на диво».*
*И, правда. С Равкиным туда
весной я как-то появился
И в тот же вечер без труда к
российской бере причастился*

*Бог в ботанике у нас — Еременко Нина
На ворон она кричит:
«Вон летят пингвины»*

*Вот Д. Пупавкин — повсеместно
Он представлялся так — Птенец
На днях же стало мне известно
Он оперился наконец (Дима Пупавкин — Птенец)*

*Д. Берман может написать
За год три толстых фолианта,
А в час он может наболтать
Сто сорок бочек арестантов*

*Вон Леопольдовна направо
Довольно кроткая по нраву,
Но на меня она взглянула,
И я узнал в ней Вельзевула*

Постараюсь кое-что сообщить и о своих близких друзьях по ВООПу, впрочем, других у меня и не образовалось. Наша четверка долгое время была такой слитно-неразлучной, что даже иногда слегка поддавливала молодежь. Не зря ППС как-то обозвал наш квартет «белой костью».

Итак. Володя Щербаков (Телепет). Он самый младший из нас пришел в кружок в 1957 году. Свое прозвище получил от Валент Викторовича Кучерука. Была постоянная экспедиция в Кировскую область института Эпидемиологии им. Гамалея по изучению энцефалита. Многие ВОО-Повцы и КЮБЗовцы через нее прошли. Володя ставил лучки на птиц и что-то долго с ними возился. Кучерук глядел-глядел и говорит: «Да и какой ты Володя? Телепеаешься ...» С тех пор и пошло «Телепет».

Сейчас он всем известный и уважаемый мастер Щербаков Владимир Николаевич, воспитавший большую плеяду таксидермистов.

Рассказываю о Телепете две истории. Кировская область. Охота на барсука. Фоксы зверя по норе гонят, а у одного из отнорков с ружьем стоит Володя. Из норы вылетает барсук, начинает улепетывать и... Телепет в азарте (какое там ружье!) хватает убегающего зверя за зад. Барсук так удивился этому приему, что народ успел подбежать и зверя заполевать (связать). Вечером за ужином начальник (бессменный зав. лабораторией В. В. Кучерук), покачивая головой, произнес: «Да ... Много я видал на веку своем, но чтобы руками голыми и барсука за задницу ...!»

Была у Володи русско-европейская лайка «Кучум». Ну, а если лайка, то она и работать должна. Кстати, Кучум в свое время чемпионом породы был, весь в медалях, по

заграницам на собачьи выставки ездил и хозяина с собой брал. А дипломы по работе на зверя надо было получать на различных испытаниях. Как это происходит — тот, кто собаку охотничью не для подушек держит, сам знает. Так, значит, ранняя зима. Костер, мужики греются и ждут своей очереди, чтобы с собакой и судьями отправиться искать белок. Подошла Володина очередь, и он с Кучумом и двумя судьями ушел в леса. У костра нормальный треп за жизнь и стаканчики для сугрева.

Проходит время, группа возвращается. Вид Щербакова не слишком веселый. Кучуму для диплома 1 степени не хватает одной белки, а времени остается 5-7 минут. И вот, не доходя 20-30 метров до костра, собака поднимает голову садится и, глядя на здоровую в 25 метров ель: «Гав... гав... гав!» Судьи у Володи: «Есть белка?». «Есть!» «Показывай». А как ее показать? Надо стронуть зверька, чтобы судьи увидали. Все происходит на наших глазах. Народ затих, держа в руках наполненные стаканы. Володя подскакивает к костру и из-под сидящих мужиков выдергивает бревно. Диаметра его не помню, но длиной метров 6-8. Сидящие на нем свалились, как кегли (водку, однако, не пролили). И как вдарит Телепет изо всей мочи по стволу еловому.... Все шишки дождем посыпались на землю, а вверх по веткам заскакали две белки! Вот таким образом Кучум с Телепетом получили диплом первой степени.

Баженов Тимофей (Владимирович). Появился в кружке в 1956 году. Его, как и многих других, взял под крыло Аркадий Малашенко. Затем как-то незаметно Тимка стал моим другом. Тому, может быть, способствовало то, что мы несколько раз Новый Год встречали у него дома (вот фото, где ППС и др.).

Когда Е.В. Карасева попросила найти мальчика на ставку лаборанта, который хорошо рисует, Тимофей попал в лабораторию В.В. Кучерука. В составе многих экспедиций он побывал не только в Кировской области, но и в Осетии, в Туркмении и пр.

По профессии Баженов стал журналистом-фоторепортером. Начал с лаборатории Минсельхоза, затем работал в газетах «Московский Комсомолец», «Комсомольская правда», «Литературная газета». Сейчас он — зав. отделом журнала «Охота и охотничье хозяйство». И, если читает где-либо лекции, то слушатели наверняка не скучают от общения с ним. Тимофей всегда был хорошим рассказчиком и выдумщиком, недаром в кругу знакомых его часто называют «Сказочником».

Вот одна из ВООПовских хохм того времени (год 1957-58), записанная со слов Т.В. Баженова. Тогдашняя компания: Малашенко, Очков, Злотин и Баженов — бродила по Приокскому. На 2-ом маршруте, что проходил через центр заповедника, было резкое понижение и маленькая пойма. Место сумрачное: ольха, осина, борщевик. Наверх взбираешься, наклоняясь, в этакое зеленом коридоре. И вот с подачи Романа Злотина на уровне головы вешали кирпич. Знаете — такой красный строительный (мое уточнение — кирпичи в лесу не растут, значит, тащили издалека ...) Повесили. Ушли. А передвигаться ночью по заповеднику был особый шик. В общем, организатор сей затеи первым «встретился» со своим произведением. Какие слова при этом говорил Роман, история умалчивает. Однако изделие неизвестного кирпичного завода провисело все лето. Пока кто-то из сотрудников, возможно Генуэл (Геннадий Николаевич Лихачев) его не снял. А так работала ВООПовская солидарность. Бегу как-то ночью в Зубр (это домик на юге заповедника) спускаюсь вниз и думаю где-то здесь кирпич. Вот тут на гребешке и ..., бац, встречаюсь с ним. Ну конечно слова сказал. Оборвал веревку, потом одумался, поднял кирпич и повесил на прежнее место.

Куликов Анатолий Алексеевич (Кулик).

На ВООПе в явочном листе, который пускал по рядам ППС, против его фамилии всегда красовался отпечаток куличьиной ноги (если он сам не ставил, то друзья помогали). Вот он на фото неутомимый

путешественник по Саянам и Амурской области, по пескам Кара-Кумов и пр. С ним мне также довелось побывать в различных экспедициях: в Киргизии (Сары-Челекский заповедник), в Карелии, Якутии, Туркмении, на Енисее, в Дагестане. Куликов неутомимый рыбак (но только спиннингист) и охотник. Но мой Вам совет — с Куликовым на охоту ни шагу. Под скромной и с виду уравновешенной личностью скрывается азарт.

Лето. Енисей. Мы: Миша Санков, Оля Волцит, Куликов и я живем на песчаном острове. Это экспедиционный отряд института Вирусологии. Остров невелик: 2,5 км в длину и 300-500 м в ширину. Этакая песчаная гряда с кустарником и редким травостоем, отделенная от основного русла различными протоками. Зайцев тьма, т. е. в поле зрения постоянно 10-20 штук, их на открытое место выдавливает гнус. Трое нас, идем цепью, женщина сзади добычу увязывает. Взяли трех, отличились мы с Санковым, а Куликов по нулям. Вернулись, освеживали добычу, получилось ведро чистого мяса. Сварили, выпили, закусили и ... сиеста. Только слышу сквозь сон: дверь хлопнула. Проснулись: Куликова нет. Подождали. Пришел и принес двух зайцев, а вид у них .... По-моему, он бил их ногами. И куда нам столько мяса? Санков: «Сам убил — сам и обдирай». И пошел Кулик в одночасье на берег ... и вернулся с рыбой. Недалеко бригада рыбаков стояла, вот они зайцам были рады.

Южная Карелия. Опять отряд института Вирусологии. Мы с Куликовым на несколько дней с базы ушли на

озера. Надо сказать, что озера в тех местах особенные, воды сверху, ну сантиметров 50, а далее жидкий коллоидный торф. Куликов, он человек чистоплотный. Увидел столько воды и теплой, и день тихий, солнечный. Он, конечно, принял сначала воздушную ванну, а затем бросился в объятия водной стихии наподобие водометного катера, оставляя за собой пенистый торфяной след. Выкупавшись и усевшись обсыхать на травке, Анатолий Алексеевич вдруг на своем теле обнаруживает красные маленькие пятна, которые еще и начинают чесаться. Тихая паника. Куликов не только чистоплотен, но и большой поклонник своего здоровья. Друга не бросишь. Достая флягу и, намочив ватный тампон (скрепя сердцем), обтираю ему все тело. Сыпь проходит. И тут Куликов предлагает еще сделать дезинфекцию изнутри. Короче. Палатку мы в тот день не поставили, и комары нам спать не мешали.

* * *

Юбилейный выезд кружка, 1960 год. ВООПу 10 лет. Состоялся он в Храпуново. Посреди торфяников и болот Аркадий Малашенко с бригадой (Гоша Космиадий, Сергей Иванов, Тимофей Баженов) сваяли блиндаж. Празднование было как всегда бурным. Перипетии праздничной ночи опускаю. Поутру Аркадий на спор залез на молодую ель эдак метров на 12—15. Диаметр дерева, ну примерно 25—30 см. И тут Пузак (Юрий Пузаченко, тогда еще не почтенный доктор биол. наук), взяв топор, начал срубать эту елку. И когда она начала уже клониться, Аркадий, совершив пируэт, перепрыгнул на стоящую рядом ель. Народ замер! Малашенко, как медведь на фикусе качался на верхушке. Упадет, не упадет? Удержался. «А жаль» — произнес кто-то в тиши (я-то знаю, кто).

После этого юбилей перенесли в Крюково на биостанцию МОПИ, а затем нашли поляну неподалеку. И теперь по традиции на ней раз в год собирается народ ... всякий. И, соблюдая правило ППСа, мы приветствуем всех, кто приходит.

Но вот фото тех дней. Женя Никифорова и Тимофей Баженов сидят на крыше шалаша (фигвама). Строить фигвам было традицией, пока жизнь не стала получше, и народ в массе не обзавелся палатками и спальниками. А тогда, в 1963-1970 гг. и позднее,

инициативная группа загодя строила этот навес длиной 12-15 метров. И ППС в нем ночевал, и костер горел всю ночь. Один костер на всех. Это теперь мы представлены разными поколениями, друзьями и знакомыми. Народу приезжает много ... у каждого свой костер! Но общий костер еще горит и надеюсь, что будет гореть еще долго.

Отношения с другими кружками.

«Лично для меня не существовало и не существует конкурентных или, как теперь сказали бы, альтернативных отношений между КЮБЗом и ВООПом и другими школьными кружками». Эту цитату я взял из книги о КЮБЗе (1999 г., стр. 157) и полностью с этим согласен. Лично я знаком со многими КЮБЗистами и МОИПовцами среднего поколения. С кем-то я бывал в различных экспедициях, с другими работал в Дружине по охране природы МГУ, со многими ездил на совместные выезды. И могу сказать, что я коренной ВООПовец, считаю — это серьезные кружки, в которых выросли настоящие биологи.

*Вышли мы все из ВООПа
КЮБЗ был отец нам родной
Дружество, братство, работа
Вот наш девиз боевой*

Год 1958, Приокско-Террасный заповедник (см. фото). Это совместный суд ВООПа и КЮБЗа. Судят кюбзиста Сергея Титова (теперь он доктор биол. наук) за то,

то его нос похож на картофель сорта «Лорх». В президиуме Петя Гуральник (КЮБЗ) и я. Защитник — Сергей Расницын (КЮБЗ). Спину в берете стоит Сергей Тихомиров (КЮБЗ). Прямо по курсу стоит Михаил Грибов (ВООП). В очках Нелла Савина (ВООП), в платке Галя Мазенцева (КЮБЗ).

Некоторые отрывочные воспоминания.

Наташа Шамардина — ботаник настоящей души. Год 1957. Режет она как-то черенки в Ботсаду. Ну, ей, конечно, мешает сторож. Наталья командует собаке (а это эрдель), и сторож долго сидит на дереве. ППС потом много раз с хитрецей этот случай рассказывал.

Саша (Александр) Пономаренко один из старших кружковцев. Теперь он известный палеонтолог, а о его работах лучше всего узнать из книги Кирилла Еськова «История Земли и жизни на ней».

Борис Головкин — профессор, доктор биологических наук. Вот вам пример ВООПовской солидарности. Он долгое время был директором Полярного Ботанического сада. Часть жизни я проработал на кафедре Методики препода-

давания биологии МГПИ им. В.И. Ленина. У кафедры на биостанции в Павловской Слободе был учебно-опытный участок, которым я и заведовал. А сколько ВООПовцев побывало летом и даже поработало на нем! Так вот, написал я Головкину просьбу прислать кое-каких семян и получил ... такую посылку — до сих пор вспоминаю и нахожусь под впечатлением полученного материала.

Коля (прошу прощения Николай Николаевич) Дроздов. Когда Вы его видите в телепередаче, степенного доктора географических наук, то знайте, что и в молодости он был вот таким спокойным и неторопливым. Год 1958, март месяц. Люберцы. Проталины и ласковое весеннее солнце. Аркадий Малашенко, Михаил Грибов и, возможно, Миша Матвеев расставили лучки, насторожили сети, бегают и верещит шпорок (манная птица). На большом поваленном стволе березы отдыхает, укрывшись телогрейкой, Коля Дроздов.

Компания в составе Романа Злотина, Тимофея Баженова, Гены Колонина и Сережи Попова затевает возню близ сетей и лучков. Аркадий бросается выдворять их с занятой территории. Шум, гам, куча борющихся, а Коля, слегка приподнявшись и повернувшись в нашу сторону, миролюбиво и спокойно произносит: «Ну, чего вы там?» — и плотнее устраивается на стволе.

Австралия. Дроздов и его спутник румынский биолог едут на «лендровере» по проселку. Смеркается. Они останавливаются на ночь на какой-то ферме. Надо сказать, что фермеры в той стороне люди очень приветливые. Вечером, за апшеретивом (или что там было) идет неторопливый разговор. Фермер хочет узнать, из какой стороны его гости. Надо отметить, что Дроздов говорит по-английски без акцента и с оксфордским произношением. Ну, а поскольку несколько страшновато сказать, что из СССР, то уклончиво отвечают из Восточной Европы. Однако фермер оказался настойчивым и когда услышал, что мы из Союза, то его удивлению не было предела. Он со смехом закричал: «Жена, жена, иди скорее сюда, коммунисты —

топчут мою веранду!» Ну, а потом весь вечер и часть ночи рассказы, анекдоты, истории. А поутру, провожая путешественников, фермер выдал: «Ну, ребята, а у вас хорошая страна».

Леня Скляр. Он теперь часто бывает на наших собраниях в день рождения ППСа 5 января. Химик по профессии и, главное, он еще в молодости применял свои знания на практике. Леня — человек весьма уравновешенный, и не теряющийся ни в каких ситуациях.

Все тот же Приокский. На телеге,двигающейся на юг заповедника, перемещается ВООПовско-КЮБЗовская компания, человек восемь-девять. Правит лошадьё Алик (Алексей Павлович) Расницын. Бортов телега не имеет. Я держусь за заднюю стойку, а на руку мою налегает Леня, который затеял воспитание Миши Долбенко (Долбуши), т. к. тот в лаханкистском порыве пытается хлебнуть (понятно чего), а Лене это не нравится. Возня кончается тем, что я отпускаю стойку и убираю руку, а Скляр улетает под телегу. Вопли ... тпру ... стой! Однако Леня на богатырских плечах поднимает задок телеги и выныривает из-под нее. А главное, на нем, побывавшем на земле и под колесами, ну ни пылиночки.

Игорь Кузьмин (Кузя). Вот, кто был заядлым охотником, а стрелял он бесподобно. Однажды на Куровских болотах, когда брели через перелесок, с тыла вылетела болотная сова. Кузя, не говоря ни слова, успел снять мешалку (одностволку), повернуться на 180 градусов и свалить птаху.

Берегитесь звери, разбегайтесь гуси

Вновь на выезд нынче едет

Курощуп наш Кузя.

(ВООПовский фольклор)

При мне Кузя кур не лавливал, но ходила по кружку байка, что, как только в деревне Республика (на Оке, в южной части заповедника) становилось известно, что в старом Зубре появились юннаты и среди них Кузя, то куры тотчас исчезали с деревенских улиц.

Саша Кочетов наш следующий фоторепортер. Он, отчасти воспитанник Т. Баженова, во многих отношениях превзошедший своего наставника. Одним из эпизодов ВООПовской жизни была свадьба Кочетова на поляне под Крюковым. Не знаю, как для других, но это было действо!

Валера Симонов (Художник). Он действительно художник, загляните в его студию-подвал, и сразу все станет ясно. Человек широчайшей души спокойнейшего характера. Кто бы из Вас ежегодно мог собирать на встречу нашу ВООПовскую братию?

ВООПовские девчонки. Я помню Вас всех, перебирая фотографии, о каждой могу сказать, и только хорошее.

Женя Никольская. Она и сейчас иногда появляется у общего костра. Это с ее подачи был создан бронзовый бюст ППСа, стоящий сейчас в Дарвиновском музее. А ведь была идея (и опасность), когда он экспонировался в галерее на Кузнецком мосту, его умыкнуть (благо стоял в тихом закутке) и возить на юбилей. Знаю, чья идея, но не скажу.

Валя Орешникова — очень открытой души человек. Вот она на Белом море. Выросши и оперившись, долгое время была главным хранителем в Дарвиновском музее (как когда-то и ППС). При встрече с ней постоянно шла информация, что еще приобретено для музея. И даже с меня она вытребовала в фонды кое-каких Кавказских и Азиатских саранчовых и кузнечиков.

Инна Игнатова, Надя Новикова, Лена Васильева, Ира Тепцова. Мы все вместе учились в пединституте, сначала Городском им. В.П. Потемкина, а затем, когда его ликвидировали (слили), в Государственном им. В.И. Ленина (что теперь МПГУ называется). Все биологи — ВООПовская школа. А с Игнатовой (Инной Федоровной Куприяновой) я несколько раз ездил в Коми республику на реку Печеру, где был ее небольшой стационар. Она всю жизнь провела по северам, занимаясь мышевидными грызунами. И как сама говорила — вся жизнь прошла на холоду и в телогрейке.

Под занавес перечислю тех, кто в 54-60 годах был постоянным участником выездов, собраний и ВООПовских сабантуев. Алла Савина, Таня Спиридонова, Таня Фомичева, Ольга Ягужинская (теперь врач), Люся Кулешова (зав. лаб., к. б. н.), Лена Синицина (энтомолог на кафедре в МГУ, к. б. н.), Таня Минакова, Алла Кошкина (геофак МГУ), Зоя Суртис, Алла Зайцева, Лида Шарнина (врач эпидемиолог), Таня Сергеева (медик), Женя Никифорова (это наш майор Пронин, в каком она чине, может майор, а может полковник), Валя Васина, Таня Егорова, Лена Оглоблина, Алла Ширяева (психолог, канд. наук), Наташа Кулюкина (канд. биол. наук), Рита Соловьева, Шура Герасимович, Лена Шестовская, Соня Александер (канд. наук, по-моему биохимик), Галя Конева (преподаватель). А про других подзабыл, давно пути не пересекались.

Про молодежь не пишу. Пусть сами рассказывают.

С ВООПом я познакомилась летом 1954 года

Ольга Шохина

С ВООПом я познакомилась летом 1954 года, когда отдыхала у моей тётки в Окском заповеднике. Тётка работала там бухгалтером.

Озверев от моего безделья, тётка сказала:

Тебя интересует биология? Вот иди — тут студенты Университета на практике и вместе с ними какие-то юннаты.

Я пошла.

В заповеднике в гнездах трясогузок были кукушата. Мы сами ловили мух и комаров и ходили кормить кукушат. Потом мы наблюдали их не только в гнезде, но и на разлёте, когда птенцы становились на крыло. Там были ещё пятнистые олени.

С вечера ставили плетеную метровую корзину в станицу, а утром она была полна вьюнов. Этими вьюнами кормили кур, уток, а также нам варили с макаронами. Этим мы питались.

Еще мы ездили на кордон «Липовая Гора». Студенты занимались отловом диких утят, чирков, поганок, кольцевали их, а вечером садились пить чай с мёдом. А также пили медовуху, которая была обыкновенной брагой, крепости в ней было немного, но мы считали, что напились здорово.

А когда мы вернулись оттуда, я пришла на ВООП, и там познакомилась с Петром Петровичем Смолиным. Занятия проходили в полутёмном Дарвиновском музее, а в воскресенье мы отправлялись на выезды. В основном в Лосинку. Я — городская жительница видела природу только летом. Отец мой был естествоиспытателем широкого профиля, он вывозил семью в самые живописные места. Он был охотником и чуть ли не с шести лет брал меня на охоту. Так что летний лес, дуга и поля я знала, а вот весенний и зимний лес — это было для меня откровением. Нас учили различать следы, узнавать голоса птиц. Лосин-

ка была для этого благодатным местом. Там были лоси, встречались косули и жил филин. Как в нашей песне:

*А в Лосинке жили мы прекрасно,
Ночью заходить туда опасно.
Целый день сидим на пруде —
Ополаскиваем груди,
Потому что мы лесные люди!*

В весеннем лесу мы смотрели, кто прилетел, кто уже готовится к гнездованию. Так я впервые увидела чибиса.

На каникулы мы ездили в Приокский заповедник. И на праздники тоже. Там была проверка дуплянок, зимой учет лосей по следам, весной учет птиц.

И когда наша кодла — человек 30-40 — вваливалась в вагон, в ватниках и резиновых сапогах, горластые, вихрастые, и Пётр Петрович Смолин тоже в ватнике и сапогах, с полевой сумкой через плечо, и мы начинали горланить свои излюбленные песни, публика, слегка так, шараялась от нас.

И вот, летом 1956 года в Данках отбывал свою практику Александр Мень вместе со своим однокурсником Калюжным. Они тогда окончили четвертый курс Пушмеха (Пушно-мехового института), который Хрущев в реформаторском порыве перевел в Иркутск, поближе к объекту исследования. Старшее поколение ВООПа знало Александра Меня давно, я — видела в первый раз. Ему, наверно, было двадцать два года. Очень красивый человек с роскошной вьющейся шевелюрой, с горящими глазами, смуглый, похожий на цыгана, с гитарой. Вечерами он нам пел, познакомил нас с творчеством Вертинского, слушая радиопередачи, всегда комментировал их. Он очень много дал нам всем. Он был разносторонне развитый человек, очень многим интересовался.

Мы стадом ходили за ним и смотрели ему в рот. Я и тогда слышала, что он интересуется религией, историей религии, но я всегда была атеисткой и как-то не придавала этому значения. По его поведению этого совершенно

не было заметно. Это был увлекающийся, фонтанирующий энергией человек.

В Данках был домик, стены которого были увешаны нарисованными нами шутивными плакатами. Из них я помню: красная рожа с надписью наверху «куренье — это медленная смерть!», а внизу: «А мы и не торопимся». (Отель «Зубр» возник позднее. ВООПовцы помогли коллективу заповедника приманить на жительство бобров, и в благодарность им был построен домик на берегу Оки у южной границы заповедника, рядом с усадьбой лесника).

На всякие наши хохмочки Мень говорил: «О, экста-а-аз!», и один парень в порыве вдохновения попробовал написать слово «экстаз»углём на потолке и, пропустил букву «с», — получилось «эктаз». Это вошло у нас в разговорку. Кто-то переделал «э»на «и», и мы кричали: «Иктаз! Иктаз!».

Вечерами мы, естественно, пели песни, и тогда сложилась песня: «За Данками закатилось солнце ...». Она была положена на мотив песни Есенина:

*Залегла в душе глубоко рана.
Что-то странное тревожит душу мне,
И под жаркими лучами Тегерана
Я сижу в прохладной чайхане.
Чайханщик чёрный, с рыжими усами ... и т.д.*

Эта песня была плодом коллективных творческих усилий, но основное, конечно, принадлежало Меню: идея мотива, композиции, герои песни. Остальные давали рифму, как в игре в «Буриме».

После этого совершенно «угарного» лета, осенью, умер мой отец, и я уехала в Тбилиси, и, вернувшись в Москву, больше ВООП не посещала. Но телефоны друзей остались до сих пор.

Сага о ВООПе в картинках

Тимофей Баженов

Привал

/Воплощён в заимствованных терминах/

Вон, там!!! Какойто представитель Врановских

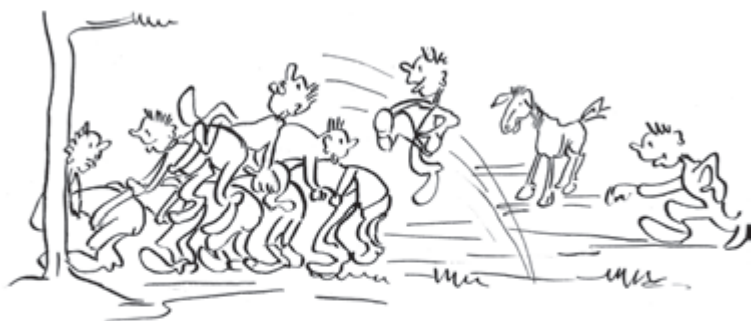

Занятче «ботаникой»

ЗНАКОМСТВО

Кобыла

Тимофей Баженов на 2-м маршруте в ПТЗ

Приложение

Наши песни

ЗА ДАНКАМИ

(А. Мень 1956 г.)

За Данками закатилось солнце.
В заповеднике бобры и зубры спят,
Лишь горит у нас в хлеву одно оконце —
Там ВООПовцы с КЮБЗистами сидят.

Все косые, с пьяными глазами,
Воровские они песни голосят.
И охрипшими гогочут голосами,
А под нарами бутылочки звенят.

Алик Мень — поэт и предводитель,
С волосами, точно грива льва.
Виноградного вина он стал любитель,
И полна клещами голова.

Есть ещё у нас один калека:
Уха нет, разорвана щека.
Кто же это изувечил человека?
Это Шохина, все знают, что она.

На полатях там лежит Калюжный,
Чешет он и спину, и живот.
Он теперь у нас убогий и ненужный,
Только водка вылечит его.

На стенах похабные плакаты,
На столе — стаканы и вино,
На полу лежит лохматая собака,
А в халупе — душно и темно.

В банке там пичуга околела,
Принесли другую умирать,

Только рады были фоксы ГеНуэЛа,
Знали, с кем им будет поиграть.

Там бобрам житья совсем не стало —
Всю речушку их поставили вверх дном,
И лосям в лесу деревьев стало мало —
День и ночь стучали топором.

Соня смотрит из дуплянки робко,
Запищали жалобно птенцы.
Это значит в заповеднике Приоском
Появились наши молодцы.

ГИМН ПУШНИКОВ

Нам ли боятся холода
И вешать нос в тяжелую минуту?
Все мы — друзья биологи,
Мы гаврики пушного института.

Голодные, раздетые
И вечно безбилетные,
Всегда шагаем мы и напеваем мы.
Так жить гораздо веселей.

Припев:

Вместе друзья! Нам не страшны преграды!
Мы пушники!
На все нам наплевать, плевать, плевать ...
Двинуться рады мы
Через преграды все.
Вместе держись! Друзья нельзя унывать!
Унывать!

Только, весна настанет,
Как оживает и поёт природа.
Братцы, мы не отстанем,
Достоинно встретим это время года.
Коты орут влюбленные (Мя-а-а-а-у!!!)

А мы как зачумленные!
И улыбается весна-красавица,
И обещает много нам ...

Припев.

Только, за стол мы сядем,
Как нас манит уж запах винный.
Водка, утрой веселье!
Ведь этот факт, друзья,
Совсем невинный.
Мы вдрызг не напиваемся.
Мы просто похмеляемся.
Да так и быть должно —
Известно всем давно —
Вино на радость нам дано.

Припев.

ПЕСНЯ ОХОТОВЕДОВ

(Мелодия «Гоп со Смыком»)

Я родился где-то под забором!
Черти окрестили меня вором,
Эх, Дядька с рыжей (сивой) бородою
Окатил меня водою
И назвал меня охотоведом.

Граждане, послушайте меня,
Охотовед — профессия моя.
Ремеслом избрал охоту,
Исходил леса, болота,
И тайга скучает без меня.

Нам ППС — не папа и не мама,
Мы ему об этом скажем прямо.
Воспитала нас природа,
Нам нужна одна свобода,
Потому что все мы из ВООПа.

Нам не нужны пуховые перины
Над кроватью Шишкина картины,

Лишь была бы телогрейка,
Сапоги, да тюбетейка,
А в кармане спички да махорка.

Нам не нужны высокие хоромы,
Ванна, электричество и газ.
Мы в лесу живем не хуже,
Умываемся из лужи,
Полотенцем нам портянка служит.

А в Лосинке жили мы прекрасно!
Ночью заходить туда опасно,
Целый день сидим на пруде.
Ополаскиваем груди,
Потому, что мы лесные люди.

А кто не осушил цистерну водки,
Кто не изведал страсти звероводки.
Тот еще не знает рая,
Тот при жизни умирает.
Мы таких людишек презираем.
А если я и утону в болоте,

Иль медведь задавит на охоте,
Мне в раю найдется место,
Буду я начальник треста,
Что рога чертей заготовляет.

ДРУЗЬЯ НАМ СУДЬБА ПОВЕЛЕЛА

(Муз. К. Кривошапова. Слова Ан. Любимова)

Друзья нам судьба повелела
Вдали от привычных, забот
Шататься по топям и чащам без дела
И вязнуть в трясине болот.

Припев:

Далеко оставив всё знакомое,
От родного, близкого вдали
Выпьем за бродячих,

Не живущих дома,
Спящих, на соломе и в пыли.

А если тебе, друг, в дороге не спится,
А ночь за окном всё темней и темней,
Значит пора нам домой торопиться,
Чтобы увидеть друзей.

Привет.

МЫ ИДЕМ ПО УРУГВАЮ

Мы идем лесной тропею,
Ночь хоть выколи глаза.
Раздаются над толпою
Козодоя голоса.

Ночью нас никто не встретит,
Люди все давно уж спят.
Ясный месяц нам не светит,
Только звезды лишь блестят.

Мы идем толпою дружной,
Завтра станет путь светлей -
Сразу будет очень нужно
Провести учет лосей.

Нет воды, а ну и что же?
Воду можно заменить.
Водка тоже очень может
Нашу жажду утолить.

Водку пьем мы из бокалов,
Пьем из ведер и до дна,
Пьем из горлышка бутылок,
И довольны ей всегда.

Мы науку продвигаем,
Терпим стужу, ветер, зной,
Этих бед не замечаем,
Биология с тобой.

Если ты, биолог, значит
Ты не должен унывать,
Ты не должен ждать удачи,
Должен сам её создать.

Должен быть всегда ты смелым,
Встретив волка иль змею.
С ними действовать умело,
Коль не хочешь быть в раю.

Должен жить ты в симбиозе,
Дружбу делом укреплять.
При жаре и при морозе
Симбионту помогать.

Но окончится дорога.
Мы идем еще быстрее.
Вот уже мы у порога
Чтоб с утра тропить лосей.

КЛИЧ

БАНЗАЙ, ВООП!
БАНЗАЙ, ВООП!
БАНЗАЙ, ВООП!

УРА-А-А!!!

Часть 3

Статьи о ППСе по материалам прессы

Дедушка юннатов

А. Тараданкин

(Советская Россия, 1960, № 290)

«ППС». Эта три буквы мне не раз доводилось слышать в Центральном совете Всероссийского общества содействия охране природы и озеленению населенных пунктов. Называли их часто: заходил ли разговор об экскурсиях за город или Дне птиц, о делах юных натуралистов или научной дискуссии.

Что означают эти три буквы? Признаться, я думал, что это сокращенное название какой-то организации, принимающей живое участие в делах друзей природы. Но моя просьба расшифровать буквы вызвала улыбку:

— «ППС» — это Петр Петрович Смолин, — объяснила Мария Захаровна Мирианошвили, заведующая методическим бюро. — Давно уже, лет тридцать, называют его так меж собой московские натуралисты. Это большой знаток и любитель природы.

— Где его можно повидать?

— Петр Петрович работает экскурсоводом в Дарвиновском музее.. Но там вы не сможете с ним побеседовать. Попробуйте поймать Смолина... — И она стала перечислять: — В Московском клубе туристов, в Зоопарке, на семинаре орнитологов, в МГУ, в Зоомузее, в Мытищинском лесопарке, на станции юных натуралистов, а скорее всего на его «вторниках»...

Заметив мою растерянность, Мария Захаровна сжалась и дала домашний телефон Смолина:

— Звоните ему с половины восьмого до восьми. Только в эти полчаса вы и застанете его.

На следующее утро состоялся телефонный разговор:

— Прощу извинения, но увидеться с вами я смогу только на следующей неделе. В среду днем выберу свободный час.

Не ожидая, встречи, я решил подробнее узнать об

этом человеке. Оказывается, Петр Петрович был делегатом Первого Всероссийского съезда по охране природы, который состоялся в 1930 году. Но общественная деятельность его началась значительно раньше.

В трудном девятнадцатом году в Московском зоопарке появился кружок юных натуралистов. Руководил им молодой орнитолог Петр Смолин. Детвора к нему валила валом: уж очень много интересного было в кружке. Вот тогда ребята и окрестили своего руководителя «ППС».

Этот кружок был, по сути дела, родоначальником юннатского движения, которое приняло сейчас столь большие масштабы. Впоследствии с ребятами занимался профессор Петр Александрович Мантейфель, а Смолина назначили директором первой в стране школы юных натуралистов при детской биостанции в Сокольниках.

Московские натуралисты удивлялись, откуда у «ППСа» столько энергии. В течение дня он успевал побеседовать с ребятами в Зоопарке, пешком прийти в Сокольники, прочитать лекцию, встретиться с десятком людей. А в воскресенье — выходной день — Смолин, окруженный группой экскурсантов, обязательно выезжал за город — «поближе к природе».

Сейчас Петру Петровичу шестьдесят четвертый год. Но ничто не изменилось в его «уплотненном графике» дня. Он весь в работе. Смысл ее благороден: отдать свои знания людям, и в первую очередь молодежи, научить их любить и понимать природу.

— В этом все дело, — говорит Смолин. — Без глубокого познания природы нельзя ее умело охранять.

...Наше первое знакомство с Петром Петровичем состоялось в Московском областном педагогическом институте. Оставалось всего несколько минут до начала заседания кружка юных биологов. Эти заседания натуралисты называют «смолинскими вторниками».

Перед входом в аудиторию в кругу юношей и девушек стоял худощавый, небольшого роста человек. Ему задавали вопросы. Отвечал он легко, просто, с хорошей,

доброй улыбкой. Это и был Смолин.

— Заходите, друзья, пора, — посмотрев на часы, объявил он.

В зале собралось человек восемьдесят. Здесь были школьники старших классов, студенты. Они пришли сюда за знаниями.

На вторниках можно услышать лекции по микробиологии, ботанике, археологии, географии, зоологии. Выступают участники научных экспедиций, путешественники, селекционеры, юннаты.

Среди лекторов — виднейшие ученые-биологи. Как откажешь — ведь это «смолинские вторники». Петр Петрович основал их десять лет назад — сегодня отмечается юбилей, и ни разу за все это время они не срывались. Есть, впрочем, еще одна причина, почему ученые не могут отказать. Многие из них начинали свою деятельность при участии Смолина.

И сейчас эти крупные специалисты не теряют связи со своим учителем, с ним консультируются, советуются, приглашают его на ученые заседания.

Много, очень много знает Петр Петрович. Он рассказывает об экскурсиях и экспедициях, о повадках птиц и зверей, о том, какими новыми растениями пополнилась флора Подмосковья:

— Канадский мелколепестник?

Вы не слышали, как он к нам попал? О, это очень интересно...

И вдруг узнаешь историю о том, как двести лет назад из Канады во Францию привезли чучела американских птиц. Как одно чучело порвалось, и из него вывалились «летучки» мелколепестника, семена упали на землю, и растение пошло гулять по Европе. А потом забрело в Россию.

Вот почему так любят столичные туристы прогулки за город с Петром Петровичем. Сорвет он редкий цветок — и умолкнут попутчики, слушая замечательную историю. Крикнет в лесу птица — снова рассказ,..

Среди друзей природы о Смолине ходит много забавных рассказов. Вот один из них. Выпустили как-то новый учебник зоологии. Собрались на обсуждение.

Вдруг встает Смолин:

— В учебнике ошибка допущена. Взгляните на обложку. Белка на ней нарисована сумасшедшая.

И объяснил:

Ни одна нормальная белка шишку так в лапах не держит, а, как раз наоборот. Во-вторых, шишка эта пустая! А значит, ее умная белка даже в лапы не возьмет. Нельзя для ребят учебники с глупыми картинками выпускать!

Обложку пришлось переделать.

...Если когда-нибудь вам придется встретить поутру на вокзале пожилого человека в стареньком лыжном костюме, бодро вышагивающего впереди большой колонны туристов, смело становитесь в этот строй. Знайте, это смолинский выезд к природе. Вы получите истинное наслаждение от прогулки. Знакомые окрестности города покажутся вам еще красивее и дороже, потому что с вами будет «ППС».

Главный хранитель

Т. Громова

(Комсомольская правда, 1967, 6 января)

Когда он идет по лесу, кажется, все, что есть кругом, он сотворил, просто взял и вытряхнул из рукава своего немудреного ватника, улыбнулся добро и хитровато, потрогал смущенно свою белую бороду и сказал: живите, растите, радуйтесь. О птицах, зверье, растениях он знает все.

Имя этого человека — Петр Петрович Смолин. «ППС», как любовно называют его представители, можно сказать, всех поколений советской биологической науки.

Его жизнь не укладывается в обычные рамки ученой карьеры, в рамки степеней и званий. Блестящий, энциклопедически образованный ученый, биолог широкого профиля, эволюционист, всесведущий орнитолог. Автор

многих оригинальных исследований о пушном зверье, птицах (его многолетний труд о диких пернатых Москвы уникален), парнокопытных, летучих мышах, по генетике — исследований, которые давно широко применяются в народном хозяйстве. Уже этого хватило бы не на одну человеческую жизнь, но собственная его жизнь вместила неизмеримо больше.

Старый шкаф, стекла которого заклеены зеленой бумагой, особенно оберегаем в старомодной комнате. Тут самое большое богатство Петра Петровича Смолина — работы его учеников. Он руководил их первыми робкими опытами. Сегодня они во многом определяют судьбу советской биологической науки, работают практически во всех ее отраслях. Вот что говорит о Петре Петровиче один из его воспитанников С.К. Клумов:

«Если мне нужен совет, если я работаю над серьезной проблемой и захожу в тупик, я иду к Петру Петровичу. И всегда получаю помощь. Он предельно бескорыстен, он питает нас всех идеями».

Петр Петрович вот уже пятьдесят лет работает с юннатами. Одни вышли на орбиту большой науки, вторые — в пути, третьи делают свои первые шаги. У сегодняшних питомцев Смолина такая база, которой, пожалуй, нет ни у одного естественного факультета страны. В их распоряжении все биостанции страны.

Сегодня Петр Петрович Смолин — главный хранитель Дарвинского музея. С этим музеем и Московским зоопарком связана вся его жизнь.

В 1918 году сотрудник Наркомпроса Смолин участвует в подготовке декрета Советской власти о сохранении научных ценностей для народа. Он передает музею Дарвина редчайшие коллекции частных собраний. В срок первом — он ополченец, идет защищать Москву, проходит через всю войну и снова возвращается в музей. Он знает каждый экспонат, а их тысячи, в уникальной мировой коллекции.

Если вы встретите когда-нибудь в подмосковном лесу

невысокого старика с седой бородой, живыми, хитроватыми глазами, окруженного толпой ребятишек, то знайте — это Петр Петрович Смолин. Ученый, учитель, человек редкого таланта и бескорыстия.

«ЖАВОРОНКИ ПОЮТ... В МУЗЕЕ»

А. Филатов

(перевод статьи из журнала «Soviet Land» № 17, 1967)

Увиденное мной было настолько неожиданным, что я даже забыл о цели моего визита в Дарвиновский музей. На шкафу в левом части зала находилась большая клетка с серой галкой. Птица вспрыгнула на толстую перекладину. Затем она проскакала своей характерной походкой по полу клетки, проверяя клювом прочность металлических прутьев и поднимая шум голубым пластмассовым мячом. Внезапно откуда-то из глубины зала сверху раздалось чистое пение жаворонка. Он распевал в тишине музея с таким вдохновением, как будто под ним был не обычный пол учреждения, а расстился зеленый ковер ржаного поля, согретого весенним солнцем. Песня одного жаворонка была подхвачена другим.

Петр Смолин, главный хранитель Дарвиновского музея безмолвствовал, пока мы слушали жаворонков.

«Вы только представьте себе, экзаменатор спрашивает студентку — как дышит муха?» — сказал он, стараясь сдержать смех.

«А она отвечает — ртом и отчасти также носом».

«Другая студентка-первокурсница всерьез утверждала, что муха ходит на двух ногах. К счастью, такие ответы редки. Однако, как единичные случаи, они встречаются. Считается большим грехом для студента быть незнакомым с литературой. Но, когда у него отсутствуют элементарные биологические знания, в этом не видят ничего необычного. На ваш вопрос о целях, преследуемых Дарвиновским музеем, и о нашей работе можно ответить

следующим образом: способствовать исчезновению анекдотических представлений о «мухе на двух ногах». Мы располагаем всеми возможностями для достижения этой цели».

Несколько позже я смог оценить эти возможности, когда главный хранитель провел меня через владения его Дворца Естественных Наук.

В течение пятидесяти лет своей работы в Музее Смоленск досконально изучил Музей и может говорить о каждом экспонате часами, хотя их насчитывается здесь более 70 000. Смоленск-биолог, обладающий прекрасным знанием биологии и всех ее родственных ветвей: ботаники, зоологии, науки о разведении пушных зверей, организации музейного дела, организации зоопарков, исследовательских и экспедиционных работ и т.д.

Смолин, ведущий советский орнитолог, человек, который без какого-либо преувеличения знает птиц всего мира, ни в малейшей степени не может считаться «книжным червем». Он прежде всего — страстный пропагандист науки, невероятный жизнелюб. Он — воспитатель молодежи. У Смолина сотни последователей, среди которых более дюжины крупных ученых.

Кружок юных биологов действует в Дарвиновском Музее более 17 лет. В нем состоят около ста молодых людей. Все они работают под руководством Смолина.

«Это молодые люди со склонностями к биологии» — замечает Смолин. «Девизом нашего кружка служат слова К. Тимирязева, великого русского натуралиста: «Немного обо всем и все о немногом». Что под этим подразумевается? Каждую весну Биологический факультет Московского университета организует олимпиады для школьников по десяти подразделениям зоологии и ботаники. В нашем кружке в течение всего года мы ведем работу по разным вопросам биологии. Эти занятия готовят молодежь к олимпиаде, которая представляет собой как бы кульминационную точку деятельности кружка. Таким образом, мы проводим в жизнь первую часть формулы — «все о не-

многом». В области зоологии, например, наши занятия охватывают общепринятые подразделения — млекопитающих, птиц, рыб, насекомых и других беспозвоночных. Кружковцы получают необходимый минимум знаний по всем этим группам животных.

«Что же касается второй половины формулы», — продолжает Смолин — «члены кружка выезжают каждое лето для практической работы в колхозы, совхозы и на биологические станции, где они получают возможность «изучить все о немногом». Таким образом, летняя работа сообщает глубину знаниям, приобретенным ранее членами кружка, тогда как зимой эти знания расширяются».

Контакты, установленные молодежью со Смолиным, представляют как бы экспериментальную школу. Каждое воскресенье юные биологи со своим учителем едут за город — в лес, на поля, к озерам. Перед ними раскрывается широкий мир природы с бесчисленными замечательными тайнами.

Станция Крюково располагается от Москвы на расстоянии менее 40 километров. Некогда вблизи этой станции героические защитники Москвы вели ожесточенные бои с нацистскими ордами. Всегда будет напоминать народу об этих событиях обелиск в центре Крюково. И воспитанники Смолина также помнят это, но кружковская молодежь знает также и о других вещах, например, о том, что в настоящее время близ Крюково водится 74 вида птиц. Во время одной из таких экскурсий молодые люди обнаружили тех самых жаворонков, которые сейчас избрали музей своим жилищем. Я уверен, что далеко не каждый знает, что «голос» обыкновенной жабы напоминает тонкое пение птиц, однако ученикам Смолина это давно известно.

По мнению этих молодых людей, нет никого, кто знал бы такое множество интересных и в то же время очень серьезных историй о животных, как Смолин. Вот, например, одна из таких историй, о буденновском медведе.

«В годы Гражданской войны в Первой Конной армии,

которой командовал Семен Буденный, жил медвежонок, баловень конармейцев. Каждый из них кормил и ласкал его. Животное привыкло к людям. Медвежонок передвигался с армией и стал совершенно ручным. Постепенно он рос. Не было случая, чтобы медведь оставался позади во время сражений. Однажды часть отступила, и медведь долго бродил в одиночестве. Некому было дать ему напиться. Когда жажда у него стала сильной, он вышел на дорогу, взял в плен прохожего и потащил его к колодцу. «Как мне здесь поблизости напиться?» Когда узнали о таких выходках медведя, ему повесили на шею дощечку с надписью: «Не бойтесь, медведь ручной. Делайте все, что он просит».

Когда медведь вырос, его доставили в Московский Зоопарк. В это время я там работал. У медведя в Зоопарке произошло много разных инцидентов, в том числе и лично со мной. Как-то медведь воспылал нежностью к моему шарфу, захватил его своими когтистыми лапами и чуть не задушил меня. Освободиться из его объятий оказалось очень трудно».

Дарвиновский музей, важный государственный культурно-воспитательный институт, обладает огромной и часто уникальной коллекцией, освещающей проблемы изменчивости пушных зверей, отечественных и экзотических животных. В нем сосредоточены материалы по истории эволюционного учения и лучшие образцы анималистических картин и скульптур.

Музей открыт для публики. Совместно с Александром Котсом, основателем Музея, Смолин провел большую работу по сохранению и централизации наиболее ценных частных коллекций непосредственно после Октябрьской Революции. Сейчас в Дарвиновском музее находятся уникальные и лучшие в мире коллекции по классической генетике, не менее уникальная библиотека и лучшие в Европе орнитологическая и энтомологическая коллекции.

Как бы подтверждая эти слова, Смолин продемонстрировал мне коллекцию «райских птиц». Действитель-

но, если бы существовал рай, эти фантастические птицы с их чрезвычайно красочным оперением несомненно должны были бы там обитать. Однако мне пришлось увидеть нечто еще более изумительное. Смолин включил юпитер и подошел к витрине, которая все время оставалась закрытой. Там была замечательная коллекция колибри. Оперение колибри обычно сравнивают с экзотическими цветами. Но то, что я увидел, было похоже на драгоценные камни. Как и у самоцветов, перья этих птиц отражали гамму оттенков изумруда — небесно лазурные и багрово-фиолетовые тона. Я был просто очарован. Смолин с доброй улыбкой волшебника, доставляющего удовольствие, как себе, так и другим, просто взглянул на меня.

Таким я всегда теперь помню главного хранителя Дарвиновского музея.

Природа и дети

К. Кожевникова

(Комсомольская правда, 1968, №50, 29 февраля)

Географам у нас трудно. Каждый год — новый поселок или новый город. Значит, снова перекраивай карту. Вот и таежная глушь перерезана дорогами, наполнена грохотом машин, и на заброшенных островах строятся все те же знакомые нам по московским окраинам малогабаритные дома. Вчерашние жители глухомани становятся горожанами.

На земле все больше строений, они теснят леса, степи. И все это так же естественно, как снега зимой, как теплые летние дожди, как осеннее ненастье.

Но дело сейчас не в этом. Мы должны быть бдительны по отношению... к самим себе.

Природа — не просто здоровье людей, отдохновение души, гуманистическое начало жизни, это и сама жизнь, суровый вопрос нашего существования на планете. Должны прийти уже не просто любители природы, но и люди,

знающие ее законы, которые будут настойчиво прорубать твердь сложной науки — биологии.

Биология — тоже призвание. Как страсть летать, строить корабли, сочинять музыку. У одних она просыпается рано, у других поздно. Одни проносят ее через всю жизнь, у других она гаснет еще в детские годы. Кто скажет, сколько талантливых естествоиспытателей занимаются совсем другим делом, не подозревая, что в них теплится искра, которой, увы, уже не разгореться в яркое пламя?

Как разглядеть эту искру, раздуть ее? Как вообще выявлять и воспитывать будущих биологов и природоведов? Так, как воспитывают, например, юных художников, музыкантов, математиков.

Природа и дети... Именно сейчас важно это соседство, это содружество, важно для настоящего, для будущего.

Я познакомилась с человеком, обладающим удивительным даром завораживать ребят природой. Мы встретились с ним в Дарвиновском музее, уголке, совершенно необычном для большого города. Здесь чучела слона, жирафы, зебры, австралийского утконоса, гориллы, наших сибирских соболей и много разных разностей. Птичий зал горит радугой. Пернатые со всех континентов. В шкафах уже какой десяток лет драгоценными камнями переливаются крохотные колибри.

Все эти сокровища мне показывал главный хранитель музея Петр Петрович Смолин. Высвечивал переносной лампочкой крошек-колибри, и, когда они вспыхивала под лучами розовым, зеленым, голубым оперением, я невольно ахала от неожиданности, а он радовался, как мальчишка. Ему более семидесяти. А он бежал со мной по музею, словно школьник, и курточка на нем такая, какие носят подростки. Иногда мне казалось, что это и в самом деле паренек, приклеивший себе на потеху белую бороду.

Прошло первое ослепление яркостью колибри. И все оказалось сложнее, суровее, будничнее. В наших лесах водятся не экзотические птички, а весьма скромные перна-

тые. Детей же, оказывается, можно увлечь и такими непоэтическими тварями, как лягушки, летучие мыши...

И занимается этим Петр Петрович уже лет сорок. Рядом с музейной работой все время соседствует в его жизни кружок юннатов. Не какой-то там заурядный кружок, а особый, смолинский. Бывшие его питомцы — ботаники, орнитологи, океанологи, генетики, биохимики... Кандидаты, доктора наук, преподаватели биологии, путешественники — охотники за растениями, бабочками... Частенько собираются эти люди с учеными званиями и без оных, седовласые, середнячки, молодые, совсем юные школяры, целуются с Петром Петровичем, которого зовут в своем кругу — ППС, делятся новостями.

Этот холодный и мрачный по вечерам музейный зал со зверьем, скалящим из-за стеклянных витрин свирепые зубы, превращается в своеобразный клуб, где встретились люди, объединенные одним делом, одними интересами, наконец, одним человеком. Как знать, если бы не Петр Петрович, все ли они пошли бы в биологию?

А он так и сияет своей улыбкой. Я вижу, что это то полное человеческое счастье, ради которого стоит жить на свете. И я начинаю завидовать всем им, потому что никогда не бродила с ППСом, как все они, по лесам, по долам, не слушала его рассказов о птицах, о травах, о мире, нас окружающем, который так хитро и надежно охраняет свои тайны.

Петр Петрович снует меж всеми и чаще других задает такой вопрос:

— Сколько твоему сыну (или дочери)? Уже девять? Пора, пора, мой друг, приводи ко мне, а то опоздаешь... Вот так и собирает он вокруг себя ребятешек, открывает им чудеса, а они рядом — протяни лишь руку, да только не каждому доступны.

Большую часть своей жизни этот человек прожил в центре Москвы, в большом каменном доме с мрачным двором. Но эта квартира, заставленная книгами, всегда была чем-то вроде бивуака для бродяги-натуралиста. Он

только отдыхал в ней после путешествий или готовился к новым. До сих пор почти каждое воскресенье (только чрезвычайное дело может помешать этому) ходит он по окрестностям Москвы. Километров двадцать — двадцать пять для него пока еще сущие пустяки.

Как и с чего все началось?

То были годы, когда народ получил в свои руки из частных владений несметнейшие природные богатства, которыми необходимо было распорядиться разумно, использовать себе во благо. Сделать это могли люди, наделенные не только любовью к природе, но и точными знаниями о ней. Вот почему в первые же годы власти Советов началась великая тяга людей к природоведению. Среди молодежи она вылилась в особое движение — юннатов. Юные натуралисты. Если перелистать подшивки газет тех лет, то, пожалуй, не найти и дня, чтобы печать не общала о них. Юннатство, как движение общественное, поднялось до значения государственной необходимости, и у истоков его стоял один из зачинателей Петр Петрович Смолин.

Людей, много знающих людей — вот чего требовала жизнь в первую очередь. При Московском зоопарке родился первый кружок юннатов. Одним из его руководителей был Смолин. И это была такая сила, которая не отпустила его на всю жизнь, сделала, собственно, эту жизнь такой, какая она есть.

Потом Сокольническая станция юных натуралистов — уже настоящая школа по подготовке будущих студентов-естественников. Это было удивительное содружество ребят и их руководителей. Была коммуна, общая денежная копилка, общежитие. Самоуправление. Полная самостоятельность юннатов. Полное доверие им. Здесь-то и родилась «метода» Петра Петровича. Вовсе не случайно, что родилась она именно тогда, в двадцатые годы, годы революционного подъема, уважения к человеческой личности.

Когда я была недавно на занятиях нынешнего круж-

ка, меня, признаться, несколько удивило одно обстоятельство. Старательные пятиклассники делали свои доклады о короедах и разных других жучках, старшие же ребята шумели на задних скамьях, занимались своими делами. А что же Петр Петрович? Он будто и не замечал всего этого. Иногда только скосит глаз в их сторону — те ненадолго приутихнут.

— Ну как? — спросил он меня после занятий.

Я пожаловалась, что трудно было слушать. Петр Петрович рассмеялся:

— Что, дисциплинки не хватает?.. Так ведь тут не класс, а кружок. Они в классе сыты по горло и зубрежкой, и дисциплиной. А творчество требует свободы действий. Какая же будет свобода, если начнутся окрики: это нельзя, то воспрещается. Творчество всегда дается человеку яркому, не обструганному по шаблону. Был у меня шалопай один. Все думал: может, выгнать? Не выгнал. Сейчас он руководит высокогорной биостанцией на Тянь-Шане... Да, с ними трудно. Чтобы их заинтересовать и при этом не подавлять индивидуальность, тут уж надо выкладываться...

И он выкладывался, отдавал все, что знал, что имел, был для ребят не строгим наставником, а просто старшим товарищем, легким на подъем, неприхотливым к обстановке...

Тот первый период юннатского движения, когда оно охватило страну, был очень плодотворным. Юные натуралисты не только учились любить и понимать природу, они были рядом с учеными, стояли близко ко многим открытиям, поистине удивительным. У меня нет возможности сейчас составить каталог их — он был бы очень велик. Только ради иллюстрации назову одну из серьезных работ, которая велась в Московском зоопарке Петром Александровичем Мантейфелем, Смолиным и другими.

Ученые бились над одной труднейшей проблемой: как одомашнить самого ценного пушного зверька, который живет только в сибирских лесах и удивляет всех

на международных аукционах своим великолепным мехом, — пугливого соболя? Еще до революции купцы Нижегородской ярмарки заговорили о запрете охоты на дикого соболя — зверька нещадно истребляли. Уральские промышленники получили когда-то приплод соболей в неволе и хвастались удачей. Но потом оказалось, что просто самку поймали беременной. Уже много позже стало ясно — она носит в себе плод... девять месяцев. Мудрая природа затормаживает естественный процесс в зависимости от проблемы питания детенышей.

Все эти и многие другие тонкости из жизни соболя выяснились в Московском зоопарке. И вот впервые в истории родились в неволе два уродца-соболенка: трехногий самец и самка, не блещущая внешними данными, по кличке Кривой Зуб, Они-то и есть родоначальники новой соболиной династии. Теперь зверьки отменно себя чувствуют на наших обыкновенных зверофермах. И плодятся и удивляют людей своим редкостным мехом.

Я слушала рассказы Петра Петровича о грандиозности юннатского движения тех лет и думала о том, как нужен был этот хорошо организованный биологический ликбез, когда человек стал хозяином природы, когда в его руках оказались несметные ее сокровища. Но станция в Сокольниках, конечно, была сложнее простого ликбеза. Здесь всерьез занимались наукой. Отсюда уходили люди в вузы, становились учеными, звероводами, селекционерами.

Биология — наука, изучающая законы природы, никогда, однако, не была местом отдохновения. Более того, она стала у нас ареной жарких схваток между истинным и ложным, между творчеством и грубой подтасовкой фактов. Слишком близко стоит она к жизни насущной. Слишком много зависит от нее в этой жизни.

Переживало кризис и юннатское движение. Постепенно глохли яркие костерки. На смену творчеству приходила бездумная зубрежка. В иных школах юннатство превратили в некую принудилровку. «Дети, не забывайте

поливать цветы, ведь вы юные натуралисты» — скажет учительница первоклассникам. Девочки-отличницы класса до четвертого еще как-то выполняли эти свои обязанности: цветочки, горшочки, хотя это и не прибавляло им знаний. А мальчишки постарше уже просто могли этими горшками поиграть в футбол...

На биологические факультеты шли в основном неудачники, те, кто проваливался или знал заранее, что провалится в серьезном техническом вузе.

Трудно было сохранить Петру Петровичу свою гвардию. Но он знал: надо сохранить для будущего и надо находить новых. Ведь пробьет же, наконец, час.

А как находить, если каждый уважающий себя школьник мечтал стать летчиком, или инженером, или физиком. Кем угодно, только не биологом. Водит Петр Петрович экскурсию по музею, смотрит иногда — мальчонка поотстал и тихо, чтобы не слышали дружки, говорит:

- Можно мне в ваш кружок?
- А чего ж таишься от всех?
- Ребята смеяться будут...

Выручали династии «биологических» семей. Если уж папа или мама были когда-то питомцами ППСа, они непременно потом пришлют к нему своих отпрысков. Теперь-то у него уже есть и юннатские внуки.

Дождалась своего часа биология. Истинная генетика праздновала победу. Первокурсники с благоговением произносили имя Николая Ивановича Вавилова.

Биология стала «модной» наукой. На биофаках — конкурсы больше, чем во ВГИКе. «Куда пошла ваша дочь? На биофак? Боже мой, как это интересно...»

Но биология — не пиджак в полоску. И на вступительных экзаменах молодежь показывала свое потрясающее невежество.

— Что вы знаете о ланцетнике? — спрашивает экзаменатор.

- Я о таком ученом не слышала, — отвечает девица,

которая не хочет отстать от других.

Шли на биофак и серьезные люди, хотя и чувствовали свою полную неосведомленность в будущей профессии. И среди них питомцы Петра Петровича радовали своими неожиданными познаниями. Сейчас на биологических олимпиадах в МГУ они неизменные призеры. Им завидуют даже те, кто уже заканчивает университет.

Природоведение — именно так можно назвать науку, которой овладевают ребята в кружке Петра Петровича. Это то самое звено в общей цепи, которое позволяет увидеть сразу всю мастерскую природы. А там уж выбирай, что по вкусу. Ведь биология — многоотраслевая наука. Каждый специализируется на своем. Тут масса ответвлений. Нужно углубиться в свою отрасль. Иной уже стал и кандидатом и доктором наук, прекрасно изучил свою специальность, но, странно, мало знает природу в целом. А Петр Петрович делает из ребят природоведов.

— Я стараюсь дать детям понемногу обо всем и по возможности все о немногом.

И это, собственно, можно назвать квинтэссенцией его метода. Он ведет ребят в лес, в поле, в луга, и там — не по книжкам, не по иссушенным гербариям, не по музейным чучелам, а на живой природе — учит их познавать ее. Начинает с простого: какие птицы живут в наших лесах, когда улетают они в дальние края, какие растения цветут в мае, а какие в сентябре. Потом эти экскурсии все усложняются. И все это без пустых ахов и охов, без ненужных нравоучений: «Дети, природу надо любить и беречь». Любовь приходит не сразу, но навсегда.

Это «понемногу обо всем» и дает ребятам ту самую природоведческую закваску, которая делает их потом людьми с широкими познаниями во многих областях биологии, а не только в той, что они потом выберут себе. И сам Петр Петрович — природовед, необычайно эрудированный, хотя любимый его предмет орнитология, а точнее — жизнь наших подмосковных птиц.

Все о немногом — это летние экспедиции юннатов в

заповедники и на биостанции. Петр Петрович дает каждому конкретное задание: изучи жизнь овсянки... Я слушала доклад одной девочки о летучих мышах, о том, как она искала летом этих мышей на старой колокольне, на верандах брошенных домов, как живут их колонии. Честное слово, это очень увлекательно! Был у Петра Петровича мальчик Женя Панов. Посоветовал он ему заняться скромным болотным куличком. Недавно орнитолог Евгений Панов прислал Смолину из Новосибирска свою кандидатскую диссертацию.

Итак, драгоценный опыт старого природоведа подсказывает нам: понемногу обо всем, все о немногом. Это значит — как можно шире охват, чтобы вся сокровищница природы была как на ладони. И мы не имеем права пренебрегать драгоценным опытом прошлого. Мне приходилось слышать, как даже крупные ученые произносили слово «юннат» с иронией. Да, кружки юннатов измельчали, из них выхолостили главное — творческое начало. Но важен не термин, а тот великий изначальный смысл — широкое и всеобщее биологическое образование. Оно нужно не только тем, кто пойдет в науку, но и будущему сталевару, строителю, химику и многим другим профессиям, чтобы в понятие «культура» входила и искренняя любовь к природе. Тогда не поднимется рука без нужды срубить березку. Каждый сбережет по деревцу — для потомства сохранится лес.

Биологический ликбез. На новой современной основе. Не цветочки с горшочками, а сама природа, вся ее ширь, неповторимость — вот аудитория. И такие люди, как Петр Петрович, их усилия, их опыт. Бывший питомец Смолина Алексей Иванович Быхов, преподаватель биологии в московской 636-й школе, уже использует и развивает этот опыт.

И не просто об охране природы надо говорить сейчас, а, может, о создании крупного биологического центра, который бы изучал, регулировал природные ресурсы при помощи нынешних достижений науки, направлял и

контролировал действия человека, ответственного за ценности окружающего мира.

Природа и дети. Это может начаться с малого. Привязанность к ежику в живом уголке или розовые колибри, увиденные в музее. Или встреча с человеком, подобным Петру Петровичу Смолину. А станет серьезным делом и поиском на всю жизнь, и борьбой. Она продолжается.

Лесной волшебник

Андрей Калецкий

(журнал «Охота и охотничье хозяйство», 1968, №6)

Когда идешь с ним по лесу, то кажется, что находишься с добрым сказочным Берендеем среди его владений. Этому человеку известно все, начиная от самых крошечных насекомых, кончая лосями, дельфинами и тиграми. Пожалуй, не найдется растения, которому бы он тут же на месте не дал верного названия. Он досконально знает все группы беспозвоночных, а с богатейшим животным миром тропической Африки, Мадагаскара, Южной Америки знаком не менее эрудированного в этой области профессора. Он дал путевки в жизнь десяткам тысяч мальчишек и девчонок, привил им любовь к родной природе, заронил в их сознание драгоценное и беспокойное слово «почему»...

Кто же этот волшебник, в стеганом ватнике, с белой бородой, энциклопедических знаний которого хватило бы на дюжину биологических, географических и педагогических диссертаций? Это Петр Петрович Смолин, или «ППС», как его любовно называют и маститые профессора — первые его ученики, и нынешние юннаты.

Для одних знакомство с природой сорок с лишним лет назад, для других — первый воскресный поход в лес на прошлой неделе явились откровением, С широко раскрытыми глазами слушали они дивную сказку-быль о пернатых и четвероногих обитателях леса. Слушали и с каждым разом, незаметно для себя, заряжались энерги-

ей, здоровым любопытством и, конечно, знаниями. Знаниями, которыми Петр Петрович щедро и бескорыстно делится на протяжении вот уже более пятидесяти лет со всеми, кто к нему обращается.

Этот человек обладает необыкновенным даром лектора, пламенного пропагандиста, умеющего привлечь внимание любой аудитории, убедить слушателей в важности излагаемого. Его лекции, беседы в полевых условиях «на ходу» запоминаются на всю жизнь. Двадцать пять лет назад он впервые приоткрыл передо мной, девятилетним мальчуганом, лесные тайны. Прошло четверть века, но когда я прихожу в уютную комнатку на Зубовской, то по-прежнему учусь умению мыслить, сопоставлять, синтезировать. И еще учусь доброте. Нет, ему не свойственна сладенькая доброта келейного старичка — ему присуща настоящая, человеческая гуманность.

Петр Петрович часто вспоминает один эпизод, в его переулке подкармливали сизых голубей. Однажды к подкормочной площадке подбежал малыш и стал швырять в птиц камни. Стоящая рядом мамаша улыбалась. Проходивший мимо Петр Петрович спокойно сказал: «Сейчас бросает в птиц, вовремя не остановите — будет бросать и в вас». «Ерунда» — последовал ответ. Прошло пятнадцать лет. Предсказание оправдалось. Подросший «шалунишка» избил мать, соседей и отбыл в места заключения.

Что касается нестареющего авторитета «ППСа» среди зоологов всех возрастов, то по этому поводу очень метко сказал один из первых его учеников, известный теперь ученый, профессор Александр Петрович Кузякин: «Из практики школ известно, что когда воспитанник перерастает своего учителя по знаниям и положению, то связи между «ними заметно ослабевают. Но ослабление связей и степени уважения к Петру Петровичу не происходит и, видимо, потому, что перерасти его невозможно».

Каковы же основные этапы большого и чрезвычайно интересного жизненного пути этого человека? В 1914 г. семнадцатилетний юноша поступает в Московский

университет, окончить который ему не удалось, так как в 1916 г. его призывают на военную службу. В 1917 г. на Румынском фронте прапорщик Смолин избирается председателем полкового комитета. С 1918 по 1924 г. он работает в научном отделе Наркомпроса, читает лекции в Академии коммунистического воспитания.

Петр Петрович был соавтором первого декрета Советской власти об охране природы, подписанного В.И. Лениным. Еще в дни своей молодости Петр Смолин пришел к твердому убеждению — построение нового общества немислимо без благотворного воздействия на сознание людей с самого раннего возраста. На всю жизнь он связывает себя с юннатским движением, значение которого трудно переоценить. Пятьдесят лет назад в 1918 г. по инициативе В.В. Всесвятского и П.П. Смолина впервые в нашей стране проводился День птиц. Этот гуманный, солнечный праздник детей с тех пор отмечается каждую весну, тысячи школ стали его участниками.

В 1924 г. Петр Петрович принимает активное участие в организации опытной специализированной школы при Центральной биологической станции им. К.А. Тимирязева, а затем становится ее заведующим. Наряду с общеобразовательной программой в школе изучалась биология по усложненной, расширенной программе. Это была школа нового типа, направленная на ускоренную подготовку квалифицированных кадров.

Работой П.П. Смолина по руководству опытной школой интересовалась Надежда Константиновна Крупская. Она придавала такому типу школ большое значение, неоднократно посещала школу, знакомилась с ее работой. Почти все выпускники школы получили высшее образование, многие стали кандидатами и докторами наук. Но нашлись люди, которые большое, и важное дело специализации средней школы, начатое П.П. Смолиным еще в середине двадцатых годов, затормозили на долгие годы. Только спустя десятилетия вновь стали создаваться средние учебные заведения такого типа. По инициативе ака-

демика Соболева в Новосибирске была открыта школа с математическим уклоном. Сейчас аналогичных школ различного профиля уже довольно много.

Первую половину тридцатых годов Петр Петрович посвятил изучению охотничьего промысла Арктики. На ледоколе «Русанов» он совершает интереснейший круговой маршрут; Архангельск — Колгуев — Югорский Шар — Вайгач — Новая Земля — Мурманск. С 1935 г. Смолин руководит научной работой Крымского государственного заповедника.

В самые первые дни Великой Отечественной войны Петр Петрович уходит добровольцем в народное ополчение, а позднее находится в рядах действующей армии Западного фронта. Заканчивает он военную службу уже после окончания войны. Последние двадцать лет Петр Петрович Смолин работает в Дарвинском музее, являясь хранителем его уникальных ценностей.

С раннего утра и до позднего вечера в квартире «ППСа» раздаются телефонные звонки, к нему приходят юннаты и взрослые люди, делятся своими мыслями, спрашивают совета. И каждое воскресенье, а часто и с субботы на воскресенье — выезд с ребятами в лес. Знаменитые «смолинские походы» не откладываются ни при какой погоде. Ибо при любой погоде — в жару, холод, пургу и метель — природа по-своему интересна, она всякий раз раскрывает свои секреты доброму волшебнику, волшебнику, который живет среди нас.

Хранитель музея

С. Макаров

(«Московский комсомолец», 11 декабря 1969 г.)

Этот старик живет неслышно и медленно, но всё равно лет накопилось много — уже на восьмой десяток. Его ровесники и те, кто родился потом, тратили отпущенные им дни и годы быстрее и даже, возможно, ярче. Он тоже мог, но он понимал, что расход времени идет сам по себе,

независимо от человека и его нельзя сэкономить, чтобы создать запас на завтра. К тому же дело, которому он служил, торопливости не терпело, но требовало любви и долгой верности.

Так крестьянин, выйдя с весны на пашню, не может бежать вскачь до осени, а должен терпеливо работать и ждать неизвестного урожая. И не зависит: удастся ли жатва или все погорит, — годы проходят, их не вернешь, как напрасно потерянных.

Итак, ему — на восьмой десяток. В таком возрасте, утомившись от дальней дороги, люди живут на привязи памяти и хотят найти следы урожая, который растили. А он еще бодр и уходить с поля не намерен: у него много работы, и осень его далека.

Петр Петрович Смолин, согласно штатному расписанию, состоит на службе в качестве главного хранителя едва ли не самого богатого в мире Дарвиновского музея. В здешних запасниках есть редкие экспонаты таких зверей и птиц, которых уже нигде не встретишь: кипучей деловитостью человека они окончательно истреблены, и на земле их больше не существует.

Смолин всегда томился при виде скудных остатков неуцелевшей природы, и от сильного чувства жалости в нем постепенно укрепилась любовь ко всему живому. В любых обстоятельствах он оставался верным себе: даже на военной службе в карманах шинели постоянно копошились мелкие птицы и зверята.

Через год после революции, став сотрудником Московского зоопарка, Петр Петрович получил задание спасти его обитателей от голодной смерти. В те времена, когда и людям-то нечего было есть, а горсть овса выдавалась как праздничный гостинец, эта задача оказалась нелегкой.

Он забыл, как сам тогда выжил, но своим человеческим сердцем жалел бессловесное звериное стадо и не мог работать плохо.

Куда он ездил, к кому обращался и как удавалось до-

бывать позабытое мясо, зерно и зелень — неразгаданная тайна, однако население зоосада выжило без потерь... Несмышленные поколения молодых москвичей и окрестных пригородов и поныне находят в зоопарке первые радости, узнавая известных по сказкам смешных зайчат, лисицу и косолапого медведя. Выходит, этот человек незримо стоял у нашего детства, только все случилось давно, и никто его не запомнил. Лишь много спустя в документе о Смолене напишут: «С первых дней Советской власти он активно работал по спасению национальных научных и культурных ценностей».

На любых исторических поворотах каждая колея важная. Страна избавлялась от разрухи и нищеты. Сильные, выносливые люди ковали и строили новую жизнь — все на виду, на стремнине событий, а Смолин, интересуясь запасами пушнины в Арктике, пропал в глухом неслышном Севере среди льдов и морозов: обследовал Югорский Шар, Вайгач, Колгуев. Затем создавал под Архангельском краевую биологическую станцию.

В те годы республика купила за границей болотно-го зверька — ондатру. Ожидали скорой выгоды, а вышла промашка. Пошли разговоры: дескать, угробили народные деньги и что кто-то должен понести ответственность.

Смолин был ни при чем, а только, как человек ко всему справедливый, не захотел, чтобы чужие усилия и надежды пропадали напрасно. Написав подробную бумагу, он разобрал, почему заморская гостья не хотела давать большого потомства. Суть в том, что на родине, в Америке, она лучше всего себя чувствует южнее штата Нью-Йорк, что соответствует примерно широте Крыма, а вовсе не Воркуты. Вскоре ондатру переселили в Среднюю Азию.

Кстати, в русском балансе заготовок пушнины первое место веками занимала белка, несколько лет назад ее вытеснила ондатра: после исправленной ошибки она прижилась и повсеместно распространилась.

Для полноты и верного понимания смолинской био-

графии еще добавлю: он был соавтором Декрета о природе, а на I Всероссийском съезде юннатов избран методистом Центрального бюро юных натуралистов при ЦК ВЛКСМ.

У Вадима Шефнера есть красивые и грустные строчки, похожие на упрек:

Природа неслышно уходит от нас.
Уходит, как девочка с праздника взрослых.
Уходит. Никто ей вдогонку не послан.
Стыдливо и молча уходит от нас.

Поэт прав: нам всем не хватает понимания природы.

Горожане, окруженные, моторами и камнем, берегут хилые, изрядно затоптанные газоны. Уместно когда-то писал Пришвин: «А попробуй-ка сруби вот эту липу на улице Горького. Да ведь это почти что убить, за это будут судить, и за дерево человек будет отвечать, почти как если человека убил». Оно и понятно: кому же хочется жить в костюме из асфальта.

А за городской чертой мы себя ведем откровенно безграмотно, как непричастные к своей стране.

Объясняя причины, Смолин рассуждает так. Культура и знания, накопленные человечеством, не позволяют нормальным людям топить печь книгами: в школе нам помогли узнать Пушкина, Тургенева, Толстого, а через них мы полюбили всю литературу. Другое дело — биология. В отличие от иных наук она ютилась на задворках школьного образования, и наша память в лучшем варианте сохранила «образ» окуня в разрезе да изъеденного молью (до сих пор хочется помыть руки) чучела крота. В итоге природы человек не знает. А не зная, чего же любить и как беречь? Вот почему нужна пропаганда среди населения природоведения.

Давно замечено: деятельность талантливых людей не уместается в пределы их официальной должности. Имея колоссальные знания и редкий опыт, Петр Петрович считает долгом помочь другим удивиться природе.

Однажды вместе с туристической группой человек в полтора года, мне пришлось рядом с ним провести целый день, мы шли порожними полями и неприбранным осенним лесом. Школьники, домохозяйки, конструкторы, врачи, студенты — все чувствовали себя детьми и хотели получить ответ на свое законное любопытство. Он отвечал подробно, и группа затихала, будто ей вслух читали детектив, а он говорил о травах, цветах, приметах погоды — многие записывали, стараясь не забыть его слов о предметах простых, но скрытых незнанием. Ничего подобного я прежде не слышал.

Позже в музее мне показали смолинское расписание на его нерабочее время недели: биологические вечера, беседы о природе Подмосковья, специальные занятия с теми, кто готовится в институт, — ни одного свободного вечера.

— Это единственный человек в Москве, кто ведет настоящую натуралистическую работу с молодежью. Кроме обычного удивления, он дает стремление узнавать дальше, — говорит бывшая смолинская воспитанница, ныне научный сотрудник музея Валя Муцетони.

А Саша Раутиан, студент педагогического института, сказал:

— В кружке у Пэпээса (так они зовут Смолина) мы научились жить среди людей.

Не имея высшего образования, Смолин давно бы мог защитить любую диссертацию — знаний и способностей хватит на десятерых. Не хочет: живая работа с живыми людьми ему дороже. И если из кружка выросло 15 докторов и более 100 доцентов и кандидатов биологических наук, значит, его система что-нибудь да значит. Ученики предлагали поставить его фамилию как соавтора статей и книг — отказывается. Ему достаточно, что он — старатель, а питомцы, идущие в науку, — чистое золото от его трудов. Да еще сотни тех людей, которые нашли другое занятие, кроме биологии, но после общения с ним остались безвозвратно очарованными открывшейся приро-

дой. Они тоже — смолинский капитал.

Кажется, чего бы больше! А он ищет новых забот. Прошлым летом, сняв избу в деревне под Крюковым, прожил там весь отпуск с двадцатью учениками. Я читал их отчеты — это короткие новеллы о растениях и животных. На очередное лето уже подыскана пустующая сторожка лесника. Еще он хочет, чтобы в каждом летнем пионерском лагере был свой инструктор по натурализму, и предлагает каждому горькому комсомола, чтобы к нему направили желающих, а он проведет с ними занятия «за ленинское отношение к природе».

В последнюю встречу, уже прощаясь, через порог он меня попросил:

— Поменьше слов обо мне, побольше о деле.

Я старался выполнить его просьбу, но если не удалось, то лишь по единственной причине: рассказывать о деле — значит рассказывать о нем, вся его жизнь — большая медленная работа, повседневно необходимая теперь и людям, которые будут после.

Каждому бы из нас такую слитность.

От кружка до олимпиады

А. Михайлов

(Журнал «Народное образование», 1969, №12)

«Салют!! Ура-а-а!!!» Так встречают своего руководителя П. Смолина члены кружка юных биологов при Всероссийском обществе охраны природы. Для них Петр Петрович, которому уже за семьдесят, не просто руководитель-наставник — это, прежде всего, большой друг, который раскрывает перед ними загадочную книгу природы.

По воскресеньям с утра ребята собираются, чтобы затем отправиться в лес. Едут зимой и летом, осенью и весной. В любую погоду все, кто пожелает, могут принять участие в увлекательном путешествии по Подмосковию.

Нередко к этим экскурсиям присоединяются и взрослые туристы. И тогда группа образует уже не просто кружок, а как бы батальон любителей природы.

Автор этой статьи стал на время членом кружка, руководимого П. Смолиным, ходил по их маршрутам и записал рассказ Петра Петровича.

Его можно слушать часами. Это какой-то неиссякаемый родник знания природы, обитателей леса, рек и озер. И кружковцы, замороженные этими интереснейшими рассказами, которые сопровождают показ всех встреченных явлений, хотят постичь и постигают многое, что казалось им в природе необъяснимым или раньше не вызывало интереса, не привлекало внимания.

Из истории олимпиады

Биологическая олимпиада для учащихся восьмилетних и средних школ Москвы проводится ежегодно городским отделом народного образования, горкомом ВЛКСМ, Московским городским институтом усовершенствования учителей, биолого-почвенным факультетом Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Московским государственным педагогическим институтом имени В.И. Ленина, Московским городским Дворцом пионеров и школьников, Московским городским обществом охраны природы, Московским обществом испытателей природы.

Основные задачи олимпиады: способствовать пропаганде биологических знаний, повышению интереса учащихся к биологической науке и ее достижениям, развитию творческой инициативы учащихся на уроках, во внеклассной и внешкольной работе, помогать учащимся в выборе профессии и проверке своих знаний в области биологии, расширить массовые формы внеурочной работы с учащимися, оживить работу первичных организаций Общества охраны природы.

Участниками олимпиады могут быть учащиеся V — X классов, иногда принимают в ней участие и ученики

III — IV классов, часто бывают представлены коллективы юннатов, биологов Домов и Дворцов пионеров, станций юных натуралистов, детских парков, ведомственных учреждений.

Участие в олимпиаде может быть последовательным (школьная, районная, городская), не исключается возможность участия отдельных учащихся и коллективов в районной, минуя школьную, или в городской, минуя школьную и районную.

Городская олимпиада проводится в два тура. Первый и второй туры для учащихся VII — X классов проводятся биолого-почвенным факультетом МГУ с участием представителей отдела биологии Московского городского Дворца пионеров и школьников. Оба тура для учащихся V — VI классов проводятся отделом биологии Московского городского Дворца пионеров и школьников с участием представителей биолого-почвенного факультета МГУ.

Первый тур проводится в виде письменных ответов на предложенные вопросы на специальных вопросных картах по параллелям.

Победители первого тура направляются во второй, который проходит в виде устных ответов на вопросы по следующим разделам: высшие растения (гербарий), низшие растения, культурные растения (гербарий и семена), комнатные растения, определение деревьев и кустарников по веткам в безлистном состоянии, млекопитающие, птицы, рыбы, насекомые, водные беспозвоночные.

Получивший необходимое количество очков в первом туре допускается ко второму, заключительному, и ему вручается специальная карточка учета знаний.

Участник второго тура должен показать свои знания по ботанике, растениеводству и зоологии. Кроме того, учащиеся V — IX классов, допущенные ко второму туру, должны обязательно выполнить домашнее задание — изготовить синичник. Для десятиклассников на втором туре дается дополнительно два вопроса по генетике и цитологии.

В заключение олимпиады проводится итоговая конференция в Московском городском Дворце пионеров и школьников, на которой анализируется работа кружков и отдельных учащихся — участников олимпиады. Победители награждаются.

Оргкомитет осуществляет руководство подготовкой и проведением олимпиады, утверждает вопросы и задания, устанавливает примерный критерий оценок, контролирует проведение олимпиады, награждает победителей. Из состава оргкомитета выделяется жюри, на которое возлагается ответственность по составлению вопросов и заданий, установлению рабочего порядка ведения олимпиады, проверка и оценка работ участников.

Оргкомитет городской олимпиады организует широкую пропаганду этого мероприятия среди учащихся, используя для этого печать, радио, телевидение. Московский городской институт усовершенствований учителей знакомит с Положением и особенностью олимпиады руководителей школ, методистов, учителей, рекомендует формы и методы работы с учащимися по подготовке их к участию в олимпиаде. Биолого-почвенный факультет МГУ и биолого-химический факультет МГПИ имени В.И. Ленина выделяют преподавателей и студентов для участия в проведении первого и второго тура с учащимися V — VI и VII — X классов и для подведения итогов совместно с жюри.

Кабинет биологии Московского ИУУ привлекает к участию в проведении олимпиады методистов и учителей биологии.

Анкеты участников, опросные карты по параллелям и учетные карточки знаний, а также списки победителей городской олимпиады после обработки и подведения итогов подвергаются более глубокому анализу кабинетом биологии Московского городского ИУУ.

Участники олимпиады, представившие свои исследовательские работы или результаты опытов, имеющие научное и народнохозяйственное значение, рекомендуют

ся оргкомитетом для участия на ВДНХ.

В биологической олимпиаде обычно принимают участие кружок юных биологов Московского зоопарка, кружок юных биологов при Московском обществе испытателей природы и другие. Остановлюсь подробнее на одном — кружке юных биологов при Всероссийском обществе охраны природы, который из года в год стоит на первом месте по количеству призовых мест и грамот олимпиады, с которого мы и начали наш разговор.

Несмотря на солидный возраст, неутомимый природовед П. Смолин ежемесячно проводит многокилометровые походы со своими юными воспитанниками. («Еще три года похожу, а потом видно будет, может быть, и на пенсию уйду» — говорил Петр Петрович.)

Биологическое образование П. Смолин получил еще до Октябрьской революции в Московском государственном университете. С первых лет революции и по сей день он — хранитель фондов Дарвиновского музея. Проводит экскурсии; читает лекции студентам, учителям, школьникам. В годы войны П. Смолин был ополченцем, сражался под Наро-Фоминском, и тут-то ему пригодилось отличное знание Подмосковья — удалось спасти группу товарищей, выведя ее из окружения.

Свой кружок П. Смолин условно делит на четыре ступени. Первая проходит в виде биологических вечеров — входят все желающие. Из них отбираются ребята, у которых пробуждается интерес к биологии, их принимают в «начальный» кружок (это вторая ступень), в котором занимаются 50 — 60 школьников, в основном из младших классов. Затем ребята переходят в старший школьный кружок — третья ступень (50 — 60 ребят). И, наконец, последняя, четвертая ступень: школьно-студенческий кружок, в который входят старшеклассники и студенты всех курсов любых биологических вузов Москвы (но в основном это студенты биофака МГУ).

У многих членов кружка формируется глубокий интерес к биологической науке, в разных отраслях которой

они и специализируются.

Кружок работает уже около 20 лет, заметно расширяется его состав, так как уж очень интересно организована в нем деятельность. Занятия проводятся то в Дарвиновском музее — здесь знакомятся с богатой коллекцией птиц, с основами генетики и др., то в зоомузее МГУ, где слушают обзорный курс по зоологии, то в Московском областном пединституте им. Н.К. Крупской — здесь постигаются основы ботаники.

Не случайно рассказ о П. Смолине я начал с экскурсии в лес — и для него самого и для его воспитанников характерен пытливый интерес к природе. Например, в весенние каникулы одиннадцать ребят поехали на работу в Приокско-Террасный заповедник. Возглавил группу ученик X класса 710-й спецшколы Борис Фомин. В заповеднике нужно было искать гнёзда хищных птиц с тем, чтобы в июне, когда появится молодняк, провести учет черного коршуна, канюка, орла-карлика, ястреба-тетеревятника. Приехав из заповедника, воспитанники П. Смолина сразу пришли в Дарвиновский музей. Их переполняли впечатления, им необходимо было тут же рассказать своему наставнику обо всем виденном, о своих наблюдениях и выводах. Нужно ли говорить, что более внимательно слушателя в таких случаях, чем Петр Петрович, найти трудно.

Встреча поколений

Я разговорился с бывшей воспитанницей П. Смолина, ныне студенткой I курса МГУ Верой Фирсановой (она занималась в кружке ВООП с 1962 г.).

— Что связывает вас, бывших и настоящих членов кружка? — спросил я.

— Доверие. Атмосфера кружка, выезд на природу, а главное: Петр Петрович учит работать.

По-видимому, с ней нельзя не согласиться. Я убедился, что П. Смолин — умелый педагог. И, возможно, что свобода посещения его занятий (хочешь приходи, не хочешь — не надо) и делает его занятия природоведением

особенно желанными. П. Смолин одинаково дружелюбно и уважительно относится как к десятиклассникам, так и к младшим школьникам. Вся эта атмосфера и формирует дружбу, заботу о Петре Петровиче и заботу его о своих питомцах.

Встреча поколений проходит ежегодно после окончания олимпиады. Выступают с докладами ученики Петра Петровича. Вначале — сегодняшние кружковцы. Первой выступила Оля Строкова. Она принесла с собой из дома свою любимицу — морскую свинку и рассказала о том, как она ухаживала за ней. Затем Дима Золотаев показал собранную им коллекцию лекарственных растений. Оказывается, только в Московской области произрастает 100 таких растений, которые объединены в 13 семейств, 28 видов. Миша Хейфиц рассказал о древесных грибах; Саша Цукерман — о каспийской черепашке (он принес с собой ее, еще жабу и лягушку и бережно показал их всей аудитории) и представителях амфибий. Восьмиклассник Юра Начаркин рассказал о кольцевании птиц, Ефим Свирский — о растениях, живущих в воде.

Бывший член кружка, ныне доктор биологических наук, один из авторов книги о дельфинах А. Яблоков призывал юных биологов внимательно наблюдать и изучать природу — ведь интересное вокруг нас!

Научный сотрудник Института океанологии Б. Виленкин рассказал о работе с планктонами. К. Панютин, ученый-зоолог, рассказывал новое о летучих мышах, которых он не перестает изучать с тех пор, как заинтересовался ими в кружке, руководимом П. Смолиным. Выпускница биофака МГУ А. Авилова, работающая сейчас на кафедре зоологии, рассказала об исследовании зрения чаек.

Я не буду перечислять всех выступавших. Их было много. Такие встречи кружковцев разных поколений очень значительны.

Петр Петрович Смолин, биолог-энтузиаст и умелый воспитатель влюбленных в эту науку, очень озабочен тем, чтобы у школьников с первых же шагов воспитывался

интерес к природе, любовь к ней, стремление охранять ее богатства. Эту задачу призваны в первую очередь решать учителя биологии — энтузиасты. Кроме того, считает П. Смолин, нужно как можно больше биологических кружков различных профилей, в деятельности которых школьникам привьется вкус к познанию природы и охране ее богатств.

Главный хранитель

Галина Режабек, Вадим Опалин (фото)

(журнал «Смена», 1970, №7)

Профессор так и сказал: «Перерасти Его невозможно». А потом с научной пунктуальностью и дотошностью взял и перечислил все свои звания и труды по териологии, орнитологии, систематике, зоогеографии, экологии — длинный и почтенный получился список. Перечислил и повторил: «А до Него мне не дотянуться». И назвал разделы биологии, в которых Он его, профессора, сильнее. И виднейшие ботаники, зоологи, генетики дружно закивали головами, всем своим видом показывая, что профессор говорит правду и только правду. И если бы кто-то посчитал все эти прекрасные слова и эти уважительные кивки юбилейной формальностью и сказал им об этом, его бы выставили с вечера. Потому что на семидесятилетнем юбилее Главного хранителя Дарвиновского музея Петра Петровича Смолина в зале сидело очень много учеников Петра Петровича, которые преклонение перед знаниями учителя считают элементарной справедливостью. И любые звания и регалии ничего не меняют в такой раскладке отношений.

Мы сидим с Петром Петровичем у него дома. Я напросилась к нему в гости, и он, дорожающий своим домашним временем, которого у него не остается почти совсем, нашел этот час. Сейчас между нами ничего не признающие стрелки. И хоть мне не полагается отвлекаться, я ду-

маю о том, что в этот момент уже едут со всех концов Москвы к Дарвиновскому музею ребята. А потом, когда он будет водить их по музею, со всех сторон Москвы другие ребята будут ехать уже к Зоологическому музею, куда он примчится сразу после первой экскурсии. И так каждый день уже много лет, заботясь только об одном — о проблеме детей и природы, их взаимоотношениях, которые здесь, в городе, так подчас нелепо складываются.

— Да, да, именно нелепо, — говорит Петр Петрович. — Обидно за ребят, которые в живом не видят живого.

А я думаю, что, хотя и знаю, сколько лет Смолину, он удивительно не соответствует своему возрасту. И кажется, что он нарочито носит и седую бороду и лысоватость, чтобы, разговаривая с ним, собеседник мучился этим несоответствием многое сделавших в жизни старых рук и совсем молодого голоса.

— Вы знаете, — продолжает он, — что даже кошка для ребят не живая душа. Я уже не говорю о насекомых. Тут уж с детства втолковывается мысль только об их вредности. А правильно ли это?

Я слушаю Петра Петровича и мучительно стараюсь вспомнить своего учителя биологии.

...Учебник зоологии, толстую серую книжку для шестого класса, я купила у Таськи Набоки с улицы Пролетарской за сто двадцать еще довоенных рублей. Это была хорошая, правильная цена, она соответствовала количеству страниц и чистоте обложки, тоненькая алгебра стоила семьдесят пять. Я вспомнила этот бойкий предшкольный торг первого послевоенного лета, потому что долго думала: кто же преподавал у нас ботанику и зоологию?

Выяснилось, что я помню кучу всякой чепухи, а вот злосчастную ботаничку (наверное, это все-таки была «она», из мужчин у нас в школе был один военрук) не помню. Через двадцать с лишним лет поди разберись, в чем тут дело — в моей ли недобросовестности или в серых, не оставивших памяти уроках. Только вот теперь, после зна-

комства с Петром Петровичем, пришло убеждение, как может быть невосполнимым незапомнившийся урок в шестом классе урок по биологии. Потом может быть все: и высшее образование и глубокая специализация, а вот уроков зоологии больше не будет, и так на всю жизнь галка останется для тебя копией вороны, сорока — это, которая «кашку варила, деток кормила», а все лягушки будут жабами. А незнание... Что ж, оно же плодovито, оно тоже пускает корни, глядишь, и уже для твоих детей трамвай живее коня. И ты хочешь что-то поправить, чувствуешь опасность в этом перевернутом представлении о мире — и не можешь.

Как повезло тем, кого столкнула со Смолиным судьба и в общении с ним научила мудрости. И как хорошо, что он никогда не скупился и отдавал все, что знал и умел.

Начинал он удивительно. Впрочем, удивительное было потом, вначале была армия, куда он попал из университета в 1916 году. Самое смешное, что он, энциклопедист в области биологии, так потом и не сумел закончить университет. Его призвали в армию в 1916 году, а в 1917-м юный рапорщик был избран председателем полкового комитета. Возвращение из армии совпало с трудным временем, и выход из него искала молодая Советская власть в тесном союзе с уже крещенной революцией молодежью, к которой принадлежал Петр Смолин. Это он по заданию наркомпроса занимался учетом, сохранением и использованием национализированных частных собраний и коллекций. Это он становится в первые годы Советской власти лектором, пропагандистом. Его слышали и в Наркомпросе, и в биомузее, и в Свердловском университете (в Москве), и в бывшей тогда Академии коммунистического воспитания. Это он в голодные и холодные годы беспокоился о многочисленном прожорливом семействе Московского зоопарка. Это он вместе с Б.В. Всесвятским проводит первый в стране, потом уже ставший традиционным «День птиц». В первые дни войны П.П. Смолин добровольцем уходит в ряды народного ополчения, потом — в действую-

ющую армию. А в 1943 году его назначают командиром взвода и преподавателем по курсу «Военное собаководство» в военной школе. Потом — пушно-меховой институт, студенческая практика, за которую он ответственен, курс «Пантового оленеводства». Большая жизнь, которой вполне хватило бы для десятка торжественных спичей, но ведь я не сказала еще самого главного.

Главным всегда были дети, наверное, с того самого момента, когда ему пришлось выступать в качестве соавтора Декрета Советской власти об охране природы, подписанного В.И. Лениным. Еще тогда, работник Наркомпроса, он понял, как важна новая школа, как нужна рациональность народному просвещению. И он создал опытную школу при Центральной биостанции, которая ставила цель: ребят, интересующихся биологией, подготовить к практической работе и к учебе в специальном вузе, будь то биофаки институтов, или Тимирязевская академия, или пушно-меховой институт. К слову говоря, специализированные школы сегодняшнего дня, готовящие ребят по более усложненным программам математики, физики, — это не что иное, как возврат к давно испытанному смолинскому опыту.

Но было время, что его большую работу, высоко оцененную и Крупской и Луначарским, большой работой считать не стали. С преподаванием биологии в школе происходило много разных преобразований. Вдруг начинала царствовать зубрежка — и уж кому дело до спокойного лабораторного занятия, до молчаливого похода в лес, до старательной юннатской работы.

Только три года назад спохватились: как же это мы на биофак принимаем людей без биоэкзамена?

И все это на глазах человека, который пятьдесят лет тому назад говорил: «Главное — увидеть в школьнике шестого, седьмого класса интерес, не упустить этот «момент возраста» и развивать этот интерес в кружке, в специальной школе». У него уже была такая школа.

Она у него и сейчас есть. Вот что говорит о «школе

Смолина» профессор А.П. Кузякин:

«Это не кружок того образца, какие существуют в многочисленных школах и вузах, а это школа, специализированная школа, бесплатная, частная, не имеющая своего помещения и материальной поддержки, но представляющая собой основную кузницу биологических кадров с очень фундаментальной биологической подготовкой ее учащихся. Работает эта школа с четкостью, превосходящей четкость работы нормальных государственных вечерних школ».

Бескорыстность работы Петра Петровича всю жизнь поддерживала его жена, Нина Наркисовна. Они прожили вместе 35 лет, и в конце своей жизни, видимо, чувствуя, что рано или поздно, но работой и творчеством мужа займутся всерьез и обстоятельно, она составила подробную хронологию деятельности Смолина. Я приведу последние строчки из этой биографии. Кончает Нина Наркисовна так: «В последние годы без затраты государственных средств ведет большую работу с кружком юных натуралистов. Четыре дня в неделю вечерами занимается с различными группами, по субботам и воскресеньям совершает выезды в природу». У нее так и написано — в природу, а не так, как пишут сейчас в различных ведомостях и планах — на природу. Каким, оказывается, существенным может быть предлог!

Когда у одного диссертанта, защищающего тему «Психология развития интереса к науке у детей школьного возраста», спросили, у каких ребят изучался интерес к биологии, он ответил: «У членов кружка Смолина».

А где же еще и черпать примеры, как не здесь! Одна из самых юных участниц юннатского кружка П.П. Смолина, Марина Богданкевич, десятилетняя девочка, написала летом работу «Собаки деревни Баранцево». Я читала эту работу, вычерченную еще нетвердой рукой схему «расположения собак», удивилась точности детски-непосредственного, но зато такого ловкого сравнения: дворняга ростом с двух кошек. Узнала, что собака Дашка «в пище

неразборчива, но конфет не ест», а для себя решила запомнить маленького автора детской научной работы. Как знать.

Удивительный смолинский кружок. Я пробовала подсчитать, сколько вышло из кружка Петра Петровича первейших в советской биологии ученых и не смогла. Потому что только докторов наук десятки, кандидатам счету нет. Удивительный кружок, и все-таки...

Пусть день Петра Петровича расписан по минутам, секундам, пусть даже 100, 200 человек слушают его в день — сколько в Москве школьников? Воистину — если тебе повезет...

...В то очень мокрое, очень снежно-дождливое утро мне пришлось его подождать. Я стоял в подъезде старого московского дома и гадала, куда же мог так рано уйти Петр Петрович. Вот из квартиры напротив вышла пожилая женщина, посмотрела на меня, мокрую, выглянула на улицу «У! Нет уж, пережду!» — вернулась в квартиру. А его не было. Он вошел, как лесовик-снеговик — белый, холодный, стремительный.

— В Сокольники пришлось сходить. Нужно было договориться о ночлеге ребят, которые приедут на каникулы.

Я посмотрела потом на карту — улица Кропоткина и Сокольники... Ну, скажите, его ли дело — решать эти вопросы, где жить ребятам? Ему ли бегать? А получается, что больше некому, а он ведь дело не бросит, он не откажется от ребят, от походов с ними, а значит, принимай, Петр Петрович, на свои плечи все: и возню с жильем и хлопоты о том, где покормить детишек, — все. Он и принимает. И времени остается все меньше и меньше в сутках, а детей все больше, и студентов больше, и учителя идут и едут — все правильно, все естественно, он же сам закладывал зерна в почву. Вот и стал подыматься урожай. И учитель счастлив. А я думаю, насколько больше мог бы сделать этот человек, если бы наше восхищение, материализовавшись, превратилось в помощника, который

освободил бы семидесятидвухлетнего человека от лавины оргдел и оргвопросов. Его же надо беречь! Для наших же детей, которым он открывает живой мир.

...В вестибюле зоологического музея Петр Петрович разговаривает с двумя старшеклассниками, которые пришли к нему первый раз. Он приветлив и чуть-чуть насмешлив.

— Вы посетители, — говорит он. — Мы вам рады, даже если вы никогда больше не придете. А вот если вы расхрабритесь и придете во второй раз — вы будете нашими гостями. Никто на вас не обидится, если вы и после второго раза предпочтете художественную самодеятельность.

Воля ваша. И только после третьего раза вы члены кружка.

Я не знаю, придут ли девчонки еще раз. Очень уж заинтересованно косились они на небрежно элегантных студентов и студенток, толпящихся у раздевалки. Куда там было тягаться защитной стираной рубашке выдающегося педагога с «замшей» и «кожей» пока еще неизвестно каких специалистов.

А он насмешливо повторяет: один раз — посетитель, два раза — гость... Полная добровольность, полная самостоятельность решения. Хлоп-хлоп дверь музея, выскакивает на мороз двадцатый век весь в «мини», в сигаретном облаке, весь такой самоуверенный, знающий себе цену, а он на стульчике у входа — девятнадцатый век, что ли? Побойтесь бога, он куда многих современной, этот человек в простенькой, тридцатых годов, рубашке.

...Каменные рукава подземных переходов. Как войдешь в них, так и вспомнишь мрачные прогнозы фантастов о городах будущего под землей. Казалось бы, что тут сравнивать, мало ли что напридумывает вольная фантазия художника? А вот Смолин тоже беспокоится... И так хорошо, когда «рукав» кончается и тебя встречает акация, держащая снег на подагрически-угловатых лапах. А имеющий прописку в самом центре Москвы воробей выкле-

вывает себе питье из трамвайной ложбинки. И сонная распустиха-сирень равнодушно стоит у дороги, вот так и будет лениво стоять до самого своего сиреневого бала.

Как хорошо, что это все есть на свете! Как страшно, если этого не будет!

Может, потому у Петра Петровича и должность такая — хранитель?

Послушай траву-мураву

А. Батурина

(газета «Пионерская правда», 1970, № 60)

Репортаж с лесной поляны, где собрались победители Всесоюзного соревнования «ЗА ЛЕНИНСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРИРОДЕ»

Московская область, Звенигород

Если бы каждый сюда, к подмосковной лесной поляне, мог присоединить свою! Было бы всё как в сказке,
НАПРАВО ПОЙДЁШЬ...

Увидишь на лесной горной тропе Кабардино-Балкарии восьмиклассника Хусейна Уммезова со старшим братом, егерем. Полночь. Они делают последней обход лесничества: нет ли браконьеров. На свет фонарика выскакивают зайчата, жмутся к ногам, прыгают. Хусейн с братом берут доверчивых малышей на руки, гладят и отпускают. Внизу дом Хусейна, селение Эльбрус. Около шоссе. Вдоль него сельские ребята посадили три тысячи сосен. В ту ночь почти у самого селения Хусейн впервые испытал ужас. Пять шакалов раздирали корову. Брат прошептал почти беззвучно:

— Спокойно.

Ступали медленно, без единого шороха. Шакалы их не заметили.

НАЛЕВО ПОЙДЁШЬ...

Притаились девочки за кустами: Лийви Сааг с подружками из эстонского села Краби. Боятся шелохнуться.

Наблюдают за семьёй кабана. Дикая кабанята бегают по кормушке, будто играют в прятки и догонялки. Кормушки расставлены по всему лесу. Сюда ребята приносят корм. Девочки тихонько уходят и по пути забегают на свою делянку. Когда они учились в четвёртом классе, посеяли семена сосны в лесу. Положили делянку, поливали. Теперь через два года сеянцы ростом с палец Лийви.

ПРЯМО ПОЙДЕШЬ ...

Овраг надвинулся почти на самое колхозное поле. По склонам его Катя Горбачева со своим седьмым классом сажают сирень, черемуху, жимолость. Теперь дальше оврагу ходу нет. Колхозники села Корсунь Орловской области скажут спасибо.

А что же на подмосковной лесной поляне? Ребята рассматривают букет непрехотливых цветов. Он не просто для встречи гостей. Он посол полевых цветов. О них рассказ доцента Константина Николаевича БЛАГОСКЛОНОВА:

— В соседнем лагере устроили конкурс на лучший букет. А цветов не могли найти. Только на заповедном лугу у нас сохранились. Цветы исчезли на тридцать — сорок километров от Москвы. Белую лилию, кувшинку, не встретишь и за семьдесят километров от столицы. Настала пора оберегать и защищать цветы. Что в наших с вами силах? Кипрей, цикорий, болотная таволга, которые вы видите в букете, подскажут ответ.

Посейте семена этих цветов на пустырях. Кипрей, иван-чай — первый цветок лесных вырубков. Цветет почти все лето. Для влажных мест возьмите болотную таволгу. Для сухих — цикорий. Да-да, цикорий, корни которого идут в кофе. Неприхотлива и ромашка. А каким ярким станет пустырь!

Станный звук заставил невольно прислушаться всех. Каждый пытался определить, что такое. Константин Николаевич ответил на немой вопрос:

— Нет, не птица. Дерево скрипит. Вот к деревьям, лесным травам, луговым цветам вы сейчас и отправитесь.

В провожатые вам — старший хранитель Дарвиновского музея Пётр Петрович СМОЛИН.

Пётр Петрович хитро улыбнулся: готовы ли, мол, к лесному путешествию, и пошел так, что самые резвые еле поспевали. Удивлялись про себя: борода седая, а не угонишься за ним. Как только остановится, делает открытия даже на пустыре.

— Вот подорожник. Чем знаменит, знаете? Нет. Родина его Австралия. Разнесли семена его англичане на подошвах по всему свету, индейцы подорожник называли травой бледнолицых. Для них это был опознавательный знак: здесь побывали белые.

А что за трава у меня в руках? Знаменитая трава-мурава.

Любая былинка не была молчаливой для лесного кудесника, как называли его ребята. С ним можно было ходить бесконечно по лесам и лугам. Но наступило время отъезда.

В записных книжках ребята увозили просьбы посла полевых цветов, а перед глазами каждого стоял хитро улыбающийся лесной кудесник с травой-муравой.

Волшебник с доброй улыбкой

Б. Баринов

(Журнал «Турист», 1971, №1.)

Помню, как я впервые увидел Смолина. Был хмурый день раннего мая, и мы, группа туристов, собрались на прогулку в подмосковный лес. Вести должен был он — Петр Петрович Смолин. Как он подошел, я не заметил — услышал только голос его, спокойный и тихий. А потом и увидел: стоит среди нас невысокий человек, с бородой, как у Льва Толстого — один из тех, кому годы придают какую-то благородную красоту. С ним мы и пошли в лес. На всю жизнь запомню я этот день, запомню человека, о котором мало сказать, что он знает природу — он весь в ней, он слышит каждое ее дыхание, видит малейшее изменение ее характера, угадывает тайный ход ее многообразной

жизни. И с каждым шагом, с каждым словом я все яснее понимал: для Смолина нет в лесу ничего непонятного. И в то же время видел — для него было наслаждением снова и снова открывать для себя уже познанное и к этим своим непрерывным открытиям приобщать нас.

Мы сделали первые шаги по тропке березняка, молоденького, в рост с нами. Казалось, стайка девчушек высыпала навстречу нам.

Из-за туч вывалилось солнце, березки заморгали, засмеялись, и тотчас, будто невидимый дирижер взмахнул своей палочкой, грянул птичий хор, и казалось странным, как Петр Петрович Смолин различает в нем голос каждого солиста. Не только различает. Он говорит о их характере, достоинствах, способностях и даже «профессиональной подготовленности».

— Познакомимся с зябликом, — говорил Петр Петрович, осторожно подводя нас к березке. Сидящая на ветке птица настолько распелась, что не обращала на нас внимания.

— Всем видно? Обратите внимание на белые полосы на крыльях, по ним зяблика всегда легко опознать. Это молодая птица, первогодок, — продолжал наш экскурсовод. — Грудка у него оранжевая, а у старых птиц кирпично-красная, яркая, да и песенка у этого слабовата, голос ставится еще. А вот соседний зяблик, — Петр Петрович указал рукой направление, — этот старый, опытный певец. Слышите, в конце песенки эдакий залихватский рочерк?

— А для чего птицы поют? — задает вопрос самый младший из присутствующих. И оказывается, что это интереснейший вопрос, в нем целая наука.

Все в природе имеет свой особый смысл. Взять, например, зяблика. Обычно весной первыми возвращаются с теплого юга самцы, вслед за ними, немного поотстав, летят и самки. Прибыв на место, зяблик выбирает себе в лесу собственный участок, нечто вроде квартиры, в нашем понимании. Заняв участок, птица начинает охранять его,

и вот тут-то ему и помогает песня: она служит предупреждением, своего рода заявкой, что это место уже занято и другим зябликам следует поискать себе «квартиру» в другом месте. Именно благодаря такой организации птицы равномерно распределяются по лесу. Есть у птичьей песни и еще одно важное назначение — сигнал для самки. Услышав его, она понимает, что «квартира» готова и ей предлагают руку и сердце.

— Знаете, сколько песен исполняет холостой зяблик за сутки? — спрашивает Петр Петрович и смеется. — Ни за что не догадаетесь! Около шести тысяч.

Через несколько шагов Петр Петрович снова останавливает нас:

— Слышите — тревожится дрозд-рябинник? Здесь непременно должно быть гнездо. — Действительно, какая-то птица с хриплыми криками налетала на нас. А, вот оно! На той осине, повыше! Мы задираем головы, так что сваливаются шапки, и, наконец, различаем в развилке ствола аккуратную чашечку гнезда, из которой палкой торчит птичий хвост. Одна птица сидит на яйцах, а другая в панике носится кругом. Осторожно, стараясь не побеспокоить занятую важным делом птицу, мы уходим прочь от гнезда. И Петр Петрович рассказывает нам, какие опасности грозят яйцам и птенцам. Самый хитрый хищник в лесу, оказывается, ворона. Она отлично знает все лесные голоса, и сигнал тревоги у других птиц часто становится для нее сигналом наживы. Слетит потревоженная птица с гнезда, а ворона уже тут как тут, и пока родители предаются панике, успевает очистить гнездо.

— Вот почему, если вы поняли, что потревожили птиц, лучше уйти, — продолжал Петр Петрович. — Особенно, конечно, страдают птицы, гнездящиеся на земле или невысоко на деревьях и кустарниках — их гнезда легче попадают на глаза. Некоторые птицы стали в последнее время селиться в лесу повыше.

Мы шли по подмосковному лесу. Нет, по лесу, пожалуй, не то слово — мы словно шли по родному дому

Петра Петровича, где, казалось, каждая былинка знает его, а он — ее. Лес после рассказа Петра Петровича как бы преобразался на наших глазах.

Но пора рассказать, кто же он, Петр Петрович Смолин.

Есть у него должность — главный хранитель Государственного Дарвинского музея. Есть у него и призвание — благоговейная любовь к природе, внимательное изучение ее и желание привить эту любовь все новым и новым людям, воспитать в них умение понимать природу и изучать ее.

Жизнь у Смолина большая и прекрасная. Ему за 70, каждое воспоминание в его жизни связано с жизнью природы. В войну гражданскую, когда смешным мог показаться человек, заботившийся о спасении райских птиц, Смолин не боялся быть смешным и считал, что делает дело, нужное людям. И точно: сегодня мы говорим ему спасибо за то, что он спас единственную в Европе коллекцию экзотических птиц, за то, что его усилиями был сохранен частный музей бежавшего за границу купца, за то, наконец, что знаменитый Дарвиновский музей своей славой во многом обязан ему — Петру Петровичу Смолину.

Вот уже сорок лет терпеливо и настойчиво занимается он с юными натуралистами, и многие ученики его стали сейчас крупными учеными. А дорогу к природе, к красоте ее приоткрыл он — Петр Петрович Смолин. И еще много, очень много было в его жизни, о которой можно написать увлекательную книгу. Был Север — в Архангельске Смолин организовал зональную станцию по разведению ондатры и серебристой лисицы. Была экспедиция на ледоколе «Русанов» — Новая Земля, остров Колгуев, Вайгач. И был юг — Крымский заповедник, где Смолин изучал загадочный и нервный характер оленей.

Была война — Отечественная, народное ополчение, в которое вступил он. И когда фашисты обошли в районе Смоленска-Вязьмы наши войска, Смолин в составе группы солдат и командиров по лесам вышел из окружения.

— Немцы леса боялись, — вспоминает Петр Петро-

вич, разглаживая свою пышную бороду.

— И мы шли по лесам.

— И шутит: — Я же «лесной человек», как-никак.

Таковы вехи жизни этого человека.

Свободного времени у Петра Петровича нет. День его до отказа заполнен лекциями, консультациями, семинарами. Он ведет занятия с абитуриентами, готовящимися к поступлению в биологические вузы, руководит кружком юных биологов и постоянным семинаром по природе Подмосковья, принимает самое деятельное участие в работе семинаров по проблеме «снежного человека» и зоопсихологии. Добавьте к этому выезды на природу по воскресным дням с юннатами и походы по плану Московского клуба туристов. Много? Но любимая ноша — она не тянет!

Сокровищница знаний Петра Петровича всегда открыта. Теплую, благодарную память о своем первом наставнике хранят, например, доктора биологических наук А. Яблоков, А. Максимов, Н. Воронцов, доктор сельскохозяйственных наук Х. Еникеев и многие, многие другие.

Когда я беседовал с Петром Петровичем, пришли две девочки — второклассницы. Скромные, с бантиками в косичках. Смущаясь белобородого волшебника, робко попросились они в кружок юных любителей природы. Это тоже признание!

О том, как чижа не узнали

Александр Крон

(«Известия», 30, августа, 1971)

Несколько лет назад я поехал на сбор ветеранов войны в Невскую Дубровку. От Ленинграда это совсем близко, а теперь стало еще ближе из-за курсирующих по Неве быстрходных «Ракет» на подводных крыльях. За послевоенные годы поселок и его окрестности изменились неузнаваемо, без помощи старожилов я не сумел бы найти места, где в сорок втором году стояли наши балтийские

батареи. Ближе к вечеру, когда закончились все официальные встречи, нас переправили на «пяточок». Так назывался отвоєванный у осаждающей армии маленький плацдарм на левом берегу Невы. Моряки тогда обеспечивали переправу, смонтированные на подвижных железнодорожных платформах корабельные пушки поддерживали наступление пехоты.

На левом берегу не было никаких организованных мероприятий, люди разбрелись, каждый думал о своем...

Лугом или пашней была до войны земля «пяточка»? Прошло четверть века, а она все еще не опомнилась. Не изгладились рубцы траншей и язвы воронок, искромсавший землю металл засел в ней глубоко, пропитав почву своими окислами, остатки перержавевшей колючей проволоки распадались под нашими подошвами. И растут на этой земле цветы, каких я нигде не видел, — обычные полевые цветочки, белые и бледно-лиловые, но очень мелкие, на тоненьких хрупких стебельках, похожие на блокадных детей.

Это была малая часть родной земли, за нее сражались и умирали. Не абстрактная «пядь земли», не обозначенный на трехверстке кусок территории, а самая настоящая земля, имеющая цвет и запах, оскверненная взрывчаткой и освященная пролитой кровью. Она вызывала сложное чувство уважения и обиды, нежности и тревоги, и я подумал, что в сознании большинства людей «родная земля» — понятие конкретное, чувственное, не вращающаяся в пустоте планета, а ее верхний плодоносящий слой, мать-сыра-земля, земля-кормилица, почва, на которой произрастает все живое. Душа народа и его обычаи неотделимы от нее, и для человека, любящего свою родину, столь же естественно любить родную природу.

А между тем с развитием городской цивилизации все увеличивается отчуждение горожан от живой природы. Я знал людей, которых близко столкнула с природой только война. Это были потомственные жители больших городов, с детства привыкшие ступать по замощенной

камнем и асфальтом земле, выросшие вдали от реки и леса. Я не хочу сказать, что они были худшими солдатами или меньшими патриотами, чем сельские жители, но, на первых порах им приходилось тяжело — непривычные к лопате и топору, не умевшие применяться к местности, они дорого расплачивались за полученное ими в детстве одностороннее воспитание.

Я заговорил о войне потому, что война все обостряет и делает нагляднее, но не меньший ущерб приносит отчуждение человека от живой природы в мирное время. Для ребенка поле, лес и река — величайшая школа, столь же важная, как и та, в которой, учат грамоте. Человек, не знающий названий и свойств растений, не различающий птиц по голосам и не видевший зверей иначе как в зоопарке, всегда в чем-то неполноценен. Принято говорить о джунглях, как о царстве, где неумолимо правит естественный отбор, где все подчинено жестокой борьбе за существование. В джунглях я не бывал, но по опыту знаю, что любовь к природе — обычной, среднерусской — чаще всего идет рядом с любовью к людям, она не подчиняет нас «закону джунглей», а, наоборот, делает нас мягче, человечнее. Если у ребенка живет в комнате еж или черепаха, можно с большой долей вероятности утверждать, что он не бывает жесток с малышами. Общение с природой закаляет характер, укрепляет нервы, придает душевное равновесие. Ни курорт, ни классическая рыбалка с непрременной ухой и неизбежными возлияниями его не заменят. Еще меньше современная охота. Я говорю не про таежный промысел, промысловики-то знают природу, а про узаконенный отстрел (слово-то какое противное!) наполовину прирученных животных, охоту, где главная трудность состоит не в преследовании зверя, а в получении лицензии.

Я рос типичным городским мальчиком, но мне повезло — в годы гражданской войны судьба закинула меня в школу-колонию при биостанции юных натуралистов в Сокольниках. Сокольники тех лет еще не были тем рас-

чищенным и огороженным парком, каким его знают современные москвичи. Биостанция граничила с Лосиноостровским заповедным лесом, и основой преподавания в нашей школе было наблюдение за жизнью растений и насекомых, птиц, рыб и зверей. Наши наставники не стремились, во что бы то ни стало сделать из нас биологов. Их задача была шире — привить ребятам вкус к самостоятельному исследованию, возбудить в них интерес ко всякому знанию. Юные ботаники и энтомологи, водолюбы и птичники занимались и химией и электротехникой, страстно обсуждали политические события, запоем читали книги, многие пели и рисовали, а театром увлекались почти все. Как во всякой школе были среди нас ребята более одаренные и менее одаренные, но тупых, ничем не интересующихся и ни к чему не стремящихся я что-то не помню.

Биостанцию и колонию создали в тяжелейшие для страны годы замечательные люди — профессиональный революционер Иван Васильевич Русаков и ученый-биолог Борис Васильевич Всесвятский. И.В. Русаков был предательски убит во время кронштадтского мятежа. Б.В. Всесвятский здравствует, несколько лет назад он отпраздновал свое 80-летие, и с тех пор день рождения Бориса Васильевича стал традиционным днем ежегодных встреч бывших «бюновцев».

Я бывал на этих встречах. На маленькой дачке ученого во Фрязине собирается до ста человек. Постоянно действующий совет бывших бюновцев заранее оповещает ветеранов биостанции, к этому дню выпускается специальная фотогазета, готовится какое-нибудь веселое представление. Под открытым небом расставляются столы, и начинается веселое застолье — читаются экспромты и приветственные телеграммы, кто-то вспоминает забавный эпизод из прошлого, другой рассказывает о том, чем он увлечен сегодня, третий затягивает старую юннатскую песню. Здесь можно встретить приехавшего из Сибири звероведа и московского профессора, агронома и моряка,

офицера и преподавателя Высшей партийной школы — все это бывшие мальчики и девочки из колонии. Их равно объединяют теплое чувство к юбиляру и прочно заложенный, выдержавший почти полувековое испытание дух товарищества, в котором есть что-то неуловимо общее с дружбой фронтовиков.

Школа-колония давно уже не существует, но драгоценный опыт этого порожденного революцией поистине новаторского педагогического учреждения заслуживает серьезного изучения. У меня чудом сохранились два выпуска сборника «Ближе к природе!», издававшегося отделом народного образования Московского Совета в 1921 году. Бледная печать, серая оберточная бумага. Достаточно процитировать несколько строк из редакционного предисловия, чтобы ощутить дыхание эпохи: «По совершенно независимым от редакции обстоятельствам, связанным с трудностями переживаемого времени, сборник, посвященный работе биостанции юных натуралистов и предполагавшийся изданием в начале 1920 г., выходит только теперь, в 1921 г.».

И дальше:

«Встречающиеся в тексте ссылки на фотографии не будут соответствовать действительности, так как вследствие недостатка цинка пришлось отказаться от мысли поместить в сборнике снимки, иллюстрирующие жизнь и работу биостанции».

Затруднений с цинком у нас давно уже нет, типографии вооружены первоклассной полиграфической техникой. И все же стоило больших трудов и хлопот найти издательство для сборника, подготовленного к 50-летию биостанции. Книга не вышла до сих пор.

У Бориса Васильевича и его ближайших соратников по руководству колонией Пелагеи Ивановны Суворовой и Петра Петровича Смолина огромный опыт. Опыт не лежит мертвым грузом, они охотно им делятся. Люди эти давно перешагнули за пенсионный возраст, но душой они молоды и не порывают связей с молодежью. О работе Пе-

тра Петровича с московскими школьниками стоит рассказать особо.

Есть в Москве музей Дарвина. Созданный в дореволюционные годы выдающимися русскими учеными А.Ф. Котсом и Н.Н. Ладыгиной-Котс, музей уже в советскую эпоху обогатился редчайшими коллекциями, замечательными работами ученого-реставратора М.М. Герасимова, художника В.А. Ватагина и представляет огромную культурную ценность. При музее работает биологический кружок. Я близко знаю одного мальчика из этого кружка. В июне кружковцы отправились в многодневную познавательную экспедицию по лесам Калужской области. Двадцать дней ребята жили по-походному, вставали на заре, сами себе готовили пищу, целыми днями наблюдали за потаенной жизнью обитателей леса и очень сдружились между собой. Это были обычные московские мальчики и девочки, не лишенные столичного скепсиса, приученные телевизором ничему не удивляться. А вернулись радостно возбужденные, поздоровевшие, переполненные впечатлениями. С восторгом рассказывали о своих приключениях и о руководителе экспедиции Петре Петровиче Смолине, которого они с любовной фамильярностью называли — «наш ППС». На днях я зашел в музей. Отчасти для того, чтобы посмотреть экспозицию (стыдно сознаваться — первый раз в жизни), отчасти, чтоб расспросить о работе кружка. В музее работает небольшой, но очень дружный коллектив во главе с директором Верой Николаевной Игнатъевой. То, что коллектив дружный, я понял сразу — товарищи отмечали день рождения молодой сотрудницы, и в том, как они это делали, я уловил что-то родственное духу биостанции. Этот же неукротимый дух почувствовал я в Вере Николаевне. Забот у нее много. В свое время ей пришлось немало повоевать против различных проектов слияния и расформирования, угрожавших существованию музея, а последние годы она «с неизменной настойчивостью» добивается постройки нового здания. Музей задыхается в тесноте, на многие экс-

понаты приходится смотреть издали, к ним не подойти, экскурсанты топчутся в узких проходах, пропускная способность музея ничтожна и до смешного не соответствует количеству заявок.

— Кружковая работа для нас отдушина, — сказала мне Вера Николаевна, когда, осмотрев музей, мы вернулись в ее кабинет. А через несколько минут в кабинет зашел тот самый Петр Петрович Смолин, который полвека назад водил в походы колонистов биостанции. Конечно, он изменился с тех пор, наш милый Петр Петрович, малость подсох, отпустил длинную бороду и стал похож на этакого деда-лесовика, но сущность его осталась неизменной, та же ласковая улыбка, та же покоряющая доброта во всем облике, то же глубокое равнодушие к материальным благам и всяческой суете и та же безошибочно угадываемая ребятами увлеченность любимым делом. По-прежнему легок на ногу и неутомим. — «Недавно в большой компании школьников я показал чижа. Обыкновенного чижа.» — Петр Петрович выдержал паузу.

— И что же?

— Не узнали.

Петр Петрович вздыхает и переводит разговор на пионерлагерь. В большинстве из них ребята продолжают вести вполне городской образ жизни и проходят мимо живой природы. Основная причина — некому руководить. Нет таких вожатых, нет таких педагогов. Их нигде не готовят. Для преподавателя биологии особенно важно, чтобы он знал и любил природу, но, к сожалению, далеко не все из них стали педагогами по призванию, вот и преподают формально, только по учебникам.

Небольшое отступление. На последнем московском кинофестивале был показан фильм выдающегося американского режиссера Стенли Крамера «Благослови детей и зверей». События фильма развиваются в летнем лагере для подростков, расположенном на территории заповедника. «Пришлите нам мальчика, — мы вернем вам ковбоя» — написано на транспаранте при въезде в лагерь.

Ковбой — значит пастух, но в данном случае речь идет не о пастухе, а о знакомом нам по американским вестернам человеческом типе — этакий волевой, brutального склада мужчина, умеющий скакать на лошади и хорошо владеющий кольцом, короче говоря, вполне приспособленный жить в мире, где царит насилие. И каково же оздоравливающее и облагораживающее влияние природы, если шестеро подростков, уже достаточно искалеченных домашним воспитанием, вдруг загораются наивной, гуманной идеей — выпустить на волю бизонов, чтоб спасти их от бойни, которую кучка богатых бездельников почему-то называет охотой.

Нам не нужны «ковбои». Но прав Петр Петрович, нам нужны гармонически развитые люди. И не надо пионерлагерь превращать в обычный дом отдыха с обычной столовой и стационарным оборудованным жильем, где ребят боятся отпустить в лес, пожить в палатке, поплавать на плоту по реке. Надо внести в лагеря походный дух, приблизить ребят к колхозу, совхозу, лесничеству, заповеднику. Пусть будет не всегда легко, ничто так не сплачивает, как совместно преодоленные трудности. Нужны специализированные школы с биологическим уклоном, подобно уже существующим математическим и столь модным у нас английским и французским. А в обычных школах, строящихся в новых районах, должны быть приусадебные участки. Мы обладаем мощными средствами массовой информации, но они еще мало используются для того, чтобы помочь людям ближе познать родную природу. Нужны интересные книги, живые радиопередачи, документальные фильмы о родной природе. Надо отдать должное телевидению — в «Клубе кинопутешественников» бывают отличные программы, и телезрители с удовольствием смотрят на страусов и колибри. Но не будем забывать и о чиже.

П.П. Смолин

(к 75-летию со дня рождения)

А. Калецкий

(Охота и охотничье хозяйство, 1972, №7)

Удивительно богата событиями жизнь этого замечательного человека. Родился Петр Петрович в 1897 г. в семье почетного гражданина города Кургана Петра Дмитриевича Смолина и народной учительницы Прасковьи Ивановны. В Москве закончил реальное училище, сдал экзамены на аттестат зрелости и в 1914 г. поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета.

Но началась первая мировая война, и после второго курса студент Петр Смолин призван в действующую армию. В октябре 1917 г. революционные солдаты Пятого Калужского пехотного полка избирают прапорщика Смолина председателем полкового комитета.

С 1918 г. Петр Петрович Смолин работает в системе Наркомпроса, читает лекции в Академии коммунистического воспитания и одновременно отдает много сил, знаний и энергии развитию в стране юннатского движения. При его непосредственном руководстве уже в 1918 г. детвора праздновала День птиц. С тех пор этот праздник весны стал традиционным, ежегодно в нем участвуют десятки и сотни тысяч школьников.

С 1924 г. П.П. Смолин активно участвует в организации опытной специализированной школы при Центральной биостанции в Москве и вскоре становится ее заведующим. Эту школу часто посещала Н.К. Крупская, которая придавала большое значение делу специализированного среднего образования. Школа способствовала ускоренной подготовке специалистов, поскольку наряду с общеобразовательной программой учащиеся получали разносторонние и углубленные знания по биологии. Она дала путевку в жизнь многим известным ныне ученым.

В 30-х годах Петр Петрович изучает состояние охотничьего промысла Крайнего Севера, посещает Архангельск, Колгуев, Югорский Шар, Вайгач, Новую Землю и возвращается в Мурманск. Затем следуют годы научной работы в Крымском госзаповеднике и Дарвинском музее.

Как только грянула Великая Отечественная война, в первые дни Петр Петрович вступает добровольцем в народное ополчение, а спустя год воюет в действующих частях Западного фронта. Знание природы, полевая закалка помогли Петру Петровичу в тяжелые дни боев под Смоленском вывести большую группу бойцов из окружения и соединиться со своими. Демобилизовался П.П. Смолин после окончания войны, имея правительственные награды.

И снова, вот уже более четверти века, он в родных стенах Дарвинского музея проводит лекции, экскурсии, беседы, изо дня в день прививает молодежи любовь к родной природе. Казалось бы, в возрасте Петра Петровича напряженной работы в музее вполне достаточно. Но это не так. Все свободное время он посвящает своему дорого-любимому детищу — кружку юннатов при Всероссийском обществе охраны природы, совершает с ребятами постоянные выезды в лес, проводит собрания, участвует в организации биологических олимпиад в МГУ.

П.П. Смолин, подобно мощному аккумулятору, в течение многих десятилетий дает зарядку знаний, идей, направлений творческих дерзаний своим многочисленным питомцам. Почти в каждой их работе, будь то научная статья в журнале или диссертация, заложены творческие мысли учителя. А ведь через руки Петра Петровича прошли тысячи юннатов, многие из которых впоследствии стали кандидатами и докторами наук.

То, что написано этим истинным натуралистом, оказалось вполне достаточным для того, чтобы его имя стало хорошо известно среди биологов и охотоведов нашей страны, Петр Петрович Смолин — лучший знаток истории и современного состояния орнитофауны Москвы и ее

пригородов, им накоплен огромный запас наблюдений, и хочется пожелать дорогому юбиляру, чтобы фундаментальная монография «Птицы Москвы» увидела свет как можно скорее.

75 лет. За плечами две войны и долгие годы служения любимому делу воспитания подрастающего поколения в духе любви к Родине, любви к прекрасному. Уже давно не стало верного друга и помощника, жены Нины Наркисовны, которую с любовью помнят юннаты 40-50-х годов, много других невозвратимых потерь. Но рядом молодежь, ученики, непочатый край работы. Вот и в нынешнее воскресенье, когда учитель со своим учеником вспоминал дома этапы жизненного пути, раздался телефонный звонок: «Петр Петрович, в музей пришла большая группа школьников, сможете приехать провести экскурсию?» — «Еду». Беседа окончена, мы прощаемся, поскольку у заслуженного деятеля культуры РСФСР П.П. Смолина выходных не бывает.

Доброго пути тебе, седобородый старец с сердцем, кипящим юношеской энергией, доброго пути, здоровья и многих лет жизни!

ДОБРЫЙ ВОЛШЕБНИК

В. Строков

(Юный натуралист 1972, № 1с. 22.)

Петру Петровичу Смолину исполняется 75 лет, и большую часть из прожитых лет он отдал юным натуралистам, мальчикам и девочкам, которые любят природу.

Был я как-то с Петром Петровичем и с большой группой московских школьников в походе. Шли по шоссе, разговаривали о растениях, о птицах, встречавшихся нам, потом свернули в лес, и тут, взяв в руки стебель травы, заговорил Петр Петрович. И словно раздвинулся горизонт, шире стали лесные поляны, ярче засветило солнце. О простом растении с круглыми листьями, манжетке,

говорил Петр Петрович. Видели юннаты не раз это растение, знали о нем столько, сколько надо знать ученику средней школы, но сколько нового рассказал о манжетке Петр Петрович! Потом увидели на дереве зяблика. Известная птица, видели и слышали ее юннаты не раз и в парках, и в лесах, казалось бы, уже все о зяблике знали, а нет, то, что рассказывал Петр Петрович, было все новое, все интересное, даже я, орнитолог по профессии, знающий эту птицу как никто другой, и то заслушался.

Добрый лесным волшебником называют Петра Петровича все, кому выпадает счастье бывать на экскурсиях с ним. Он знает все: от бактерий и водорослей до лесных гигантов-деревьев, от крошечных насекомых до тигров, лосей, слонов и китов. Не найдется во всем мире растения или животного, которое бы не было известно Петру Петровичу, и которого бы он не назвал не только по его научному имени, но и тут же, не заглядывая в книги и справочники, не рассказал бы о нем все.

Несколько десятков лет подряд Петр Петрович руководит на общественных началах кружком юных биологов-натуралистов при Всероссийском обществе охраны природы. ВООП — таково официальное название кружка, а всех юннатов, которые работают в кружке, называют ласково по первым буквам имени Петра Петровича пзпэ-эсовцами, а самого его — Пэпээсом. В этом кружке получили свои первые знания о природе ныне известные ученые-биологи, ботаники и зоологи, работающие во всех уголках нашей огромной страны.

В кружок приходят учащиеся московских школ. Здесь они учатся познавать тайны природы, потом, повзрослев, уходят в институты, на их места приходят новые пытливые юные натуралисты. И всем им из года в год, из месяца в месяц, почти ежедневно уделяет свое внимание, отдает свои поистине бескрайние знания добрый волшебник Петр Петрович Смолин. Два или три раза в неделю собираются члены кружка на занятия, по субботам и воскресеньям выезжают в природу, за город. Участником

всех этих экскурсий в любое время года, в любую погоду обязательно бывает и Петр Петрович.

Петр Петрович Смолин стоял у самых истоков юннатского движения, был организатором кружка юных натуралистов Московского зоопарка и директором школы при биостанции в Сокольниках.

Петр Петрович был одним из организаторов проведения в Советском Союзе весеннего праздника — Дня птиц. Впервые в нашей стране этот праздник был проведен под руководством П.П. Смолина и Б.В. Всесвятского в 1918 году, с тех пор весенний светлый праздник проводится ежегодно.

Будете в Москве — придите на занятие кружка ВООП, и вы увидите настоящего лесного волшебника, делающего всю жизнь добро людям, услышите новое о природе и ее тайнах, поймете, почему поручение Петра Петровича не выполнить нельзя. Вы поймете, какими бывают люди, выполняющие великие заветы В.И. Ленина по охране и изучению природы, по воспитанию людей в духе любви к родной природе. Таков Петр Петрович Смолин заслуженный деятель культуры РСФСР, Почетный член Всероссийского общества охраны природы.

Человек начинается с детства

О. Никольская

(«Вечерняя Москва», 1973, №14.)

Всякий раз, узнав о выходе в свет новой его книги, читатель спешит в магазин, но нередко слышит досадное: «Уже продали!». Особым успехом произведения автора пользуются у юношества. В прошлом году за два первых тома издания «Жизнь животных» кандидат биологических наук И.И. Акимущкин удостоен первой премии Всесоюзного общества «Знание».

Первые книги биолога вышли в 1961 году. Издательство «Мысль» выпустило «Следы, невиданных зверей», а

в «Молодой гвардии» вышла «Тропюю легенд». Теперь у Акимушкина около двух десятков книг о животных, среди которых есть переведенные на многие языки.

Ученый и автор увлекательных рассказов... С этого я и хочу начать беседу.

— Игорь Иванович, почему вы, защитив диссертацию по биологии, начали писать для детей и юношества?

— Здесь нет противоречия. Во время научной работы у меня скопилось много материала о животном мире. Я подумал, что, изложенный популярно, он способен заинтересовать широкого читателя. Так появились мои статьи в журналах «Пионер» и «Знание — сила». Популяризация биологии приобщает читателя к науке и прививает ему любовь к природе. И еще хочу сказать — сам материал заставляет писать увлекательно. В этом мне помог убедиться и личный опыт, я ведь увлекся биологией еще в детстве.

— Расскажите, пожалуйста, как это произошло?

— Все началось с кружка юных биологов зоопарка. В Москве он существует с 20-х годов. Мне повезло — моим первым учителем был Петр Петрович Смолин. Этот замечательный человек воспитал десятки юннатов. Сейчас ему семьдесят пять, но он продолжает работать с детьми в стенах Дарвиновского музея. Для меня он образец ученого и человека. Наверно, благодаря кружку и Смолину я выбрал биофак МГУ. Другого биолога, который меня восхищает, я не знал лично. Лев Григорьевич Капланов. Пожалуй, это первый русский эколог или специалист, изучающий поведение животных. Капанова застрелили браконьеры. Его книга «Тигр, Изюбр. Лось» вышла уже после смерти исследователя в 1948 году. Сейчас с режиссером Григорием Чухраем я работаю над фильмом о Капанове.

— Насколько мне известно, это не первая ваша работа в кино...

— Мой дебют в кинематографе — фильм «Сын Кракатау» о заселении острова после извержения. Фильмов у меня, пожалуй, столько же, сколько книг. И работа в кино

доставляет мне истинное удовлетворение.

— Позвольте задать традиционный вопрос: а каковы ваши ближайшие планы?

— Задумал книгу, жанр которой хотелось бы определить так: гуманный детектив. О чем книга? О любви к детям и о лошадях. Кстати, с лошадьми я неплохо знаком, имею первый разряд по конному спорту.

ПАМЯТИ НАСТАВНИКА

К. Авилова,

*младший научный сотрудник лаборатории орнитологии
биологического ф-та*

(«Московский университет», 1975)

Умер замечательный воспитатель, педагог, натуралист, большой друг нашей природы П.П. Смолин.

Петр Петрович стоял у самых истоков юннатского движения в нашей стране. В начале двадцатых годов вместе с В.Г. Дормидонтовым он организовал первый кружок юных натуралистов при Московском зоопарке. Он был одним из организаторов первого Всесоюзного съезда юных натуралистов, директором широко известной школы при биологической станции юных натуралистов в Сокольниках.

Всю свою жизнь П.П. Смолин посвятил воспитанию у детей и молодежи любви к природе, любви к Родине и беззаветного служения ей.

Воспитанники Петра Петровича работают на Дальнем Востоке, в Сибири, на Черном море и в Арктике, в Академии наук СССР, в академиях других союзных республик, на полях, и в лесах, в учебных заведениях и научных институтах страны. Их тысячи. Среди них профессора, доктора и кандидаты наук, старшие и младшие научные сотрудники. Среди них практики — лесоводы и садоводы, агрономы и охотоведы, ботаники и зоологи. И все они любят и берегут нашу природу и умножают ее богатства.

Его знали и любили тысячи москвичей, которые мно-

го лет и зимой, и летом ходили с ним на экскурсии в Подмосковье, где он рассказывал о жизни леса, где учил их понимать природу, любить и беречь ее.

П.П. Смолин работал в Государственном Дарвинском музее главным хранителем его коллекций. Всю свою жизнь он был воинствующим пропагандистом природы и ее охраны.

Каждый из его учеников сохранит о нем светлую память в своем сердце, а своими делами будет продолжать великое дело охраны природы, которому учил их и которому посвятил всю свою жизнь Перт Петрович Смолин.

Наш учитель

Он был для нас живой энциклопедией, постоянным справочным бюро без перерывов и отпусков. Теперь, когда его нет с нами, мы собрались, чтобы вспомнить добрым словом нашего учителя и наставника. Школьники, студенты, аспиранты, научные сотрудники, седовласые ученые и зеленые юнцы, биологи и не биологи... Всех объединило одно — они знали и любили воспитателя нескольких поколений естествоиспытателей и натуралистов, талантливого педагога, замечательного человека Петра Петровича Смолина.

Когда мы жадно впитывали на занятиях все то, о чем он нам рассказывал, часто забывали, какой громадный опыт натуралиста, педагога, организатора стоял за его плечами. Нелегко приобретался этот опыт. Первая мировая война не дала ему доучиться в Московском университете, с третьего курса естественного отделения он ушел на Румынский фронт. Ужасы войны не погасили в нем желания познавать и защищать родную природу, воспитывать это желание в других. После возвращения с фронта в 1918 году П.П. Смолин участвовал в подготовке Декрета по охране природы, подписанного В.И. Лениным, позже — в организации опытной биологической школы им. Тимирязева, в 1924 году основал кружок юных биологов зоопарка, был директором биостанции юных натуралистов.

Словом, с его именем связано становление юннатского движения в нашей стране.

Петр Петрович Смолин оставил более 50 научных работ. В 1930 году он организовал под Архангельском биостанцию пушного института и был ее первым директором, участвовал в длительных экспедициях по островам и побережью Северного Ледовитого океана, собирая сведения о песцовом промысле и прогнозируя численность и добычу пушных зверей на 1934 — 35 годы. Его прогнозы блестяще оправдались. В 1935 — 39 гг. П.П. Смолина назначили заместителем директора Крымского заповедника. В 1941 Великая Отечественная война оторвала его от работы в Дарвинском музее. Но даже и на войне Петр Петрович нашел ниточку, связывавшую его с любимым и знакомым делом — с 1943 по 1945 годы преподавал в школе военного собаководства. После войны некоторое время был преподавателем Московского пушно-мехового института, а с 1948 года вернулся в Дарвинский музей, где и работал до конца жизни, сначала старшим научным сотрудником, а потом — главным хранителем. 1949 был годом рождения главного детища Петра Петровича — кружка юных биологов юношеской секции Всероссийского общества охраны природы, впоследствии широко известного как ВООП. Отсюда вышло большинство его питомцев — будущих кандидатов и докторов пауk, сотрудников институтов, заповедников, зоопарков, биостанций. Некоторые кружковцы стали не биологами, а инженерами, художниками, кинорежиссерами, журналистами. Но кем бы они не были, они на всю жизнь научились любить, ценить и понимать то, без чего не может жить человек, и что он обязан беречь и защищать — родную природу. А научил их этому Петр Петрович Смолин.

Юбилей юннатского движения

*А. В. Яблоков,
доктор биологических наук, первый председатель юношеской секции ВООП*

*Л. Г. Быкова,
кандидат биологических наук Москва*

(«Природа», 1981, №2)

11 октября 1980 г. во Всесоюзном научно-исследовательском институте охраны природы и заповедного дела Министерства сельского хозяйства СССР состоялась встреча, посвященная 30-летию кружка юных биологов Всеююзного общества охраны природы (ВООП) и памяти организатора этого кружка Петра Петровича Смолине (1897 — 1975).

В послевоенные годы, когда еще не было специализированных школ с научно профессиональным уклоном, П.П. Смолин — энциклопедически образованный биолог, одинаково хорошо знавший и фауну, и флору, страстный и неутомимый пропагандист биологических знаний, впоследствии главный хранитель Дарвиновского музея — организовал и возглавил кружок юных биологов Московского зоопарка, а затем — юношескую секцию ВООП. Занятия на базе Дарвиновского музея, биологического и географического факультетов Московского государственного университета, Ботанического сада АН СССР, воскресные выезды за город, летняя работа в заповедниках и различных экспедициях, куда Петр Петрович определял своих питомцев, — все это воспитывало в сотнях и сотнях подростков — юных советских граждан — любовь к родной природе, к биологии.

На юбилейную встречу пришло немало бывших кружковцев. Среди них научные сотрудники разного профиля: биологи, зоотехники, охотоведы, лесоводы, агрономы, врачи; в числе научных сотрудников самого Института охраны природы и заповедного дела насчитывается 14 бывших членов юношеской секции ВООП. Десятки вос-

питанников П.П. Смолина работают в других биологических институтах и вузах Москвы, Сибири, Дальнего Востока, некоторые стали профессорами, руководителями научных учреждений.

Теперь занятия с кружковцами Всесоюзного общества охраны природы ведут ученики П.П. Смолина. С 1972 г. юные натуралисты Москвы объединились при Доме пионеров Ленинского района в кружок юных биологов и краеведов — КЮБиК. В 1980 г. организован кружок школьников на биологическом факультете при Молодежном совете МГУ по охране природы.

Юннатское движение в стране растет. Оно служит надежным источником высококвалифицированных и увлеченных кадров биологов и деятелей в области охраны окружающей природной среды.

Его главный талант (к 90-летию П.П. Смолина)

(Юный натуралист. 1987. №1.)

Петр Петрович Смолин (1897-1975) — крупный популяризатор биологической науки, талантливый педагог. В январе этого года биологи и натуралисты Москвы, всей нашей страны отмечают 90-летие со дня рождения этого замечательного человека. Более полувека щедро делился Петр Петрович своими обширными знаниями с юннатами. Богатой, насыщенной была жизнь этого удивительно человека. Выпускник естественного отделения физико-математического факультета Московского университета, он прошел фронт первой мировой войны, всей душой принял Октябрьскую революцию, включился в педагогическую работу, стал одним из активных организаторов юннатского движения в стране.

В редакцию прислали свои воспоминания ученики Петра Петровича Смолина. Мы выбрали те из них, которые наиболее полно и многогранно раскрывают образ выдающегося педагога.

Воспоминания учеников ППСа

Июнь 1924 года. I Всесоюзный съезд юных натуралистов. Я хорошо помню эти дни: кипучие, бурлящие, наполненные юношеским горением, неисчерпаемым энтузиазмом, противоборством мнений, оптимизмом, огромной неудержимой страстью взволнованной молодости... И в эпицентре этого бушующего океана неистовых эмоций, молодой энергии, сокрушающей старое и создающей новое, был Петр Петрович Смолин!

Он тоже кипел и бурлил, спорил и доказывал, отвергал и внушал, уговаривал и требовал. Именно он в те дни вел нас тогда еще по узкой тропинке юннатского движения, открывая светлые перспективы, намечая наш творческий путь в науку и жизнь. И хотя в те годы он был еще молод — мудрым он был всегда.

Всесоюзный съезд был крайне важным событием в истории юннатского движения. Он определил направления всей будущей исследовательской и практической работы юных натуралистов нашей страны, пути дальнейшего ее развития на долгие годы.

Для подготовки съезда был создан оргкомитет, который в марте 1924 года провел общемосковскую конференцию юннатов. На конференции возникла острая дискуссия по повестке дня предстоящего съезда. Одним из главных был вопрос о тесном контакте юных натуралистов с комсомолом, о руководящей роли комсомола в юннатском движении. Возникли две точки зрения: одна группа юннатов вместе с их руководителями считала, что «мы сами по себе существовали и существуем... Комсомол — организация политическая, а мы политикой не занимаемся...».

Другая группа юннатов, во главе со Смолиным, считала совершенно необходимым не только работать, но и «стать под общее руководство комсомола, так как задачи юных натуралистов тесно переплетаются с задачами комсомольских организаций и могут быть осуществлены только с его помощью и даже совместно...».

Доклад на съезде поручили сделать П.П. Смолину.

Сейчас такой вопрос было бы излишне даже обсуждать, настолько он для нас всех ясен. Тогда же, в бурные годы становления новой жизни, при наличии разных течений среди молодежи, вплоть до анархических и иных групп, он вызвал весьма острую дискуссию, и надо было суметь почувствовать всю эту атмосферу, найти правильную формулу доклада и убедительные мотивы, чтобы делегаты съезда, приехавшие из самых разных и далеких уголков нашей Родины, приняли положительное решение.

Петр Петрович блестяще сделал доклад «О связи натуралистического движения с современностью», который стал главным, стержневым на съезде. Дискуссия была острой, темпераментной и откровенной. На все возражения Смолин отвечал горячо и убедительно. И когда в конце дискуссии он прочитал проект резолюции съезда, предложенный инициативной группой и согласованный с ЦК РКСМ, зал взорвался аплодисментами. Взметнулись сотни рук, раздались крики «ур-р-ра!». «Юннаты вместе с комсомолом!»

— Прощу голосовать. Кто против?

Сначала поднялось около десятка рук, но, увидев, что поддержки нет, они тут же опустились.

— Кто против? — снова спросил председатель. — Нет? Ну, раз нет, значит, резолюция принята единогласно!

Петр Петрович стоял на трибуне и улыбался. Съезд избрал Центральное бюро юных натуралистов при ЦК РКСМ. Одним из членов бюро стал П.П. Смолин.

Я рассказал об этой яркой странице биографии нашего учителя, чтобы подчеркнуть, какое большое значение, и какое положительное влияние оказал он на развитие юннатского движения у нас в стране.

До 1924 года П.П. Смолин работал заместителем директора Московского зоопарка по научной части, где вместе с талантливым педагогом-биологом В. Г. Дормидонтовым создал первый кружок юных натуралистов при

зоопарке. В 1924 году Смолин перешел на биостанцию юннатов (БЮН), где возглавил школу-девятилетку, которая сыграла немалую роль в организации и развитии юннатского движения. Петр Петрович оставался директором школы-интерната в течение семи лет, и именно здесь в полной мере проявился его талант педагога.

Двадцатые годы для всех школ страны стали временем поиска новых путей подлинного народного образования. Методы преподавания, принятые старой классической гимназией, были отвергнуты. Новые методы еще не были официально приняты. Почти каждая школа становилась «экспериментальной». Появились различные «течения» в преподавании отдельных предметов. Шли дискуссии о новых методах обучения. Многие педагоги стояли на старых классических позициях. Словом, существовало много разных мнений и противоречий, которые нужно было привести к общему знаменателю.

П.П. Смолин вместе с Б.В. Всесвятским и другими педагогами школы был за исследовательский метод, о котором говорилось и на съезде юных натуралистов. Каждый юннат, каждый школьник должен быть «исследователем», должен сам вести поиск и находить решение, применяя метод проб и ошибок, конечно, под руководством педагогов. Петр Петрович возглавил эту работу. Он учил нас поиску, помогал «осваивать» исследовательский метод, исходя из интересов и увлечений каждого ученика. Захватывающе интересно проходили специально организуемые дискуссии, привлекавшие буквально всех учеников школы, не оставлявшие никого равнодушными. Эти дискуссии Смолин всегда проводил сам. Они помогали ему, как директору и педагогу, узнавать, что представляет собой каждый из учащихся, каковы его знания, его личные интересы, уровень его культуры.

В 1930 году П.П. Смолин уехал в Архангельск вместе с группой своих учеников-бюновцев, где создал Северную охотпромысловую биологическую станцию для обслуживания охотников европейского Севера.

Здесь впервые Петр Петрович разрабатывает методы прогнозирования «урожайности» пушных зверей, методы определения лимитов их допустимого изъятия, правильного содержания и максимально возможного размножения пушных животных в неволе. Участвует в решении вопросов акклиматизации, обследует на месте состояние песцового промысла на Новой Земле и в Большеземельской тундре, разрабатывает меры по внедрению рационального промысла песцов в Арктике.

В 1935 году Петр Петрович передает руководство Северной охотпромысловой станцией своим ученикам, а сам уезжает в Крым, где занимает место заместителя директора Крымского государственного заповедника.

В 1939 году он возвращается в Москву и поступает на работу в Государственный Дарвиновский музей.

Война прерывает его работу. После демобилизации из армии он снова возвращается в музей, где получает место главного хранителя. Здесь он работает до конца своих дней не только как хранитель уникальных коллекций, но и как руководитель кружка юных натуралистов при Всероссийском обществе охраны природы, а затем как организатор и руководитель кружка юннатов при Дарвиновском музее.

Смолин воспитал несколько поколений юных натуралистов. Его знали и любили тысячи москвичей, которые много лет и зимой и летом ходили с ним на экскурсии по Подмосковию.

Каждый, кто общался с Петром Петровичем, сохранил в душе великую благодарность за его науку. Всю свою жизнь он воспитывал у детей, у молодежи и взрослых любовь к природе, прививал им чувство ответственности за сохранение нашей планеты, учил жить и творить для народа и Родины.

*С. Клумов,
старший научный сотрудник Института
эволюционной морфологии и экологии
животных имени А.Н. Северцова АН СССР,
член редколлегии журнала «Юный натуралист»,
бюловец 20-х годов*

* * *

В детстве у меня были настоящая Красная Шапочка и настоящий Серый Волк, с которыми мы даже выступали в новогоднем карнавале. Мои товарищи, наряженные в костюмы обезьянок, зайцев, медвежат, и их питомцы — ручные звери шли по дорожкам Московского зоопарка. Это веселое праздничное шествие радовало посетителей, а детвора присоединялась к нам. Так юннаты зоопарка встречали школьные каникулы. Те незабываемые дни крепко связаны с Петром Петровичем Смолиным. Он был не просто руководителем КЮБЗа (кружка юных биологов зоопарка), наставником разнообразной по возрасту, способностям и интересам ватаги почемучек. Он был центром нашей жизни.

Мне часто вспоминаются глаза этого человека, до старости сохранившие пытливую остроту взгляда и свет удивительной доброты. Доброжелательность была его главным талантом, через который раскрывались другие редкостные дарования Петра Петровича. Глубина его знаний в различных областях науки удивляла не только молодежь, но и ученых, а талант вести наблюдения и обобщать факты позволял Смолину накапливать оригинальный научный материал. Он обладал прекрасной памятью, все богатства которой с ошеломляющей щедростью дарил людям. И всегда оставался доступным для всех, кому был нужен. При этом его отношение к мнению признанных специалистов и к наивным вопросам младших кружковцев было одинаково серьезным. Часами просиживал Петр Петрович с мальчишкой или девчонкой, разбирая какую-либо проблему, занимающую маленького человека. Количество слушателей не волновало Смолина. Он неоднократно повторял, что, если на занятие пришел всего один человек, с ним нужно работать особенно бережно: раз пришел — значит, заинтересован. Петру Петровичу можно было задавать вопросы, твердо зная: не будет ни

обидной иронии, ни покровительственного снисхождения.

...Поздно вечером шлюпка нашей экспедиции подошла к берегу реки. Тропическая ночь быстро погасила фиолетовые краски заката. Москиты становились настойчивее. Мы собрали сухих веток и недалеко от воды разожгли небольшой костер. Слушая всплески пресноводного дельфина, я думала, что даже в этом нашем маленьком биологическом отряде два человека — воспитанники Смолина.

Счастлив тот, кто в радостный момент жизни вспоминает своих учителей. Это означает, что в детстве ему была подарена самая главная драгоценность — общение с умным и добрым человеком.

*В. Муцетони,
Дарвиновский музей*

Внешне он был прост до предела. В своем привычном полевом снаряжении он был мало похож на натуралиста-интеллекта, скорее — на труженика-солдата. От последнего его отличало то, что кое-что в его одежде было не так. Однослойная, выдавшая виды куртка была, пожалуй, чуть великовата, рукава чуть длиннее, чем нужно, вырез воротника чуть больше открывал тонкую шею. чем надо. Брюки с платком в кармане, вытянутые на коленях, и уже хорошо послужившие ботинки — вот и все. Зато все давно испытано и удобно. Такой была одежда. Из нагрудного кармана рубашки высовывался потертый край записной книжки. Нижний край кармана постоянно немного выпячивался: там лежала горстка знаменитых пэпээсовских цветных и простых карандашиков — крохотных, всегда тонко очинённых. По-моему, Петр Петрович немного гордился своими карандашиками. Он ловко пользовался ими для записей, в которых широко применял для краткости понятные ему разноцветные значки. Отличный рабочий инструмент и занимает мало места.

Таким Петр Петрович был и в мыслях, простым и свободным от мишуры. Он знал необыкновенно много и до деталей глубоко. Нельзя было не удивляться тому, как все умещается в одной голове, не вытесняя, и не заслоняя друг друга. Любые идеи и факты всегда, казалось, были у него наготове.

*А. Максимов,
полярник*

Нам очень повезло в жизни: когда мы были школьниками, мы ходили в кружок юных биологов при Всероссийском обществе охраны природы (сокращенно ВООП, отсюда и назывались мы — вооповцы). Вел этот кружок Петр Петрович Смолин — ПэПээС, как любовно мы его называли между собой.

Что это был за человек, которому исполнилось бы сейчас 90 лет? Он знал все: название любого растения или животного, он мог бесконечно рассказывать об их образе жизни, о месте в природе. Он нас учил высшим законам природы. Именно в то время биологическая наука, и в частности генетика, переживала тяжелые времена, когда господствовали ошибочные взгляды. А Петр Петрович нас учил истине, не отступая от нее и не предавая ее. Другими словами, Петр Петрович обладал в полной мере честностью, и смело передавал истинные знания нам, детям.

Петр Петрович был очень добрым и бескорыстным человеком. В быту он довольствовался самым малым. Дверь его дома не закрывалась для нас — ребят (а некоторых он поддерживал и материально). Во всем ему всегда помогала его жена и друг Нина Наркисовна. В их доме жили две умнейшие собаки Уран и Чернушка. Каждое воскресенье в любую погоду мы выезжали на природу, чтобы учиться понимать ее. Петр Петрович охотно, доходчиво и как-то ненавязчиво передавал нам свои знания. Разве забудешь «перевод с птичьего»: «Филипп, чай пить, чай пить», — приглашает певчий дрозд в то время, как дрозд-белобро-

вик как бы спешит вниз по невидимой лестнице, веселым свистом звонко «отсчитывая» невидимые ступеньки. «Мужик, сено вези, да не тряси-и-и», — поучает овсянка.

Мы получили много знаний, но самое главное — мы учились умению видеть, слышать, сопоставлять, мы учились понимать и чувствовать природу.

*Н. Кулюкина,
младший научный сотрудник ИЭМЭЖ
имени А.Н. Северцова АН СССР,
кандидат биологических наук*

Петр Петрович Смолин был и остается для своих учеников не только первым учителем биологии, а и самой Жизни. Его девиз «Ближе к природе!» не следует забывать ни современным юннатам, ни их наставникам. Необходимой частью кружковой работы Петр Петрович считал летнюю практику ребят в заповедниках, на биостанциях, в различных экспедициях. Там юные биологи получали первые профессиональные навыки и представление о своей будущей специальности. В устройстве летней практики Петру Петровичу помогали его ученики, ставшие зоологами, ботаниками, охотоведами.

После первого года занятий в кружке Петр Петрович предложил мне поехать летом работать в Кандалакшский заповедник на Айновы острова. Увидеть Заполярье, белые ночи, колонии чаек, гнездовья гаг — о таком можно было только мечтать! Однако все эти приготовления не на шутку встревожили мою маму, и она отправилась для решительного разговора с Петром Петровичем. Не знаю, о чем они говорили, но благословение на поездку мне было дано.

Я стал профессиональным орнитологом. И сейчас по лесной тропе рядом со мной идут новые юннаты — внуки и правнуки Петра Петровича.

*В. Шишкин,
научный сотрудник ИЭМЭЖ
имени А.Н. Северцова АН СССР,
кандидат биологических наук*

В доме у Петра Петровича всегда были его настоящие и бывшие кружковцы. В его небольшой комнате в коммунальной квартире он с женой Ниной Наркисовной умел создавать необыкновенно теплую атмосферу, успевал с каждым поговорить и обсудить все новости научной жизни. Посещения его дома всегда были радостью.

Он обладал необыкновенным даром — все свои энциклопедические знания отдавать людям, отдавать с восторгом и огромной любовью к людям, особенно детям. Он хорошо знал каждого своего питомца, каждого любил, за каждым следил и «болел» на всех зоологических олимпиадах и экзаменах. И в дальнейшем Петр Петрович следил за всеми своими уже взрослыми «детьми», помогал им работать, выбрать интересное направление в исследованиях и с удовольствием вникал в проблемы их жизни и работы, какие бы они далекие от зоологии ни были.

После окончания университета я не осталась в Москве. Работала в Жигулевском государственном заповеднике. Затем много лет на Биологической станции Зоологического института АН СССР в поселке Рыбачий Калининградской области. Но всегда, когда я приезжала в Москву, меня разыскивал Петр Петрович.

Удивительно, сколько у Петра Петровича выросло его последователей, учеников, сколько крупных ученых и просто хороших людей!

*И. Добрынина,
кандидат биологических наук,
заведующая Центром кольцевания*

У меня хранится звукозапись одной из лекций Петра Петровича. Недавно включил магнитофон и поймал себя на том, что знакомый голос не просто дорог. То, что он рассказывал, оказалось так же захватывающе интересно, как и много лет назад.

На лето мы разъезжались в разные экспедиции. Многие вели самостоятельные исследования. Петр Петрович не был склонен к нравоучениям, но его напутствия были буквально заповедями. Он говорил: «Никогда не

врите. Если, скажем, наблюдали за гнездом и уснули, не сочиняйте, а честно признайтесь. Сдавайте руководителю оформленный отчет о работе, а первичные записи оставляйте себе. Пригодятся. И еще. Ведите себя так, чтобы в экспедициях всегда были рады вооповцу, чтобы не закрывать, а открывать дорогу своим товарищам».

Одной из традиций кружка была ежегодная конференция «Встреча поколений», где докладывали результаты работ. Выступали начиная от самых юных (обычно учеников средних классов) до кандидатов наук. Выглядело это трогательно и умиляло родителей. Но наше отношение к докладам было совершенно серьезным и при том привычным. Петр Петрович учил нас не только постигать знания и добывать их, но и доходчиво излагать. Только позднее стало ясно, на какой высокий уровень ППС поднимал детвору.

Не все из кружковцев стали профессиональными зоологами и ботаниками, и не всем знания, полученные в кружке,годились непосредственно. Многие, и я в том числе, работают на стыке биологии и точных наук. Что нам, как специалистам, дали те занятия? Очень многое, и в первую очередь, то, что можно назвать «чувством живого». Когда в эксперименте используется много сложной аппаратуры, легко уйти в технические детали, в частности и забыть, ради чего, собственно, поставлен опыт.

А впрочем, стоит ли скрупулезно подсчитывать, «что это нам дало»? Главный урок, который преподавал нам ППС, — это урок человеческих отношений, целеустремленности, бескорыстия, благородства.

*А. Аверьянов,
старший научный сотрудник ВНИИ
фитопатологии Агропрома СССР,
кандидат биологических наук*

Из воспоминаний об отце

П.П. Смолин сын

(к выступлению на торжественном заседании, посвященном 90-летию со дня рождения П.П. Смолина, 1987 г.)

В семейных анналах запечатлены некоторые события раннего детства отца в Кургане. Известно, например, что четырех лет от роду он настолько загляделся на снегиря, что отморозил нос. Так, с тех пор он и пронес сквозь всю жизнь неизбывный интерес к пернатым. О детской его страсти к птицам осталось любопытное свидетельство. Еще в начале века дед подарил ему толстенный том «Птицы Европы» Мензбира. Эта книга всегда занимала почетное место в его обширной библиотеке, но в начале войны вся библиотека погибла в буржуйке у чужих людей. И лишь несколько десятилетий спустя кто-то из кружковцев обнаружил у букинистов том Мензбира с автографом деда, понял, что это за книга и возвратил ее отцу. Сейчас эта историческая книга представлена на стенде в рекреации.

Одна невинная детская слабость отца имела курьезные «дарвинистские» последствия. Был отец большим сластолюбом. Как-то в Кургане он столь переусердствовал, поглощая клубнику с сахаром, что у него возникла аллергия к этому лакомству. И представьте, аллергия к клубнике передалась и мне, и когда об этом заходил разговор при отце он незамедлительно подчеркивал научное значение факта:

«Это же блестящее подтверждение дарвиновского учения — благоприобретенный признак стал наследственным».

В школьные годы учился отец в Екатеринбурге и затем не без гордости вспоминал, что получал первые призы на гимназических балах. На одном из таких балов он и познакомился с моей матерью Ниной Наркисовной. Дед, Петр Дмитриевич, был очень неводержанным человеком, и бабушка, женщина твердая и с развитым чувством соб-

ственного достоинства, в конце концов, разошлась с ним и уехала с младшими сыновьями в Москву. Нина Наркисовна, воспитанница известного уральского геолога и краеведа Модеста Онисимовича Клера, в первые годы после революции по делам краеведения иногда приезжала в Москву. Здесь они встретились с отцом, и воспоминания о победах на гимназических балах сыграли решающую роль в их (и моей) судьбе. Они поженились, и до самого последнего вздоха Нина Наркисовна была преданнейшим помощником отца во всех его делах. Пока она была жива, только она и могла мгновенно найти нужную отцу книгу, какую-нибудь его рукопись или материал.

Небольшие штрихи к моральным устоям моих родителей. Нина Наркисовна была круглой сиротой и в свои юные годы должна была растить двух малолетних братьев и сестру. Отец без всяких колебаний взял ее в супруги с таким «приданным». Примечательно также, что в московском зоопарке вокруг отца собрались в начале двадцатых годов остальные Смолины — бабушка, оба брата с женами и детьми, так что семья была большая и, хотя держалась на отце, была скорее матриархальной, поскольку семейный уклад во многом определяла бабушка, женщина очень строгих правил.

Из этого первого периода московской жизни сохранилась память о конфузном для отца событии. В какой-то весенний праздник его зазвали в зоопарк гости, а затем он пропал. Долго его искали и, наконец, нашли спящим под попугайником. Не устоял он перед хлебосольством хозяев и, будучи отменным трезвенником, принял все-таки спиртного с перебором. Это на долгие годы утвердило отца в антиалкогольных принципах, хотя он и любил застолье, раскованные беседы приятельных людей. И позднее, уже на моей памяти, в нашем доме по праздникам, да и просто за обедом, бывало людно и оживленно, чему не мало способствовала и Нина Наркисовна, гостеприимная хозяйка, не лишенная кулинарных дарований.

Я бесконечно признателен родителям за свободное

воспитание. Был я в детстве очень упрямым, так что звали меня даже «мальчиком наоборот». Но моя самостоятельность исподволь направлялась родителями в разумное русло. В три года я сам заправлял свою постель и всегда имел некоторые домашние обязанности. За всю жизнь лишь однажды за какой-то проступок мне перепало от отца линейкой по рукам, а в основном воспитательные меры были скорее поощрительные, нежели карательные. За плохие поступки ставились нолики, а за хорошие — крестики. И если баланс был положительным, отец рассказывал мне сказки, которые я ужасно любил. А сказки были интереснейшие. Особенно меня поразила история капитана Немо. И еще отец лепил мне зверей из парафина, и эти игрушки у меня были самыми любимыми.

В Архангельске и Крыму рос я в окружении животных. Помню злонравного лиса Касьяна, очень пренебрежительно ко мне относившегося и демонстративно нагадившего на мои игрушки, которые я ему доверчиво предложил. Жил у нас в Архангельске и более дружелюбный волк Тарзан, а белки брали орешки изо рта. Но самые большие друзья-звери были у меня в Крыму. Косуленок Васька замечательно играл со мной в прятки и был так сильно привязан, что, когда мы однажды все ушли из дома, он выпрыгнул, разбив стекло, из окна и догнал нас. Зимой завелся у нас дубонос с поврежденным крылышком, и, когда принесли в дом елку, он тут же на нее водрузился и не покинул облюбованного места, когда елку наряжали и даже зажгли свечи. Приехала к нам тогда на новый год в гости моя тетка игрушечница, стала рассматривать игрушки на елке и сразу же обратила внимание на смирехонько сидевшего дубоноса. Каково же было ее удивление, когда птичка пошевелилась.

Крымский заповедник был прекраснейшим уголком нетронутой природы, где прошло поистине золотое мое детство. Навсегда я вынес оттуда любовь к горам. Развивался я там вольготно, почти как дикорастущее растение. Правда, читать научился в четыре года, а в пять написал

бабушке в Москву письмо с юмористическими потугами. Родители одобрительно посмеялись над моим эпистолярным упражнением. Но не тут то было. Бабушка прислала им гневное письмо, оказалось, что я наделал в своем сочинении массу ошибок. Кончилась эта история с орфографией лишь после того, как по возвращении в Москву я был оставлен после диктанта на второй год во втором классе, и лишь в 1945 г. наверстал это отставание, окончив последние три класса школы за один год экстерном, что было в то время возможно.

В семье биологов я естественно был приобщен к биологии. С раннего детства, например, знал систематику животных. А в школе по биологии у меня были высшие баллы. Однако, прожив некоторое время у старшего брата отца, Дмитрия Петровича, очень известного в свое время драматурга, так был заворожен этой блистательной личностью, что решил тоже стать писателем. Слава богу, однако, сам сумел критически оценить свои дарования, поразмыслив над неоконченным своим романом «В погоне за счастьем», писанным в двух общих тетрадах в период, когда зачитывался Джеком Лондоном. Тем не менее, геологом я стал в связи с литературными увлечениями. В кружке детской библиотеки поручили мне реферат на тему ни много, ни мало как Америка вообще, и решил я его начинать с самого начала. Освоил для этого книгу Вегенера о дрейфе континентов, что и определило мою дальнейшую судьбу.

Однако литературные увлечения нет, нет, да и давали о себе знать. Будучи единственным, а, следовательно, и эгоистичным чадом, я в студенческие годы иногда выморащивал с родителей дотации на развлечения. И отец, в конце концов, возмутился и предложил мне самому зарабатывать «на разгульную жизнь». Разгружать капусту мне почему-то не понравилось, не увлекла меня и деятельность статиста на киносъёмках, в которую безуспешно попытался меня вовлечь Рудик Котс, страстный поклонник кино. Тогда отец предложил деловой союз. Писал он иногда не-

большие материалы в пионерскую зорьку, но жаловался, что редакторы начинают править и коверкают. «Вот, говорит, ты и в писаки собирался, и смысла не исказишь. Я напишу тебе суть, а ты уж давай оживляй и утрясай с редакторами». Дело у нас пошло на лад, тем более, что я, как есть тоже Петр Петрович Смолин, сам и получал без помехи небольшие гонорары на радио. Аппетит приходит во время еды, дело стало развиваться. Составили мы с отцом реестрик тем. Поехал я с этим списком в разные редакции и везде получил заказы. Тут, правда, отец сказал: «Давай, однако, по-честному — приличные гонорары пополам», на что я милостиво согласился. Но недолго продолжался наш творческий тандем. Я так приставал к отцу «давай работай», что он, в конце концов, разорвал наш превосходный контракт. Через несколько лет уже он получал мои гонорары:

«Да, — говорит, кажется, что-то присылали по почте, а я не разобрался, что это тебе».

Позднее возникала иногда такая путаница и на стороне. Как-то отец рассказывает, что его просят выступить в клубе юных космонавтов с лекцией на тему «Сколько лет Земле»:

«Начал, — говорит, я было отпираться, не моя это стихия, но приперли к стенке проспектом издательства «Наука», где значится книга П.П. Смолина под таким названием».

Поскольку книга была, хоть и П.П. Смолина, но не отца, а моя, пришлось мне ехать в планетарий к юным космонавтам.

Были у нас в мои юные годы разногласия по поводу кружка. Вполне оценивая колоссальную эрудицию отца, пытался я со своей колокольни рациональнее ее направить:

«Чего, — говорю, ты возишься с кучкой ребятишек, пиши книги — толку будет больше и тебе, и мне, и человечеству».

Отец очень сердился и даже горестно констатировал,

что «есть у него сын лишь физический, а не духовный». Но после первого же его пятидесятилетнего юбилея, воочию узрев в сборе несколько поколений воспитанников отца, я раз и навсегда отрекся от своих наставлений. Тогда и отец признал меня вскоре не только физическим, но и духовным чадом.

Обычно я видел лишь некоторых воспитанников отца, приходивших к нему домой, но однажды приятельница попросила внедрить в кружок своего совсем юного сына, и мы втроем пришли на занятие кружка в дарвиновский музей. Сынишка приятельницы чрезвычайно воодушевился виденным и слышанным и настолько забыл наши предварительные объяснения, куда и к кому мы идем, что простодушно спросил о седобородом отце: «Наверно это сам Дарвин?» Восторженная реакция мальчонки напомнила известную сентенцию «дитя не может лгать и ошибаться! Действительно, общение отца с кружковцами могло оставить равнодушными лишь вовсе бесчувственных и ограниченных людей. Наблюдая горячую увлеченность ребят и притом их вполне профессиональные ухватки, можно было лишь радостно изумляться их высокой одухотворенности.

Сегодня, в этой аудитории, видимо, все помнят многолюдные собрания и на прижизненных юбилеях отца. Наверно секрет этой популярности наиболее лаконично объяснял тогда сам Петр Петрович, неизменно кончавший свои заключительные выступления словами: «Надо быть нужным людям».

В последние его годы мы жили опять вместе. И каждый день к нему шли воспитанники и всегда в оживленных беседах с отцом получали ответ на свои вопросы и черпали из поистине кладези универсальных биологических знаний, до последних дней, сохранившихся в его поразительной памяти. А однажды для меня особенно ясно обрисовались плоды такого общения. Прислушался я как-то к разговору отца с уже вполне сложившимся, хотя и очень молодым, его воспитанником Сашей Раутяном

и понял, что если бы даже только одного такого ученого воспитал отец, то и тогда можно было бы считать дело его жизни состоявшимся.

Радуясь сегодня живой памяти об отце, вместе с тем понимаешь, что она оправдана всей его жизнью под девизом «быть нужным людям» и неизменным стремлением отдать своим воспитанникам и свои знания, и тепло светлой души.

Интересы Петра Петровича в биологии были многогранными, но среди них самым главным, в конечном счете, оказался кружок. Симптоматично, что в последний период кружок был при Дарвиновском музее, в становлении которого отец вместе с А.Ф. Котсом участвовал еще в первые годы революции. Поэтому думается, что лучшей памятью Петру Петровичу было бы укрепление и развитие музея. В новом здании с разворачиванием уникальных, глобального значения, фондов музей наверно должен стать не только зрелищно-просветительным учреждением, но и в большей мере научным центром. Может быть, следует сместить его под эгиду Академии Наук и привлечь в него лучших воспитанников ППСа. Такая перестройка могла бы иметь не только общее научное значение, но вероятно способствовала бы и научно-техническому прогрессу, например, в области бионики.

Спасибо вам за добрую память о Петре Петровиче!

Отцы и дети

*Дмитрий Житенев,
член КЮБЗа в 1947-48 гг.*

(Московская Охотничья Газета, 23 ноября 1994 г.)

В этом году исполнилось 70 лет КЮБЗу (Кружку юных биологов Московского зоопарка). Для многих это название ничего не говорит, но для огромного количества ребят, прошедших через него за эти 70 лет, — это значительная и чуть ли не самая лучшая часть детства и юноше-

ства. Я не побоюсь сказать, что этот кружок был светлым явлением в тяжкие годы тоталитаризма и застоя. Именно в нем ребята и девчата получали первые уроки самостоятельности и солидарности. Надо еще вспомнить, что все послевоенные годы обучение в московских школах было раздельное, а в кружке юных биологов и мальчишки и девчонки занимались, ходили в походы вместе.

И подход со стороны руководителей, особенно Пэпэса, Петра Петровича Смолина, был очень серьезным, скидок на возраст не делалось, ребята занимались настоящей научной работой рядом со штатными сотрудниками зоопарка и порой совершенно самостоятельно.

Как же было многим из них не стать известными людьми не только в нашей стране, но и за рубежами. В публикуемых ниже воспоминаниях Вадима Гудкова, который был одним из самых активных членов КЮБЗа, много фамилий. Каждый из тех, кого упомянул автор, известен в своей области деятельности, но не только. У всех на слуху фамилии советника по делам экологии при Президенте России Андрея Владимировича Яблокова, члена Государственной Думы Николая Николаевича Воронцова. Вот они совсем еще мальчишки на снимках того далекого времени. И другие не менее известные фамилии и имена: П. Флоренский, внук о. Павла Флоренского, или Л. Семашко.

КЮБЗ, как магнит, притягивал наиболее смысленых и активных ребят. Даже те, кто не стал биологом, все равно оставались на всю жизнь такими же активными, как и в детстве.

КЮБЗ — среднее поколение

Вадим Гудков

(Московская Охотничья Газета, 23 ноября 1994 г.)

Только что закончилась Великая Отечественная война и Москва в тот год по-особенному сияла и радостными улыбками, и ярким солнцем, отражавшемся в новеньких орденах храбрых офицеров.

В один из таких дней мы всей семьей — мама и все пять братьев — поехали в зоопарк.

Прошли мимо ряда вольер, что тянутся от самого входа почти до круга катания. Там жили звери и птицы наших лесов: волки, лисицы, барсуки, совы, орлы. Заглянули на большой пруд, где на берегу отдыхали всевозможные гуси, а под ветвями склонившихся к воде ив проплывали табунки разнообразных уток, поражающих пестротой окраски.

Но вот мы очутились возле небольшой эстрады, с которой импозантный седой мужчина рассказывал об обитателях зоопарка. Ему помогали две девочки-школьницы. Когда лектор заканчивал рассказ об одном животном и переходил к другому, девочки поочередно уходили за кулисы и выносили на руках или выводили на сворке то лисенка, то симпатичного увальня енота, то медвежонка. И пока шел рассказ, юная ассистентка держала малыша на руках, ласкала и успокаивала его.

То, что при Московском зоопарке был кружок юных любителей природы, я читал в книге писателя Н. Шкляра «Повесть о зоопарке», которую не раз брал в нашей районной библиотеке. А увидев, как эти школьницы ловко обращаются со зверями, понял, что кружок существует и поныне. Дождавшись конца выступления, подошел к лектору и попросил записать меня в этот кружок.

Через день я впервые самостоятельно отправился в зоопарк, отыскал дирекцию, поднялся на второй этаж и постучал в дверь с надписью «Культмассовый сектор».

В углу за столом сидел уже знакомый мне мужчина с красивой сединой. Это был руководитель КЮБЗа Николай Васильевич Никсо-Никочо. Вокруг на стульях и столах — человек тридцать пацанов и девчонок лет по 14-16. Они непринужденно переговаривались, легко манипулируя всевозможными биологическими терминами, делились зоопарковскими новостями, оживленно обсуждали последний поход в лес, где бродили по лосиным следам. Сразу бросилась в глаза резкая разница школь-

ных отношений и той дружеской атмосферы, царившей в этом коллективе единомышленников, увлеченных общим интересом и любовью к природе. Было похоже, что все присутствующие если и не друзья, то, по крайней мере, хорошие товарищи.

Когда ребята узнали, что я хочу поступить в кружок, они еще больше оживились и устроили мне настоящий экзамен. Узнали, что особенно я равнодушен к копытным, и начали со всех сторон засыпать вопросами об оленях. И каких я знаю оленей вообще? Какие из них обитают в нашей стране? Какие есть в зоопарке?

Только на один вопрос — чем отличается северный олень от других оленей — пришлось отвечать довольно долго.

Скажешь, что у северного оленя рога имеют и самцы и самки, тут же слышится:

— А еще?..

— У северного копыта широкие, округлые, чтобы он меньше проваливался в снегу и болоте.

— А еще?

— Основным кормом северного служит ягель.

— ...?

И так много раз.

Нет, это было не желание похвалиться перед новичком своими знаниями. Они просто хотели убедиться в том, что в их коллектив попадет близкий по духу человек.

В общем, меня приняли. КЮБЗ, созданный по инициативе профессора П.Л. Мантейфеля в 1924 году* уже отметил свое двадцатилетие и мог гордиться своими питомцами: Н.И. Калабухов и С.С. Фолитарек успели стать докторами наук.

---

* В создании КЮБЗа несомненно принял участие и М.М. Завадовский, бывший в те годы директором Московского зоопарка, о чем было рассказано в журнале «Природа и охота», №1 за 1992 г. (прим. ред.)

Заявили о себе на научном поприще и будущие известные зоологи и биологи: Б. Мантейфель, Л. Виноградов, Ю. Исаков, А. Кузякин, В. Кучерук, Т. Дунаева, Н. Башенина, И. Шилов, А. Банников, Б. Карасева, Б. Вепринцев, Е. Ильина. В научных изданиях постоянно мелькали фамилии и других воспитанников КЮБЗа: Л. Капланова, Г. Бромлея, К. Вахрамеева, В. Раевского, С. Клумова. Юным биологам хорошо были известны книги детской писательницы В. Чаплиной о том, как она воспитывала львенка Кинули и других малышей зоопарка.

А И. Сосновский вскоре станет директором зоопарка и проработает в этой должности не одни десяток лет.

КЮБЗ нашего поколения насчитывал более 100 человек, и в нем было несколько бригад по интересам.

Самыми многочисленными были «хищники».

В ней занимались К. Сулимов, ныне известный кинолог МВД, Г. Дервиз, теперь художник, С. Розанов, работающий научным сотрудником и поныне, и другие ребята.

Из бригады орнитологов одной из самых заметных фигур был Стасик Кудрявцев. Уже в ту пору он знал всех обитателей прудов зоопарка не только по видам, но чуть ли не каждого лебедя, гуся, утку «в лицо» и мог рассказать о них кучу интересного.

А вот бригада «копытных» была малочисленна. Когда я появился на КЮБЗе, в ней работал только один В. Гринберг, к сожалению, вскоре погибший. Потом появился Николай Воронцов, ныне член-корр. РАН, профессор, успевший примерить тогу министра и народного депутата.

При выездной секции, обслуживающей лекции сотрудников зоопарка, содержалась большая группа ручных животных: медвежат, волков, лисиц, енотов. Руководила секцией бывшая кюбзовка Г. Богданович. Ей помогали выкармливать и приручать звериных малышей О. Васнева, Е. Сульповар, О. Максимова, В. Муцетони.

Была у нас и бригада юных охотников. Она объединяла старших кружковцев, увлеченных общей страстью. А таких было не мало. И среди них председатель кружка

Г. Дервиз, И. Родионов (впоследствии известный физиолог), И. Акимушкин, чьи книги сейчас известны многим любителям природы.

З. Латман — очень страстный охотник и хороший стрелок. И хотя работать он станет в конструкторском бюро одной из авиационных фирм, заядлым охотником останется навсегда.

Но, пожалуй, самым искусным охотником среди нас был Л. Семашко. Уже тогда ему удавалось по следам протропить лисиц и стрелять на днёвке. А это значительно труднее, чем тропить зайца, например. Превосходный стрелок, он хорошо мог подманывать птиц и зверей, подражал их голосу. Поэтому редко бывал без добычи. Он очень рано стал хорошим таксидермистом. Недаром по заданиям Тимирязевского музея и кафедры зоогеографии МГУ он выезжал в различные регионы страны для сбора птиц и зверей, а прекрасно выполненные им чучела много лет украшали стены КЮБЗовского домика на новой территории зоопарка.

Были в КЮБЗе свои фотографы. Наиболее удачными получались фотографии у Алексея Яблокова, Сергея Розанова и у, пришедшего чуть позже, Л. Розенштрауха. Их фотографии до сих пор возвращают нас в прекрасную пору нашей юности.

В ту пору то в льятнике, то в страусятнике можно было часто встретить маленького вихрастого мальчика с мольбертом. Он тоже был кюбзовцем, хотя почти никогда не выезжал с нами в походы и даже на собраниях кружка появлялся редко. Все свободное время он увлеченно рисовал животных. Звали юного живописца Валик Смирин. Он стал известным художником-анималистом. Был в КЮБЗе и еще один талантливый художник — М. Никольский. Уже тогда мы восхищались его умением схватить острым взглядом и передать на бумаге сложную позу какой-нибудь антилопы или птицы. Став взрослым, он трудился в знаменитой Гжели. К сожалению, судьба отпустила ему очень мало времени жизни.

Особенно оживилась работы КЮБЗа, когда в 1946 году руководителем кружка стал Петр Петрович Смолин. Старейшие кюбзовцы утверждают, что ППС появился в зоопарке даже раньше П.А. Мантейфеля и организовал там кружок с броским названием «В природу», который якобы был предвестником КЮБЗа. ППС, как почтительно называли своего наставника юные биологи, известен большинству по поздним фотографиям, публиковавшимся в журналах, как уже сильно пожилой человек с большой бородой — этаким старичок-лесовичок. А тогда он был худощав, быстр в движениях, лысоват, с короткими подбритыми усами. Одет он был всегда в военный, изрядно потертый китель, а на выездах в серенькое пальто и кепку.

Ни один из многих руководителей КЮБЗа, за исключением П.А. Мантейфеля, не пользовался такой любовью у ребят, как ППС. Его невозможно было увидеть одного. Всегда вокруг толпилась стайка «кюбзят». Так он ласково называл младших кружковцев.

При нем мы стали ездить в различные заповедники страны: в Асканию Нову, в Астраханский, Воронежский, Дарвинский, Приокско-Тerrasный и многие другие.

Кстати, расходы по этим поездкам полностью брал на себя зоопарк.

Жизнь показала, что все это было не напрасно. Подавляющее большинство участников этих поездок и в будущем посвятили себя научной работе. КЮБЗ, как мне кажется, фактически стал для нас лицеем. Почти каждый четвертый нашего актива стал доктором наук. Это И. Родионов, Н. Воронцов, А. Яблоков, Э. Ивантер. Э. Коренберг, Т. Евгеньева, А. Четвериков, С. Райцина, И. Кроткова, Л. Баскин, В. Березин, А. Расницын, П. Флоренский, Л. Розенштраух, Г. Длусский, В. Павлов.

Известны в научном мире и многие другие кюбзовцы той поры, кандидаты наук, работники научно-исследовательских учреждений, музеев, заповедников.

Исследовательский подход в природе и жизни

Н. П. Харитонов

*заведующий сектором экологии Дома научно-технического творчества молодежи г. Москвы,
выпускник кружка ВООП*

(Юннатский вестник. №1, 1999, Изд. ЦСЮН)

В истории отечественной биологии и педагогики Заслуженный работник культуры РСФСР Петр Петрович Смолин занимает особое место. Жизнь этого человека удивительно богата событиями. Петр Петрович родился 5 января 1897 года в г. Кургане. С семилетнего возраста начал интересоваться изучением природы: держал и приручал различных диких животных, наблюдал птиц и зверей в природе, собирал коллекции. Подлинная большая любовь к природе, жажда знаний о мире животных и растений сформировали из него хорошего натуралиста, человека больших и разносторонних знаний.

В 1914—1916 годах П.П. Смолин учился в Московском университете на естественном отделении физико-математического факультета. В Зоологическом музее МГУ хранятся тушки птиц, материалы по пресмыкающимся и земноводным, собранные П. Смолиным в 1915 г., когда ему было восемнадцать лет. Но начавшаяся война не позволила закончить учебу. С декабря 1916 по март 1918 года П.П. Смолин — в действующей армии.

Вернувшись с фронта в марте 1918 года, он работает в Московском зоопарке сначала научным сотрудником, затем заведующим отделом и исполняющим обязанности заведующего научной частью. И здесь, изучая жизнь и повадки животных, совместно с другим педагогом-натуралистом В.Г. Дормидонтовым в 1923 г., основывает первый юннатский кружок зоопарка (КЮН), из которого и вырос впоследствии Кружок юных биологов зоопарка (КЮБЗ).

В апреле 1924 г. Петр Петрович переходит на работу на Биостанцию юных натуралистов в Сокольниках.

С сентября 1930 по январь 1935 года П.П. Смолин работает на севере. Он организовал под Архангельском биостанцию пушного института и был ее первым директором. Под его руководством станция провела интересные и ценные работы: заселила территорию северного края ондатрой, осуществила выпуск в охоту года черно-серебристых лисиц, провела ряд интересных наблюдений по оценке плотности населения пушных зверей, изучала новые и малоизвестные орудия охотничьего промысла. В 1931 году Петр Петрович участвует в экспедиции по островам и побережью Северного Ледовитого океана, собирая ценный материал о песцовом промысле.

В 1935 — 39 гг. П.П. Смолина назначили заместителем директора Крымского заповедника, где он занимался изучением биологии диких копытных и птиц горного и предгорного Крыма. В 1941 году Великая Отечественная война оторвала его от работы в Дарвиновском музее, куда он вернулся в сентябре 1939 года. Началась служба в ополчении, а затем в Центральном военно-собаководческом управлении связи, где Петр Петрович командовал взводом и преподавал на курсах собаководства.

После войны П.П. Смолин некоторое время преподавал в Московском пушно-меховом институте, а в 1948 году вернулся в Дарвиновский музей, где и работал до последнего дня своей жизни (29.09.1975 г.) сначала научным сотрудником, а потом главным хранителем. До 1952 года Петр Петрович был научным консультантом КЮБЗа. Удивительным было знание Петром Петровичем систематики птиц. Он не только знал наизусть все крупные системы класса птиц, но и составил свою оригинальную и удобную экологическую классификацию птиц, которая, к сожалению, не опубликована. Занимался Петр Петрович и зоогеографией и фаунистикой птиц, структурой ареалов отдельных групп и видов.

Практически всю свою жизнь Петр Петрович занимался подготовкой молодых биологов. 1949 год был годом рождения главного детища Петра Петровича — Кружка

юных биологов юношеской секции Всероссийского общества охраны природы, впоследствии широко известного как КРУЖОК ВООП. Кружок существовал исключительно на общественных началах, при широкой поддержке ряда ученых научных учреждений и биологических вузов. Кружок, руководимый Петром Петровичем, подготовил немало специалистов биологов. Школу Кружка прошли: А.В. Яблоков — член-корреспондент РАН, доктора и кандидаты наук: Н.Н. Воронцов, Е.Н. Панов, Ю.Г. Пузаченко, Ю.С. Равкин, П.П. Второв, Н.Н. Дроздов, К.В. Авилова, М.Е. Черняховский, В.С. Шишкин, М.Н. Сотская, М.В. Глазов, О.А. Леонтьева, С.П. Харитонов, А.Л. Мищенко, А.А. Вахрушев и многие-многие другие. Но те, кто не стал биологом — на всю жизнь сохранили преданность лесу, любовь к «братьям нашим меньшим».

К большому сожалению, большинство материалов его работы не опубликованы и ждут своего часа в архиве, переданном в Дарвиновский музей. Это данные по птицам Крыма, многолетние наблюдения и учеты птиц Москвы и Подмосковья и многое другое. Популяризируя биологию, Петр Петрович публиковал статьи и рассказы в детских и юношеских журналах. Хочется привести несколько из полусотни связанных с птицами стихов-загадок (часть из которых опубликована), написанных П.П. Смолиным.

Как стемнеет, вылетает,
И огромным ртом хватает
Над землей и над водой
Насекомых ... (Козодой)

Ночью в чащах и лесах
Уханье наводит страх.
Страшен громкий крик и силен.
Так кричит огромный... (Филин)

Работая во многих местах нашей страны и руководя работой юных биологов, Петр Петрович ставил перед собой задачу по перевоспитанию привычки пассивного восприятия и принятия на веру без должной критической

оценки готовых истин, которые давала подрастающему поколению жизнь и школа. Он был одним из зачинателей и активным пропагандистом исследовательского подхода в обучении школьников. Общераспространенный взгляд, что исследование доступно только ученым, он опровергал на практике. Природа была его лабораторией, в которой он трудился со своими учениками. Его искусство состояло в том, что он мог втянуть в активную исследовательскую работу всех, с кем общался на экскурсиях или в работе.

В последние годы интерес к проведению исследовательских работ у школьников и у их руководителей стал несколько угасать. Это показывают и конференции, и конкурсы, и олимпиады. Большой поток информации — полиграфической, теле- и видео- и прочей, стал заменять подрастающему поколению врожденный интерес первооткрывателя, ищущего активного искателя. Отсутствие методических разработок по организации исследовательской деятельности школьников в ряде разделов биологии негативно сказывается на возможностях тех преподавателей, которые пытаются направить искания детей в нужное русло. Будем надеяться, что в ближайшие годы появятся разработки по организации исследовательской деятельности школьников в ряде биологических наук, которые помогут направить интерес познания в необходимую сторону. Обыватели часто задают вопрос: «Стоит ли школьникам заниматься наукой? Не будет ли это игрой в науку?» Приведу высказывание одного из активных пропагандистов исследовательского метода в организации работ со школьниками Е.А. Нинбурга (г. Санкт-Петербург): «Что ж, игрой, конечно, будет. Только игра — это совсем не так плохо. Во-первых, играть интересно. Во-вторых, играя, мы учимся «проигрывать» те ситуации, в которых можем оказаться в жизни. Недаром взрослые устраивают «деловые игры», польза которых очевидна. Важно играть «всерьез». Хотелось бы пожелать читателям этого номера «Юннатского вестника», опираясь на опыт предыдущих поколений, продолжить традиции юннатского движения,

активно искать, стараться больше узнавать нового в такой прекрасной лаборатории, как ПРИРОДА.

Кружку юных натуралистов ВООП — 50!

К.А. Авилова

Зоолог, член кружка ВООП с 1960 г.

(Биология, Еженедельное приложение к газете «Первое сентября», ноябрь 41/ 2000)

В этом году исполнилось 25 лет со дня смерти выдающегося просветителя-биолога, заслуженного деятеля культуры России Петра Петровича Смолина (1897—1975) и 50 лет с момента основания знаменитого кружка юных натуралистов ВООП, которым Петр Петрович на протяжении долгих лет руководил.

П.П. Смолин — ППС, как называли его ученики, — был ученым, педагогом, общественным деятелем, специалистом в области заповедного и музейного дела, военного собаководства, охотничьего хозяйства, организатором и пропагандистом внешкольной работы с молодежью. Все грани таланта этого скромнейшего человека трудно перечислить... Но главным даром Петра Петровича, несомненно, был педагогический талант — работе в кружке он посвятил основную часть своей жизни. Сейчас его ученики — ученые и преподаватели естественных наук, работники школ, музеев, издательств, ботанических садов, питомников и биостанций, заповедников и национальных парков, учреждений природопользования и охраны природы, неправительственных организаций, деятели культуры и искусства... Учеником Петра Петровича Смолина был и замечательный просветитель нашего времени отец Александр Мень.

Мировоззрение и кругозор П.П. Смолина сформировались под влиянием таких выдающихся российских ученых, как Г.А. Кожевников, В.В. Станчинский, Н.И. Вавилов, Н.Ф. Котс. И в дальнейшем он постоянно общался с широким кругом специалистов, коллег, а впоследствии — и с учениками. При этом одним из принципов Петра Пе-

тровича была опора на практические знания, полученные при общении с природой. Недаром девизом его последователей стал лозунг: «Чтобы любить природу, ее надо знать!» В далекие теперь 1960-е гг. кружок собирался пять раз в неделю. В понедельник в старом здании Дарвиновского музея на Пироговке с 19 ч. смотрели коллекции или старые фильмы о животных. Вторник проходил обычно на базе областного пединститута им. Крупской, где покровителем кружка неизменно был профессор А.П. Кузякин. Это был день общего собрания, когда выступали с докладами ученые, писатели, художники, делились воспоминаниями об исследованиях, экспедициях, творческих поездках, показывали кинофильмы, а иногда — бывшие тогда в диковинку слайды. Захватывающе интересно рассказывал о своих приключениях М.М. Герасимов, знаменитый антрополог, восстанавливающий по строению черепа портреты исторических личностей — Чингисхана, Ивана Грозного, Шиллера и многих других. Зоолог и этнограф А.В. Рюмин делился впечатлениями о проникновении в тайны Каповой пещеры, режиссер Д. Берман, бывший кружковец, показывал фильмы о морских птицах, Н.Н. Дроздов приносил живых змей, ящериц, черепах. Рассказы по вторникам были чрезвычайно разнообразны. Друзья и ученики Петра Петровича щедро дарили кружковцам свои интеллектуальные богатства, накопленные за годы творчества.

В среду и субботу Петр Петрович ездил со школьниками на короткие выезды-экскурсии, часто в черте города: в Сокольники, Фили, Измайлово, Ботанический сад или зоопарк. Эти поездки были бесконечно разнообразны и не похожи одна на другую, даже если между ними проходило всего несколько дней. В музеях и на выставках штатные экскурсоводы постепенно оставляли свои группы и скапливались вокруг Смолина. Они слушали его, затаив дыхание, как будто сами попали в музей впервые, а потом открывали перед нами двери таких тайников, куда простому смертному и думать нечего было, попасть. В Главном

ботаническом саду — оранжерею гигантских кактусов, в Музее земледования МГУ — камеру, где под ультрафиолетовым колпаком минералы светились таинственным фосфорическим светом. Но с приближением городской биологической олимпиады на биофаке МГУ среда и суббота становились чисто деловыми днями, подчиненными исключительно подготовке к решающему испытанию. По средам занимались в Зоологическом музее университета на улице Герцена, на Географическом факультете МГУ или на Красносельской в городском ветеринарном отделе, где силами энтузиастов тоже был создан неплохой музей чучел диких животных. По субботам собирались в старом здании МОПИ им. Крупской, это был день ботаники, изучали гербарий. Кажущееся однообразие занятий было подчинено одной цели — научить нас так хорошо разбираться в фауне и флоре Центральной России, чтобы мы не забыли этого многие годы. Для этого Петр Петрович много раз повторял с нами один и тот же материал — видимо, это был лучший способ впихнуть знания в наши уже уставшие от школьного дня головы. А постоянная проверка проводилась исподволь, фрагментарно, в течение всего занятия, без школьного занудства. Зато, какой радостью загорались его глаза, когда оказывалось, что время истрачено не напрасно!

Постепенно вся жизнь подчинялась надвигающейся олимпиаде. Ведь результат ее должен был не только стать оценкой знаний, но и поднять кружок в глазах общественности — учителей, методистов, преподавателей МГУ, наконец, родителей, которые были далеко не единодушны в оценках увлечений своих чад. Олимпиада должна была создать прочную рекламу кружка как центра подготовки будущих биологов. И ВООП много лет неизменно занимал первое место на городской, а впоследствии — Всесоюзной биологической олимпиаде школьников.

Система П.П. Смолина состояла в том, чтобы предоставить кружковцам как можно больше свободы. С нас не требовалось ни аккуратного посещения занятий, ни

регулярных записей, никто никогда не проверял наших дневников, не зазывал на выезды. Петр Петрович требовал только одного — знаний.

Объясняя новичкам правила приема в кружок, Смолин всегда подчеркивал, что если человек пришел, это вовсе не значит, что он не может уйти. Своих знаний ему ни для кого не было жаль, и он, усмехаясь, объяснял: «Гостем можно быть вечно!» Таких «гостей» в ВООПе всегда было достаточно — Петр Петрович считал это не недостатком, а достоинством своей системы. Тот, кто «гостил» на ВООПе достаточно долго, становился кандидатом в члены кружка или входил в «постоянный состав». Прием обычно происходил по понедельникам в присутствии ППСа. «Гостя» сажали на стул посередине, и члены кружка начинали спрашивать о чем угодно из биологии, по несколько часов подряд. Специально готовиться было бесполезно, для этого надо было бы выучить все от Бианки до Брема. Разумеется, ни о каких шпаргалках и речи быть не могло. Экзаменаторов набегало до 20 человек, и опрос больше походил на перекрестный обстрел. Это был самый честный из экзаменов, на нем проверялась эрудиция, полученная в кружке. У экзаменаторов ее было больше, у экзаменуемых — меньше, но источник был один — Петр Петрович. Поэтому провалы на приемах случались чрезвычайно редко.

Все воскресенья года (кроме дней олимпиады) оставались полевыми днями. Список мест выездов был чрезвычайно обширен, фактически — все Подмосковье. Обычно шли от одной железнодорожной станции до другой, встречая по пути массу интересного. Петр Петрович всегда шел впереди и, как непревзойденный знаток природы, умел показать на маршруте множество характерных мелочей, приоткрыть десятки тайн. Он прекрасно разбирался в птицах и в их голосах, в рыбах, земноводных и пресмыкающихся, в насекомых, моллюсках, грибах (не только съедобных), в травах, деревьях и кустарниках, в следах и других свидетельствах скрытой лесной жизни. Например,

зимой отличал породы лиственных деревьев по силуэту, кустарники — по коре и почкам и учил этому своих спутников. Мог при случае подшутить: «Попробуйте-ка!» — и, лукаво усмехаясь, со вкусом запихивал в рот невинные с виду листочки, как бы собираясь полакомиться. Новички, ничего не подозревая, принимались старательно жевать. Невдомек им было, что это растение — водяной перец, не ядовитый, но отменно жгучий! Так польза познания природы подтверждалась практикой.

На экскурсиях Петр Петрович не упускал случая показать, как быстро и правильно разжечь костер, как убрать стоянку, чтобы и следа не осталось, даже следил за экономным расходом продуктов. Сказывались годы экспедиционной жизни, военные лишения, нелегкая повседневность. Он не мог допустить, чтобы вылили сладкий чай, выбросили горбушку хлеба.

Полноправным воопцем кружковец становился после приема в члены кружка. Членство давалось за практическую деятельность, обычно за летнюю работу в экспедиции с последующим сообщением на конференции «Встреча поколений», а также за высокие показатели на олимпиаде. О приеме в члены кружка очередной группы достойных ППС торжественно объявлял на общем собрании. Членство давало кружковцу право голоса на собрании, право быть избранным в бюро кружка, на участие в юбилейном выезде и, главное (что могло быть почетнее?!), право спрашивать на приеме в постоянный состав.

Эта постоянная самостоятельность, свобода и ответственность сделали кружок самоорганизующейся устойчивой системой и впоследствии позволили ему намного пережить своего учителя в форме нескольких дочерних организаций, руководимых последователями П.П. Смолина.

Сегодня в новом здании Государственного Дарвиновского музея, главным хранителем коллекций которого П.П. Смолин оставался до конца дней, развернута экспозиция, посвященная главному делу его жизни — кружку ВООП.

Петр Петрович Смолин

*Из книги Петр Петрович Смолин (биографический очерк)
Москва: ГДМ, 1997 24 с.*

Петр Петрович Смолин в истории отечественной биологии, музееведения и педагогики занимает особое место. За более чем пятидесятилетнюю деятельность по подготовке молодых биологов (с 1923 по 1975 гг.) Петр Петрович один выполнил работу, сравнимую по результатам с деятельностью специализированного ВУЗа. Хотя его подвижническая работа ограничивалась в основном Москвой, питомцы ППСа (так называли его юннаты) трудятся и поныне в различных научно-исследовательских учреждениях, университетах и институтах, школах, работают в заповедниках и охотхозяйствах по всей стране от западных границ до Дальнего Востока.

Петр Петрович не просто любил и великолепно знал мир животных и растений (как в природе, так и в музейных коллекциях), он еще обладал редким даром пробудить любовь и тягу к познанию живой природы у своих учеников. Многие, не став биологами, переняли у своего Учителя бережное отношение к природе, острую наблюдательность, желание передать другим в наглядной форме увиденную красоту. В числе учеников ППСа писатели, художники, таксидермисты, фотомастера, запечатлевшие все разнообразие живой природы и, конечно, птиц — любимого объекта исследований Петра Петровича Смолина.

Петр Петрович родился 5 января 1897 г. в городе Кургане в состоятельной купеческой семье. В отличие от деда Дмитрия Ивановича, отец П.П. Смолина — Петр Дмитриевич, потомственный почетный гражданин, делами занимался мало, и главой семьи была мать — Прасковья Ивановна, любимица всей многочисленной родни. Народная учительница, Прасковья Ивановна была весьма образованной женщиной, из первого выпуска Бестужевских курсов. У Петра Петровича было четверо братьев (один умер младенцем). Старший брат Дмитрий Петрович в будущем стал писателем и драматургом, младший

Александр Петрович — инженером, работал в авиации.

Когда пришло время учиться, Прасковья Ивановна увезла сыновей в Екатеринбург, где они поступили в реальное училище. Летом семья возвращалась в Курган. Учебу сыновей Прасковья Ивановна старалась обставить всем, что было нужно: не жалела денег на книги и всякие пособия. По воспоминаниям родных маленький Петя любил собирать насекомых и другую живность. Став постарше, он завел в доме птиц, одну комнату даже превратили в вольер.

В Екатеринбурге судьба свела Петра Петровича с Дмитрием Павловичем Соломирским, крупным промышленником и орнитологом-любителем. Его коллекция чучел aberrативных тетеревиных попала в Дарвиновский музей в Москве, там позднее Петр Петрович работал с этими птицами. В Екатеринбурге на гимназическом балу, где Петр Петрович выделялся как завзятый танцор, он познакомился со своей будущей женой Ниной Наркисовой. Она была воспитанницей известного уральского геолога и краеведа М.О. Клера.

В 1913 г. Прасковья Ивановна переехала с детьми из Кургана в Москву, где стала жить, снимая квартиру на Мясницкой, а затем на даче в поселке Соломенная сторожка, что расположен около Петровско-Разумовского. После окончания реального училища Воскресенского в Москве и сдачи экзамена на аттестат зрелости Петр Петрович стал студентом естественного отделения (по циклу зоология) физико-математического факультета Московского университета (1914 г.). Здесь он слушал лекции Г.А. Кожевникова, А.Н. Северцова. В этот период сформировались основные области интересов Петра Петровича, которые устойчиво с незначительными перерывами продолжали параллельно развиваться всю жизнь. На них мы подробнее остановимся в конце биографического очерка. Во время учебы в университете (1914—1916) Петр Петрович активно занимается сбором орнитологических и герпетологических коллекций под Москвой и летом в Курга-

не, отмечая в своем послужном списке добычу цветовой вариации большого подорлика, гибрида обыкновенной и белошапочной овсянки, гинандроморфного снегиря, лазоревок Плеске. Эти сборы поступали в фонды Зоомузея университета и Дарвиновского музея.

Много времени проводит студент Смолин за разбором коллекционных фондов самих музеев. Определяет и переопределяет птиц и представителей герпетофауны. Желание точно узнавать живых животных в природе побуждает его начать разработку метода определения птиц и земноводных по голосам. В студенческом кружке любителей естествознания при Тимирязевской сельскохозяйственной академии под руководством В.В. Станчинского Петр Петрович совершенствуется в определении птиц в поле. Он становится также членом кружка любителей певчих птиц Русского общества акклиматизации животных и растений, входит в культ-комиссию этого общества и начинает водить свои первые экскурсии по Московскому зоопарку и в природу.

К осени 1916 г. П.П. Смолин был призван на военную службу и по окончании школы прапорщиков зачислен в 79 запасной полк, стоявший в Рязани. Но тяготы армейской жизни не уменьшили зоологического интереса молодого исследователя. Добытый им под Рязанью выводок большого тушканчика передается в Зоопарк. В 1917 г. Петр Петрович — на Румынском фронте в составе 5 Калужского полка в Трансильванских Альпах, взводный офицер. В условиях затишья на фронте и активизации политической жизни он читает бойцам лекции по истории политических учений. Сам он придерживался скорее эсеровских взглядов, был избран председателем полкового комитета.

После революции, весной 1918 г. П.П. Смолин возвращается в Москву и сразу с головой окунается в свою стихию — биологию и экскурсионно-пропагандистскую деятельность. Первое место работы — Зоопарк, зав. аквариумом, и.о. зам. по науке, зав. отделом. Служба дает

право на получение продовольственной карточки и пайка. Время голодное, а на плечах Петра Петровича забота о большой семье: жене, матери, родственниках. В Зоопарке Петр Петрович знакомится с Александром Федоровичем Котсом, основателем Дарвиновского музея, одним из руководителей Зоопарка в то время. Эти люди умудрялись не только сохранять коллекции Зоопарка в неблагоприятные годы, но и пополнять их по мере сил новыми экспонатами. Так, в Зоопарке были собраны многочисленные породы кур, фазанов и других птиц из национализированных частных птичьих хозяйств. Дожив свой век в Зоопарке, эти птицы затем в виде чучел поступили в Дарвиновский музей. Здесь и орловские красные, полуситцевые, павловские серебристые, гуданы и другие породы. В Зоопарке Александр Федорович и Петр Петрович вели и экспериментальные работы по гибридизации кур, фазанов, голубей, кроликов, изучали наследование признаков, сцепленных с полом. В дальнейшем эта тема была продолжена в Зоопарке М.М. Завадовским. Оперативное изменение пола, гормональные воздействия в сравнении с результатами скрещивания давали интересный материал для общебиологических выводов.

Александр Федорович Котс вспоминает: «...способность игнорировать житейские и обывательские дразги, трудности или помехи дали мне возможность в годы первых послереволюционных лет поставить с помощью Петра Петровича до полусотни опытов по скрещиванию различных животных, обеспечив в результате этих опытов пополнение выставочных экспонатов Дарвиновского музея... Работам Смолина в том же саду (Зоопарке) музей имени Дарвина обязан целиком созданием отдела, посвященного учению о «наследственности» у животных, зала, посвященного нормам и закономерностям генетики, без понимания которых все учение о «естественном подборе» повисает в воздухе. Но в ту же пору я имел возможность ознакомиться впервые с данными Петра Петровича как лектора, руководителя экскурсий.»

Забота о сбережении природы всегда были отличительной чертой Петра Петровича. Он один из соавторов первого декрета Советской власти об охране природы, участник комиссии по организации Астраханского заповедника. В 1921 г. он посещает Асканию-Нова с целью налаживания обмена животными с Московским зоопарком. Петру Петровичу выдается мандат на охрану национализированного частного биологического музея А.С. Хомякова. Разбор его коллекций, обстоятельства передачи их в Дарвиновский музей — сюжет для увлекательного романа. Только из раритетов упомянем здесь чучела вымерших птиц, в частности бескрылой гагарки, коллекцию колибри, райских птиц, птиц-носорогов, фазанов, сборы тропических насекомых, уникальные книги, в том числе четырехтомный Одюбон, 14-томная монография по дятлам и т.д. При участии Петра Петровича в Дарвиновский музей попадает коллекция аберративных тетеревиных из Политехнического музея, коллекция из Китая чаоторговца Попова. Вероятно, в это время Петр Петрович начинает разрабатывать на основе всего этого материала вопросы зоогеографии и систематики птиц. Любопытно, что свои взгляды на центры возникновения и расселения некоторых групп тропических птиц Петр Петрович обсуждал с Николаем Ивановичем Вавиловым, когда тот заходил к нему в гости в Зоопарк и рассказывал в свою очередь собственную теорию центров происхождения культурных растений. Верный своей привычке совершенствовать знания о живой природе, Петр Петрович попросил у Николая Ивановича помощи при определении подмосковных злаков. Не приходится удивляться теперь, почему впоследствии Петр Петрович поражал многих своим знанием растений. Да только ли растений?! Все эти знания он активно применял в своей экскурсионной деятельности.

В первые годы после революции, по собственным словам Петра Петровича, наблюдался расцвет экскурсионного дела, где ППС без ложной скромности считал себя реформатором. Будучи сотрудником опытной экс-

курсионной базы и музейно-экскурсионного института, работая при Наркомпросе, Петр Петрович развивал на биологических объектах те принципы, которые Гейнике использовал в исторических экскурсиях, а Бакушинский впервые применил в искусствоведении: на ряде специально подобранных картин попытаться вызвать у слушателей определенное впечатление от отдельно взятой картины, попытаться побудить слушателя переживать картину. «А я, — говорил Петр Петрович, — применил этот подход в экскурсиях по Зоопарку, Зоомузею и по Подмосковию».

На короткий период Петр Петрович был мобилизован в армию, уже Советскую. Будучи политруком роты, читал лекции по текущему моменту, подал заявление в партию, но дальше дело не пошло. Вернувшись по заявке Наркомпроса из Архангельска в Москву, Петр Петрович пришел опять в Зоопарк. Он по-прежнему активно изучает птиц в природе: на участке, закрепленном за Зоопарком в Истринском районе Подмосковию, в Сокольнической роще, где собранные им данные вошли позднее в публикации М.М. Беляева. В 1923 г. поездка в Ленинград, продолжение работ с лазоревкой Плеске.

В том же году в Московском зоопарке Петр Петрович вместе с В.Г. Дормидонтовым организует свой первый биологический кружок — КЮН, из которого через год под руководством П.А. Мантейфеля сформировался известный КЮБЗ, существующий до сих пор. Принципы организации кружковой работы были в чем-то сходны с разработанными ППСом ранее экскурсионными подходами. «Понемногу обо всем и все о немногом. Ближе к природе! — говорил ППС. — Книжных знаний поменьше, а природы побольше, не забывая о связи с современностью. Мы не знаем, какие знания нам пригодятся в жизни, поэтому я предпочитал не накапливать знания, а совершенствовать способы получения знаний. И природа дает в этом отношении ряд удачных примеров». «У меня в кружковой работе, — подчеркивал Петр Петрович, — три принципа:

опора на подлинный природный материал, исследовательский подход и известный общественный момент».

Нельзя сказать, что эти принципы Петру Петровичу удалось воплощать в жизнь без борьбы. Страсти кипели и вокруг исследовательского метода в юннатской работе, и вокруг экскурсий в природу, не говоря об «общественном моменте».

В 1924 г. Смолин уходит с частью ребят из Зоопарка в БЮН. Связь с Биостанцией юных натуралистов в Сокольниках, с ее первыми руководителями Б.В. Всесвятским и Н.И. Дергуновым у Петра Петровича началась гораздо раньше, во время совместной организации и проведения Дней птиц, а позднее Дня леса. О жизни биостанции ее выпускниками написана интересная книга «У истоков юннатского движения» (имеется рукопись и второго тома), говорится там и о Петре Петровиче — методисте, заведующем и преподавателе опытной школы БЮНа [см. также воспоминания Н.И. Калабухова (1978), А.А. Максимова (1992)].

Летом 1924 г. по инициативе БЮНа состоялся I Всесоюзный съезд юных натуралистов, где Петр Петрович избирается в состав постоянно действующего Бюро, осуществляющего координацию юннатской деятельности по всей стране. Ряд работ П.П. Смолина, выполненных в БЮНе (главным образом орнитологических и методических) опубликовался в «Листках Биостанции» с 1924 по 1929 гг.

Активно способствовал Петр Петрович развитию кольцевания птиц, и первые кольца несли надпись — Москва, БЮН. Интересно отметить, что в школе, которой руководил Петр Петрович, существовало два пути окончания: подготовка к поступлению в ВУЗ и специализация к производственной работе по профилю птицеводства, садоводства, луговедения, фитопатологии, пчеловодства и промышленной энтомологии. Однако усиливающаяся «общеобразовательность» школы с поворотом в политехнику, политизация юннатского движения и ряд других моментов побудили ППСа покинуть БЮН в 1929 г. К этому времени у него уже большой опыт изучения формиро-

вания у детей интереса к биологии.

На I Всероссийском съезде по охране природы Петр Петрович, постоянный участник межведомственного комитета по заповедникам и охране природы, делает доклад «Роль молодежи в деле охраны природы в СССР», активно участвует в общей дискуссии. Материалы съезда (доклады, вопросы, дискуссия, резолюции) опубликованы год спустя, в 1930 г.

В сентябре 1930 г. начинается новая полоса в жизни П.П. Смолина. По специальному приглашению он переезжает в Архангельск, где основывает и возглавляет Северную зональную станцию Всесоюзного института пушно-мехового хозяйства. И здесь сразу появляются ученики. Петр Петрович занимается вопросами пушного промысла, акклиматизации ондатры, реакклиматизации бобра, клеточного звероводства, в частности песца и черно-бурых лисиц. В 1931 г. он участник экспедиции на ледоколе «Русанов» по маршруту Архангельск — Колгуев — Югорский Шар — Вайгач — Новая Земля — Мурманск. Исследуя проблемы островного звероводства (на Колгуеве), Петр Петрович изучает кормовую базу зверей, размеры индивидуальных участков. На материке продолжают работы по оценке обилия пушных зверей на маршрутных учетах с использованием индивидуальных следовых меток зверьков, анализируются сводки ежегодных заготовок пушнины, анкет-опросов охотников. Разрабатывается пятилетний план развития охотничьего промысла в Северном крае. К Петру Петровичу едут дипломники и аспиранты, он преподает биологию в Северном краевом ВУЗе. Работа опытной станции в Архангельске описана в популярной форме в книге М. Максимова «Среди черно-серебряных лис»(1931), где в одном из главных героев можно узнать Петра Петровича. Научные публикации Смолина этого периода подробно описаны в очерке Н.А. Гершкович и др. (1976).

В 1935 г., оставив вместо себя учеников, Петр Петрович переезжает вместе с семьей (женой и сыном) в Крым-

ский заповедник. Здесь он научный сотрудник (зоолог), затем зам. по науке, ведет наблюдения за суточной активностью копытных (оленья, косули, акклиматизированного муфлона), закладывает маршруты учета видового состава и относительного обилия птиц предгорного и горного Крыма. Петр Петрович водит экскурсии по заповеднику, к нему приезжают студенты. Он работает и в прикладной области — шелководстве.

Там же, в Крымском заповеднике, в 1937 г. по доносу Петр Петрович был арестован. Необоснованность обвинений стала очевидна во время краткого периода пересмотра некоторых сфабрикованных дел. Петр Петрович покинул Крым с добрым советом-наказом одного из власть предержащих — любителя птиц, который симпатизировал странному подследственному, — нигде о своей отсидке больше не упоминать.

В 1939 г. Петр Петрович обосновался в Москве, где его взял на работу экскурсоводом в Дарвиновский музей Александр Федорович Котс. Петр Петрович продолжил исследования по генетике грызунов и кроликов. Материалы этих опытов по гибридизации в виде шкур, тушек и чучел вошли в фонды Дарвиновского музея, но результаты, к сожалению, не опубликованы. На Московском холодильнике Смолин проводит отбор для музея научного материала по изменчивости лисиц и других пушных зверей. Возобновил Петр Петрович учеты птиц Москвы, экскурсии и лекции с юннатами, активно участвовал в Дне птиц, в деятельности Совета общества охраны природы.

Мирный труд прервала война, и Петр Петрович уходит на фронт. Но и здесь он верен себе: в перерыве между боями он делает заметки о птицах Смоленской области. Хорошее знание леса не раз помогало старшему лейтенанту Смолину и в разведке, и при выходе из окружения. В 1943 г. Петр Петрович командирован в Центральную школу военного собаководства Управления связи Красной Армии. До 1946 г. Петр Петрович преподаватель на курсах военного собаководства. Стремясь сохранить для

науки шкуры погибших и умерших собак, он передавал эти материалы в Дарвиновский музей, где они, в виде мастерски сделанных чучел, вошли в экспозицию «Искусственный отбор».

С 1946 по 1948 гг. П.П. Смолин преподает в Пушномеховом институте, читает лекции по курсу «Пантовое оленеводство», а в 1946 г. он возглавил КЮБЗ, сразу сориентировав ребят не только на широкий охват разнообразных проблем биологии на современном уровне, но и на любимые выезды в природу. Об этом периоде работы Петра Петровича с юннатами пишет Т.П. Евгеньева в своей книге «Племя кюбзовцев» (1984). В это непростое для биологии время, непростое и для преподавания биологии, Петр Петрович последовательно отстаивает свои принципы воспитания юных биологов. Однако из КЮБЗа пришлось уйти. В 1948 г. Петр Петрович окончательно переходит на работу в Государственный Дарвиновский музей, сначала в качестве лектора, а потом главного хранителя. Трудно переоценить вклад Петра Петровича в организацию экспозиций Дарвиновского музея по эволюционным вопросам, его участие в систематизации и паспортизации фондов. Научные интересы Петра Петровича были связаны с систематикой и фаунистикой птиц, он консультировал работы по аберративным тетеревиным, пушным зверям, фазанам и т.д., работы по генетике. Вот как об этом пишет директор и основатель музея А.Ф. Котс: «Среди немалого количества дипломированных зоологов и вообще натуралистов нашей Родины, Петр Петрович Смолин представляет из себя явление довольно необычное, я бы сказал отчасти уникальное: музейец, полевик-натуралист, хотя и не охотник, педагог, педагог-общественник, писатель, он своей столь самобытной жизненной тропой обязан преимущественно самому себе, используя предельно две черты, два прирожденных дарования, им внесенные в жизнь. Эти два дара, несомненно, прирожденные: любовь к живой природе и любовь к родному слову... Незаменимым оказался он для музея своими познаниями как

зоолог (не только по разделу нашей русской фауны, но и экзотической), не только умело разбиравшийся тогда уже в генетике, но по особым свойствам своего характера. Я понимаю здесь одну завидную черту Петра Петровича — работая, настолько увлекаться, что не видеть окружающего, игнорировать реальность обстановки, редкое умение отвлекаться от нее, всецело отдаваться делу. Забегая несколько вперед, должно сказать, что очень ценная по существу, эта черта, эта способность Смолина в своем энтузиастическом увлечении работой забывать все окружающее, делало то, что я порой серьезно опасался за сохранность моего музейного имущества, боясь, что занятый своим горячим лекционным объяснением Петр Петрович не заметит, как утащат из музея чучело слона или жирафы.» Далее Александр Федорович замечает: «В трех направлениях пошла наша работа. Всего прежде в области обслуживания наших музейных посетителей и всего прежде, разумеется, учащейся молодежи... эта сторона работы Смолина теснейшим образом увязана с основанным им «кружком юных биологов» и регулярной работой с ним... Остановлюсь на двух других сторонах деятельности Петра Петровича по Дарвиновскому музею.

Всего прежде — по подбору или пополнению наших собраний по пушным животным, в частности по выводимым в наших зверосовхозных фермах помесей, или гибридов лис, различных вариететов — платиновых, беломордых и трехколерных... Это увлечение гибридизацией лисиц различных колеров или мастей было использовано Дарвиновским музеем лишь благодаря Петру Петровичу и привело к созданию коллекции, непревзойденной по богатству своего состава.

Еще более, однако, ценным оказалось продолжение гибридизационных опытов с различными зверьками после прекращения этих опытов в московском зоосаде и перенесения их в стены Дарвиновского музея. Сотни морских свинок, цветных крыс и кроликов систематично, планомерно выведенных за тридцать с лишним лет,

доставили Музею совершенно уникальный материал для экспозиции, равный которому едва ли можно вообще найти в музеях.

Но еще и по другому интересному разделу нашего музея роль Петра Петровича была неопределима и на этот раз отчасти связана с его военным званием, как спеца по служебному собаководству. И десятки представителей редчайших, частью вымирающих пород «барбосов» удалось увековечить (в виде чучел после естественной смерти) в Дарвиновском музее лишь благодаря обширным связям Смолина с собаководческими учреждениями.»

С начала 50-х годов Петр Петрович провел ряд специальных исследований на базе Приокско-Террасного заповедника: анализ результатов реакклиматизации бобров, влияние повышенной численности лося на древостой и подрост, оценка видового состава и обилия птиц на маршрутных учетах, биология птиц-дуплогнездников и открытогнездящихся птиц. Работы по дуплогнездникам в Приокско-Террасном заповеднике в массовом масштабе проводил тогда Геннадий Николаевич Лихачев. Удачным было содружество этих двух замечательных людей. Многие ученики ППСа дневали и ночевали в доме Геннадия Николаевича в заповеднике, вели самостоятельные работы, помогали в развеске и обследовании дуплянок. Работы юннатов обсуждались при активном участии двух патриархов. А юннатов у Петра Петровича к этому времени было довольно много.

В конце 1949 — начале 1950 г. при Всероссийском Обществе охраны природы (ВООП), где Петр Петрович продолжал сотрудничать, он создал школьный кружок для ребят, интересующихся биологией. Кружок быстро выдвинулся на первые места в юннатском движении, о «вооповцах» заговорили. Это последнее творение ППСа заслуживает специального исследования. После продолжительных мытарств с помещением кружок, который сами ребята называли ВООП, обосновался под крылом Петра Петровича в Дарвиновском музее, сохранив свое самоназвание.

Дадим лишь краткое описание вооповского образа жизни. Последовательно претворяя в жизнь свои старые принципы — опора на подлинный природный материал, исследовательский подход и известный общественный момент, ППС несколько изменил конечную цель: наилучшим итогом кружковой деятельности считалось поступление в ВУЗ, и особенно на биофак МГУ. Чтобы облегчить эту задачу, помимо традиционно сильной специализированной кружковой работы, ученики ППСа особо готовились к Всесоюзной биологической олимпиаде школьников, где обычно занимали большинство первых мест. Летом полагалось обязательным выполнение самостоятельной работы при профессиональных биологах в заповедниках, экспедициях и научных учреждениях. Там встречались ученики Петра Петровича разных поколений, юннаты непосредственно могли наблюдать места и характер своей, возможно, будущей работы. А осенью готовились и оформлялись рукописные самостоятельные работы по результатам летних поездок. Доклады юннаты делали на специальной отчетной конференции и на конференции «Встреча поколений», где вместе с ними докладывались результаты исследований уже профессиональных биологов — учеников ППСа. Победа на Олимпиаде, самостоятельная работа обеспечивали вооповцу режим наибольшего благоприятствования при поступлении в ВУЗ. Таким образом, возможность получить специальное высшее образование получали, как правило, ребята, действительно интересующиеся биологией, имеющие навыки самостоятельной работы и полевой опыт, хорошее знание растений и животных. Однако, как с грустью отмечал Петр Петрович, в начале 70-х гг. ситуация стала меняться, биология и биологические ВУЗы получили существенный крен в сторону экспериментальной науки с преобладанием биохимии, биофизики и молекулярной биологии. Временный престиж этих наук возрос, в ВУЗы потянулись люди, весьма далекие от биологии, не знающие толком ни растений, ни животных, с безликими

частями которых им предстояло работать. Механистический, «физический» подход стал подменять эволюционные проблемы, проблемы жизни. Одним из печальных последствий этого процесса стало тяжелое положение с охраной природы. Теперь, в конце XX века, снова заговорили об экологическом воспитании, а этим воспитанием молодежи Петр Петрович начал заниматься в 1914 г. и последовательно продолжал его всю жизнь. На ВООП могли приходиться все, как говорил ППС, а амплитуда такая: от школьника 3 класса до кандидата наук. Все было поначалу «гости». Членом кружка становились по мере проявления своих интересов и знаний. Кружок был настолько притягательным местом, что общеобразовательная школа скорее была при кружке, чем наоборот. Занятия велись до шести раз в неделю, включая лекции ППС, выезды в природу, занятия с коллекциями Дарвиновского музея, Зоомузея, Биофака МГУ, МГПИ, МОПИ, доклады и семинарские занятия «интересных людей». Сконцентрировавшись на выбранной самостоятельной теме (все о немногом), кружковец постепенно узнавал понемногу обо всем, что делалось в современной биологии и около нее. От последних достижений генетики и молекулярной биологии, зоологических и ботанических исследований и находок — до парапсихологии и проблем поисков «снежного человека». Приглашались (обычно во вторник) с докладами люди, побывавшие в интересных местах, художники-анималисты. На любой вопрос кружковец мог получить ответ у ППС или доброжелательный совет, где и как самому поискать. Что же давало такое воспитание? На одном из последних юбилеев Петра Петровича начали подсчитывать число докторов наук из его учеников, получилось больше 40, а кандидатов наук после первой сотни перестали считать. Может быть одним из основных достоинств учеников ППС было и остается умение самостоятельно мыслить и принимать решения, как в науке, так и в жизни вообще, а в наш обезличенный век это немало. Великолепно зная детскую психологию, Петр Петрович

старался ввести игровой, изобразительный момент в свои лекции, экскурсии и занятия. Он сам писал стихи-загадки. Под редакцией известного орнитолога Г.П. Дементьева вышла небольшая книжечка ППСа со стихами-загадками о птицах, куда вошла часть из написанного им на эту тему. Например:

В чаще, где сосна и ель,
Свист, серебряная трель.
Начинает спозаранку
Рыжегрудая ... (зарянка).

Лишь скрипит, а не поет,
В полудуплах гнезда вьет.
Все движенья очень ловки
Скромной ... (серой мухоловки).

На выездах придумывались и хорошо запоминались звуковые ассоциации голосов птиц разных видов: «Филипп, чай пить, чай пить, с сахаром, с сахаром» (певчий дрозд), «три, три, четыре, четыре»(мухоловка-пеструшка), «Мужик, сено вези, да не трясси-и-и»(обыкновенная овсянка), «Витю видел? Витю видел?» (чечевица).

А.Ф. Котс так образно охарактеризовал эту область деятельности своего давнего соратника: «Остается коротко остановиться на другом природном даровании Петра Петровича, на его редком влечении к живому слову и родному языку.

Не разделяя полностью краеугольной установки Смолина в вопросе о методике преподавания и способе общения с молодежью, именно его подход к каждому из его юных слушателей или собеседников, как к «будущим биологам», я не могу не признать, что некогда у колыбели нашего П. Смолина стояла, пусть довольно скромная, но явно благоволившая к нему фея или муза поэтического творчества ...»*

---

*Смолин П.П. Птицы в загадках. М, изд-во ВООП. 1957.

Петр Петрович готовил радиопередачи, активно сотрудничал с журналами «Пионер», «Юный натуралист». Его лекции записывались на магнитофон, о нем снят документальный фильм «Пусть поют птицы».

После тяжелой болезни, 28 сентября 1975 г. Петра Петровича не стало. Он умер на руках одной из своих учениц. Его последние слова были: «Олени уходят в горы. Я видел зимородка на речке Таденке». Прах Петра Петровича покоится в крематории Донского монастыря в Москве.

Дело Петра Петровича продолжают его ученики, преподаватели ВУЗов, руководители школьных кружков при Дарвиновском музее, Доме научно-технического творчества молодежи и в других местах.

Большой архив и библиотека Петра Петровича в соответствии с его желанием переданы в Дарвиновский музей.

В заключении для примера кратко остановимся на основных областях интересов Петра Петровича Смолина, связанных с орнитологией, и попытаемся оценить их значение для дальнейшего развития науки. Напомним, что птицы были любимым объектом ППСа. Хотя Петр Петрович и говорил следующее: «Я бы мог стремиться попасть в научный институт, начать разрабатывать какую-нибудь тему, но мне показалась самой важной работа по воспитанию будущих исследователей природы, и я решил посвятить себя ей», но и в науке им сделано совсем немало.

Многолетние наблюдения Петра Петровича за птицами Москвы и Подмосковья, оценка видового состава, относительное обилие и фенологические аспекты гнездового цикла отражены лишь в нескольких публикациях. Данные по птицам Сокольнической рощи — в статьях Беляева (1937, 1938), по птицам Тимирязевской лесной дачи в совместной статье с Моравовым (1960). Материалы по птицам этого района имеются в виде примечаний в главе «Птицы» (Календарь русской природы, 1948). К сожалению, приведенная там таблица с целым рядом неточностей, взятая из работ Полякова (1914, 1924), в дальнейшем приписывалась Петру Петровичу. Из работ по промысловым птицам (см. библиографию) наиболее известны

очерки Петра Петровича в «Календаре охоты»(1950), выдержавшем несколько переизданий. Неизвестна судьба публикации, значившейся в рукописной библиографии Петра Петровича под N39 (начало 60-х годов), имевшей название «Орнитофауна городской территории Большой Москвы (содержит сводку многолетних наблюдений автора и других наблюдателей по данной территории и впервые публикуемый полный список, систематический, отмеченных в Москве видов птиц)». Была ли она опубликована? Данные по птицам Крыма, Смоленщины, десятилетние наблюдения и учеты птиц Москвы и Подмоскovie осели в архиве Петра Петровича и еще ждут своих открывателей. Там может быть находится рукопись работы Петра Петровича о методе обучения определению птиц в природе по голосам.

Удивительным было знание Петром Петровичем систематики птиц. Он не только знал наизусть все крупные системы класса птиц, состав отдельных групп вплоть до подвидов, но и составил свою оригинальную и удобную экологическую классификацию птиц, которая, к сожалению, не опубликована и знакома лишь ученикам Петра Петровича.

Известно, что Петр Петрович занимался зоогеографией и фаунистикой птиц, структурой ареалов отдельных групп и видов, используя коллекционный материал, литературные сводки. Им составлен перечень кольцевых и разобщенных ареалов птиц мира. Ученики Петра Петровича, работавшие в тропических странах, поражались тому, насколько лучше знал ППС птиц той страны, где они бывали, а он нет.

Петра Петровича всегда интересовало не только разнообразие живой природы, но и механизмы возникновения, существования и будущая судьба этого разнообразия, его интересовал процесс эволюции, возможности изучения закономерностей этого процесса. Сюда примыкали вопросы генетики (опыты по гибридизации птиц и млекопитающих), систематика близких видов, гибри-

дов, значение аберративной и тератологической изменчивости. Его интересовали вопросы акклиматизации и дичеразведения, научные основы искусственного отбора. Многие ученики Петра Петровича с его благословения занимаются или занимались этими проблемами. В период кризиса отечественной биологии, засилия механистического подхода к изучению жизни, прямых фальсификаций, Петр Петрович проводил сам и привлекал внимание своих учеников к таким работам, которые наглядно показывали механизмы устойчивости и изменчивости биологических систем. Например, работы по сезонному частичному альбинизму домового воробья, изучение примеров различных типов борьбы за существование. Постепенное возникновение новых признаков было продемонстрировано им на появлении у сизого голубя в Москве ранее не существовавшей способности садиться на ветки деревьев. Возникновение новой поведенческой адаптации произошло у локальной группы птиц и медленно, в течение ряда лет, распространялось на птиц других районов. Петр Петрович неоднократно подчеркивал устойчивый характер отдельных признаков и видовых систем в целом. На практике зная, как непросто закрепить новообразования у живых объектов, он довольно скептически относился к поискам философского камня преобразования природы, настраивая своих учеников на долготелый кропотливый труд, бережное и уважительное отношение к тайнам природы.

С печалью повторим, что многое из того, что знал и говорил Петр Петрович Смолин безвозвратно ушло. Какая-то часть осталась в архиве, хранящемся в Государственном Дарвиновском музее, в частных архивах его учеников. Ждут своего издателя расшифрованные лекции Петра Петровича о птицах, природе Подмосковья, о проблемах эволюции, записанные при его жизни на магнитофон.

Каждый год в первое воскресенье октября в условленном месте под Москвой собираются на юбилейный

выезд ученики Петра Петровича, ученики его учеников. Здесь проходит традиционная «Зеленая олимпиада» для новых поколений юннатов. Победителям вручаются призы — книги по биологии, иногда бинокль, гербарная сетка или котелок — атрибуты полевой жизни. Здесь у костра рассказывают молодым о Петре Петровиче, незабвенном ППСе, о двух его провидческих заветах: «Будущий век будет веком биологии» и ... «Ближе к природе!».

Библиография П.П. Смолина по орнитологии

1. **Смолин П.П.** Материалы по юношескому натуралистическому движению // Листки БЮН. 1924. №11.
2. **Смолин П.П.** Работа школ 1-ой ступени в г. Коломне по куроводству // Листки БЮН. 1924. №4. (в соавторстве с Е. Шапошниковой)
3. **Смолин П.П.** Птицы зимой // Листки БЮН. 1925. №2.
4. **Смолин П.П.** Осенняя экскурсия по птицам // В сб. «Осенние и зимние экскурсии в природу», М., изд-во Раб. просвещения. 1927.
5. **Смолин П.П.** Альбинос речной чайки // Листки БЮН. 1929. №12.
6. **Беляев М.М.** 15-летние наблюдения над орнитофауной Сокольнической рощи // Природа. 1937. Т.26, №7.
7. **Беляев М.М.** Об изменениях в авиафауне Сокольнической рощи за период 1922-1937 гг. // Зап. фак. естествознания МОПИ. 1938. №1.
8. **Смолин П.П.** Птицы // Календарь русской природы. 1948. Кн. 1.
9. **Смолин П.П.** День птиц. 1948. Начальная школа.
10. **Смолин П.П.** Пернатые Арктики и их добыча // Справочник полярника. 1949.

11. **Смолин П.П.** Календарь охоты. М., изд-во МОИП. 1950. (2-е изд. 1953)
12. **Смолин П.П.** Московский сизарь // Сб. «Голуби». М. 1956.
13. **Смолин П.П.** Разводите голубей. М., изд-во ВООП. 1956.
14. **Смолин П.П.** Птицы в загадках. М, изд-во ВООП. 1957.
15. **Смолин П.П.** О крылатых сторожах // Пионер. 1957. №6.
16. **Смолин П.П.** Готовьте корм птицам // Пионер. 1957. №8.
17. **Смолин П.П.** Что такое альбинизм // Охота и охотничье хозяйство. 1957. №6.
18. **Смолин П.П.** Пернатое население Москвы // Пионер. 1958. №1.
19. **Моравов А.А., Смолин П.П.** Об изменениях орнитофауны опытной дачи московской с/х Академии им. К. А. Тимирязева // Зоол. ж. 1960. Т.39, №8.
20. **Смолин П.П.** Апрель звенит // Юный натуралист. 1964. №5.
21. **Смолин П.П.** Синичьи специальности и синичьи дороги // Юный натуралист. 1966. №1.

Краткая библиография работ о П.П. Смолине

1. **Максимов М.** Среди черно-серебряных лис. Архангельск. 1931.
2. **У истоков юннатского движения** (сост. В.Г. Холостов). 1972. М., Просвещение.
3. **Сурова Е.** Вызываем «Соболь-2». 1975. М., Мол. гвардия.
4. **Гершкович Н.А., Разоренова А.П., Максимов А.А.** Петр Петрович Смолин // Бюлл. МОИП, отд. биол. 1976. Т.81, №5.

5. **Калабухов Н.И.** Жизнь зоолога. 1978. М., изд-во МГУ.
6. **Энциклопедический словарь юного натуралиста.** 1981. М., Педагогика.
7. **Евгеньева Т.П.** Племя кубзовцев. 1984. М., Знание.
8. **Его главный талант (к 90-летию П.П. Смолина) // Юный натуралист.** 1987. №1.
9. **Максимов А.А.** Путь к профессии: записки полевого эколога. 1992. Новосибирск.

Подписано в печать 03.09.2008 г.

Формат 60x90/16, гарнитура Palatino Linotype, Arial, печать офсетная.

Усл. п. л. 9. Тираж 500 экз. Заказ № 37

Типография Россельхозакадемии 115598, Москва, ул. Ягодная, 12.